

В. И. Шлома

Судьбы

18+

Владимир Иванович Шлома

Судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66112978

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь человека коротка, далеко не всем удается дожить даже до восьмидесяти лет. Одни стараются жить вопреки даже непреодолимым трудностям, которые на них сваливаются, хотя это не у всех и не всегда получается. Другие же делают все от них зависящее, чтобы угробить свое богатырское здоровье и как можно быстрее отправиться на тот свет. У каждого своя Судьба. Ее не всегда можно выбрать, зачастую она определена заранее свыше, и как бы человек не бился, он не может ее изменить. В книге собраны рассказы о людях, живших и работавших рядом с автором, об их Судьбах. К одним из них Судьба была благосклонна, к другим нет. Судьбы всех этих людей интересны, некоторые весьма поучительны. В любом случае все эти люди заслужили, чтобы о них и об их жизни помнили. И не просто помнили, а чтобы потомки сделали выводы из их жизни, и не повторяли их ошибок. Тогда кому-то, может, и удастся изменить свою не очень благосклонную Судьбу и не пустить свою жизнь под откос.

Содержание

Судьба	5
Семейная сага	9
Дед Степан и отец	9
Дед Карпо и баба Татьяна	21
Мать и отец	27
Соседи	32
Дед Логвин	32
Алексей Осипенко	42
Иван Огирь	53
Василий Остапенко	62
Саша	71
Одноклассники	80
Миша Костенецкий	80
Петя и Витя Осипенко	93
Коля Грек	100
Володя и Саша Ювко	111
Вася Ласый	116
Другие школьные товарищи	119
Московские соседи	125
Расплата	160
Неправильный выбор	167
Мстительница	173
Мария	181

Юра	189
Роберт	200
Вера Николаевна	206
Павлик	219
Дядя Ваня	236

Владимир Шлома

Судьбы

Судьба

В Советское время, когда в стране еще была идеология, пусть и коммунистическая, и было идеологическое воспитание подрастающего поколения, нас уверяли, что все в наших руках, и именно человек является кузнецом своего счастья. Тогда я в это тоже искренне верил, как и многие другие. Нужно хорошо учиться, хорошо работать, и придет успех, и ты всего добьешься, все у тебя будет прекрасно. Жизнь показала, что не все так просто. Хорошо учиться и хорошо работать конечно нужно, это – бесспорно. Но это только необходимые условия для успеха и счастья, но далеко не достаточные. Существует еще и Судьба, которая вносит свои, иногда решающие коррективы в жизнь человека. Не зря же говорят, что Человек предполагает, а Бог располагает. Об этом знали еще в древние времена. В Библии, в книге Екклесиаста, написано:

– «Не во власти человека и то благо, чтоб есть и пить, и усладить душу свою от труда своего. Я увидел, что это – от руки Божией»;

– «И обрattился я, и увидел под солнцем, что не провор-

ным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не разумным – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их».

Далеко не все в руках человека, для достижения успеха мало быть умным и хорошо трудиться, для этого нужно по воле случая, как считал Екклесиаст, в нужное время оказаться в нужном месте. Или наоборот, не оказаться в это время в ненужном месте, что иногда даже более важно, чем первое. Все это и есть Судьба, и люди над этим не властны. Многие люди благодарили судьбу и отмечали свой второй день рождения, когда случайно опоздали на самолет, который потом потерпел крушение. Двое моих знакомых неожиданно спаслись от Чернобыльской радиации. По разнарядке военкомата, Анатолия и Ивана, на двух колхозных грузовых автомашинах, отправляли для ликвидации Чернобыльской аварии. Погрузка автомашин на платформы затягивалась, и мобилизованные водители без дела слонялись по железнодорожной станции. Анатолий с Иваном пошли обедать в буфет, и там выпили бутылку водки. Как нарушителей дисциплины, которым не место среди передовой молодежи, едущей на ликвидацию аварии, их, вместе с автомашинами, отправили обратно в колхоз. Они не были пьяницами, но, благодаря этой выпитой бутылке, они не попали в зону действия радиации и остались здоровыми, да еще и председатель колхоза выписал им премию за то, что автомашины вернулись в колхоз целыми и невредимыми. Не знаю, судьба это была, или обычное

разгильдяйство, которое их спасло от Чернобыля, но они не попали в ненужное место.

А недавно я узнал, что умер мой товарищ Петр Попов. Это сообщение меня, как и других моих знакомых, шокировало. Петр всегда был спортсменом, никогда в жизни ничем не болел и был здоровее всех нас вместе взятых. Каждое утро, если не был на работе, он пробегал по двадцать километров и, на обратном пути, обязательно переплывал реку Оку, даже тогда, когда закрайки уже покрывались льдом. Участвовал во всех марафонах на 50 километров. Зимой каждый день бегал на лыжах. Не пил и не курил. Несколько лет назад купил участок земли и построил прекрасный загородный дом, в котором уже дважды собирал нас, своих товарищей, на праздники. Говорил, что собирается дожить до 95-ти лет, а потом в последний раз выйти в море на доске для серфинга, покататься и утонуть, чтобы его смерть считалась безвременной кончиной. И вот этот человек умер в полном расцвете своих сил, в возрасте 72-х лет, от коронавируса. В корона-вирус Петр вообще не верил, считал все это выдумкой. Приглашал нас всех опять к себе в гости, в свою новую баню, но никто не согласился к нему ехать в такой период. И не зря, оказалось, что еще двое, из той компании, которую он приглашал, болели коронавирусом, но они выжили, хотя оба были намного старше Петра, да и особым здоровьем не отличались. А Петр, со своим могучим спортивным телом, с коронавирусом не справился, пролежал в реанимации несколь-

ко дней и умер. Это судьба. Она внесла свои коррективы в жизнь и планы Петра, и с эти ничего нельзя поделаться.

Я уже тоже не молодой, примерно того же возраста, что и Петр, но далеко не такой здоровый. Многие из моих товарищей уже ушли из жизни. Некоторые сами выбрали свою судьбу, уделяя слишком много внимания водке, некоторым же судьба навязала свою волю, не считаясь с их желаниями и планами. Я не знаю, сколько еще отведено жизни мне, но под влиянием шока от смерти Петра, мне захотелось написать о судьбе некоторых моих товарищей и знакомых, которые жили и трудились рядом со мной. В последние годы жизни мама много мне рассказала о наших предках и родственниках. После смерти мамы, скорее всего, я единственный носитель этой информации. Хочется, чтобы их жизни не исчезли бесследно, чтобы какая-то память о них сохранилась. Скорее всего, это будут не очень веселые рассказы, но это уж как получится.

Семейная сага

Дед Степан и отец

Деда Степана я никогда не видел, знаю о нем только по рассказам отца Ивана. Даже фотографии долгое время не было, увидел я ее только пару лет назад. Первая жена Степана, Ульяна, умерла, когда Иван был еще совсем маленьким, он ее совсем не помнил. Степан женился во второй раз, на Елизавете, и появился еще один мальчик, Василий, на три года младше Ивана. Была жива еще и мать Степана, Василина, которая помогала вести небольшое хозяйство. Она держала свиноматку, и помогала Степану сводить концы с концами за счет продажи поросят. Жили бедно, но не голодали. Проблемы с едой появились в 1932 году, когда всех крестьян начали насильно загонять в колхозы. Даже бедные крестьяне не стремились попасть в колхоз, ведь при этом нужно было отдать в колхоз последнее, за счет чего с таким трудом, но выживали – последнюю корову и последнего поросенка. А жить то как после этого? Чем питаться? Ведь даже при панах крепостные, и те какую-никакую скотину держали. Как же можно малых детей без молочка оставить? Поумрут ведь. Поэтому, вступать в колхоз и не торопились. Хаты периодически обходили «агитаторы», которые конфиско-

вывали все съестное, что находили в хате. Начался голод. Елизавета готовила свекольник из молодых листьев свеклы и лебеды. Вместо хлеба делала лепешки, для чего доставала из тайника горсть зерна, которое толкла в ступке вместе с листьями липы, которые рвал и сушил Иван. Вот так и питались. Но это еще было не очень голодно, совсем худо стало, когда наступил 1933-й год. Зима, холод, на огороде больше ничего не растет. Весь собранный урожай конфисковали. Колхозные активисты выгребли из хаты все припасы подчистую, даже огонь в печке загасили, и забрали картошку, которая варилась там в чугушке. Пришлось вступать в колхоз, но лучше от этого не стало, зерно и конфискованные продукты не вернули. Оказывается, летом был еще не голод, вот теперь был действительно голод. Дети просили кушать, а дать им было совсем нечего. Заняли немного картошки у соседей, но если даже давать детям по одной картошине в день, надолго ее не хватит. Степан собрал вещи, которые были поновее, и пешком пошел в Нежин, чтобы обменять их на продукты. В Нежине ему повезло, на базаре встретился хороший человек, который пообещал дать за вещи зерна и сала, которых должно было хватить до весны. Нужно было только пройти к нему домой, и там все обменять. Степан с радостью согласился, больше такую цену за его вещи никто не давал. Как только зашли в дом к этому хорошему человеку, Степана сразу ударили по голове, и он потерял сознание. Когда очнулся, услышал разговор за стенкой:

– Ну что с ним дальше делать? – спросил чей то голос. – На колбасы?

– На какие колбасы? Там только жилы и кости, – возразил ему другой голос. – Вывези его куда ни будь подальше и выбрось.

Степан опять потерял сознание. Очнулся от холода на каком-то пустыре, босой, только в рваной нательной рубашке и кальсонах.

– Если бы кальсоны с рубашкой были поновее, их также бы сняли, – подумал Степан. – Слава богу, хоть нагота прикрыта. И хорошо, что очень худой, поэтому и живым остался.

Все тело болело, видимо его еще и избили. Вышел на дорогу и попытался сориентироваться, вроде бы дорога на Веркиевку, хотя в темноте можно и ошибиться. Но идти нужно в любом случае, иначе замерзнет. Дорога действительно вела на Веркиевку, хоть в этом повезло. За сколько времени прошел домой эти 18 километров, он не помнил, главное, что дошел. Долго болел, даже с постели не мог вставать, но к весне оклемался и начал потихоньку ходить. Соседи не дали помереть с голоду, чем смогли помогали продуктами. Потом стало полегче, на своем огороде кое-что вырастили, да и в колхозе в конце года немного зерна на заработанные трудодни выдали. Через три года родился еще один сын, Миша. Потом еще две девочки, Мария и Оля. Девочкам не повезло, обе умерли еще в детстве. Оле цыганка предсказала смерть от воды, поэтому за ней постоянно следили, чтобы она сама

к воде не ходила. Как-то раз, когда в пруду стирали белье, она упала в этот пруд и чуть не утонула, но ее быстренько оттуда вытащили. Но дома, пока мать во дворе развешивала постиранное белье, Оля упала в корыто, в которое была налита вода для гусей, и захлебнулась. Ну как тут в судьбу не поверишь, похоже, того, что суждено, не избежать. Позже и Мария умерла от дизентерии.

С первых дней войны Степана и Ивана мобилизовали в армию. К тому времени Иван успел закончить девять классов и должен был идти в десятый, но не судьба, теперь нужно было изучать военную науку. Месяц ускоренной подготовки, и первый номер расчета для пулемета «Максим» готов. Сформированный батальон на фронт отправили пешком. В этом походе Иван и понял, как ему повезло, что он первый номер расчета, а не второй. Первый номер был вооружен наганом и нес сравнительно легкий ствол пулемета, а второй номер нес свою винтовку, да еще и тяжелую станину пулемета. Маршем шли неделю, пока не пришли на фронт. Солдаты были настолько уставшие, что на марше спали на ходу. Были случаи, что при повороте дороги, спящие солдаты продолжали идти прямо, в то время, как весь строй сворачивал направо или налево. На передовой заняли окопы, которые освободил батальон, на смену которому они пришли. Было временное затишье, и солдатам удалось немного отдохнуть и выспаться. Возникающие время от времени перестрелки серьезными событиями не считались, но они помогли моло-

дым солдатам постепенно привыкнуть к свисту пуль. Потом было контрнаступление, освободили несколько сел в Новгородской области, но удержать занятые позиции не смогли, и откатились назад, оставляя недавно освобожденные села. Наступила зима, очень холодная. Солдатская шинель конечно теплая, но не настолько, чтобы согревала в холодном окопе, где даже огонь нельзя развести, чтобы согреться. Обувка тоже не радовала, сапог не было, только холодные ботинки с обмотками. Солдаты, лежа в окопах, от холода зуб на зуб не попадали. Хотелось побегать или хотя бы подвигаться, чтобы согреться, но даже пошевелиться лишний раз боялись. Позиции были под прицелом немецких снайперов, одно заметное для снайпера движение, и ты покойник. Поэтому мерзли, но терпели, и, как ни странно, простудных заболеваний не было.

В январе 1942 года началось наступление по освобождению Старой Руссы. Опять с боями пошли вперед и освободили несколько деревень. Было много раненых и убитых, но вперед потихоньку продолжали двигаться. Потом опять отступали, оставив несколько деревень. В середине февраля началось новое наступление. На этот раз немцы отходили быстро, почти без сопротивления, и за неделю удалось продвинуться довольно далеко. Заняли позиции на опушке какого-то леса и окопались. Иван понял, что наступление приостановилось, и возможно на этой позиции пробудут долго. Чтобы не повторять прошлых ошибок, когда в окопе нель-

зя было пошевелиться, выкопали окоп для двоих в полный рост, недалеко от большой сосны, установили пулемет и стали ждать контрнаступления немцев. Через пару часов налетели самолеты и начали бомбить лес, в котором занял оборонный полк. Бомбили весь остаток дня и всю ночь. От леса почти ничего не осталось. Бомба упала и по другую сторону сосны, возле которой находилась огневая точка Ивана. Сосну выворотило с корнем, и она упала на окоп, придавив пулемет и корнем раздавив второго номера. Выбраться из окопа самостоятельно не получилось, на крики о помощи никто не отзывался, еще и саперная лопатка снаружи осталась, вчера, при рытье окопа, так устали, что про нее забыли.

Утром, как только рассвело, в полной тишине послышался лай собак и немецкая речь. Иван не мог понять, откуда здесь взялись немцы, ведь боя не было, после окончания бомбардировки ни одного выстрела не прозвучало. Собаки учуяли Ивана, и немцы подошли к заваленному сосной окопу.

– Хендэ хох! – прозвучала команда.

Иван поднял руки вверх. Немцы схватили его за руки, и выдернули из окопа, превратив его спину в сплошной синяк, от протаскивания между краем окопа и сосной. Пленных собрали на опушке леса, набралось десятка два солдат, значит почти весь полк погиб под бомбежкой, поэтому и боя не было, и выстрелов не было слышно.

А дальше концлагерь, из которого водили на работы в ка-

меноломню. Кормили один раз в день, только вечером, и то не всех, а только тех, кто установленную норму выполнил. Давали похлебку, сваренную из гнилой картошки и свеклы. В основном это была теплая водичка с запахом картошки и свеклы, сама картошка попадалась очень редко. Хлеб вообще никогда не давали. Но пленные и этому были рады, умирать голодной смертью никому не хотелось. В бараке, где жили пленные, у Ивана обнаружился земляк, парень немножко старше его, из соседнего села. Дальше решили держаться вместе, так легче будет выжить.

В лагере военнопленные готовили побег, для чего рыли подкоп под нарами, находившимися через трое нар от тех, на которых спал Иван. Работали по ночам и достаточно тихо, по крайней мере, об этом подкопе Иван ничего не знал. Но немцы о нем каким-то образом узнали. Перед баракom построили всех военнопленных, из строя вывели и построили в одну шеренгу тех, которые спали на нарах с подкопом, а также тех, которые спали на пяти нарах справа и слева от них. Иван оказался среди построенных. Объявили, что за попытку побега будет расстрелян каждый второй из построенных, так как они не могли не слышать, как делают подкоп. Для устрашения расстреливали здесь же, выстрелом в затылок. Иван мысленно попрощался с жизнью, но судьба была к нему благосклонна, упали два товарища, стоявшие справа и слева от него, а он остался стоять. Вот на этот раз ему действительно повезло.

Через полтора года часть военнопленных, в том числе Ивана и его земляка, перевезли в другой концлагерь, расположенный на территории Чехии. Здесь военнопленные работали на шахте. Чешские шахтеры долбили уголь, а военнопленные грузили уголь в вагонетки и отвозили. В лагере по-прежнему кормили похлебкой один раз в день, но здесь было намного легче, чем в первом лагере. Жёсткой нормы выработки здесь не было, просто нужно было вывезти весь уголь, который нарубят шахтеры, кроме того, немцы под землю не спускались, пленные работали не под дулами автоматов, а это очень много, по крайней мере под землей можно было не бояться за свою жизнь. А еще шахтеры брали с собой под землю обеды: бутерброды и чай или кофе в термосах. Поскольку немцев рядом не было, шахтеры отдавали часть своего обеда военнопленным. Больше опасности умереть от голода тоже не было. В конце 1944 года шахтеры сообщили военнопленным, что Советская армия уже вошла в Чехословакию, освобождение уже было близко, и все его ждали, и военнопленные, и чехи. Но наступил 1945-й год, а освобождения все не было. Как-то ночью, весь концлагерь погрузили в вагоны и куда-то повезли. Через два дня где-то выгрузили. Опять какой-то концлагерь, с такими же бараками. На работу больше не водили, но и не кормили. Кормить начали дня через три, все той же свекольной похлебкой. Потом опять начали водить на работы, на этот раз что-то грузили. В мае этот концлагерь и освободили американцы. Всем осво-

божденным военнопленным предлагали остаться работать в освобожденной Германии, стращали, что на Родине их ждет расстрел, как изменников, сдавшихся в плен. Но Иван с земляком решили ехать домой, будь, что будет.

В Советской зоне оккупации их, прежде всего, поместили в фильтрационный лагерь. Здесь их уже было трое, к ним присоединился еще один товарищ, который был с ними во всех трех лагерях. Начались постоянные допросы: как попали в плен, где находились в плену, чем занимались. Следователи менялись, но вопросы задавались одни и те же. После таких допросов некоторых бывших военнопленных начали перемещать на соседнюю территорию, отгороженную от первой сеткой. Говорили, что переведенные туда путались в показаниях и не прошли проверку, скорее всего они пойдут под расстрел. Как-то Иван с земляком увидели за сеткой и своего третьего товарища. Подозвали его к сетке и спросили, почему он там оказался. Оказалось, что он забыл название первого концлагеря, где они были. Иван с земляком пошли к коменданту лагеря, объясняя, что произошла ошибка, этот товарищ был все время с ними, просто у него память плохая. Мужика спасли от расстрела. Тех же, кто прошел проверку, изменниками не считали, но в том, что попали в плен, они конечно же были виноваты, и свою вину должны были искупить честным трудом. Искупать вину Ивана отправили на Донбасс, где он и проработал несколько лет шахтером.

Домой Иван вернулся в конце 1947-го года. За время его

отсутствия, дома очень многое изменилось. В 1942-м умерла его мачеха Елизавета, и дети остались одни. Василию тогда было 15 лет, а Михаилу всего шесть лет. Веркиевка в то время была под немецкой оккупацией, и судьбу детей решал немецкий комендант. К счастью, он оказался нормальным человеком, предложил местным девушкам, которых должны были отправить на работы в Германию, остаться с этими детьми. 18-ти летняя девушка Ксения Момот согласилась ухаживать за детьми. После освобождения Веркиевки, местные жители написали командиру части, в которой служил Степан, и сообщили о том, что его жена умерла, и дети остались одни. Командир части также оказался нормальным человеком, поскольку Степану уже было больше шестидесяти лет, то его демобилизовали, и в конце 1943-го он вернулся домой. Но Иван его не застал, здоровье его было сильно подорвано, и он умер до возвращения Ивана. В доме жила Ксения с двумя ребятами, к которым она относилась как настоящая мать. Ребята к ней также привязались, но у Ивана с Ксенией отношения не сложились. Ивану нужно было искать свое жильё. В скорости он женился на Марии и переехал жить к ней, а потом родился и я.

Отец закончил курсы садоводов и стал прекрасным специалистом в своем деле. Все сады, посаженные в колхозах им. Ленина и им. Сталина, (в последствии колхоз «Заря коммунизма») его рук дело. Василий после войны поступил в военное училище и стал офицером, а Михаил, когда подрос,

поступил в ФЗУ (фабрично-заводское училище), и выучился на экскаваторщика. Ксения замуж не вышла, но в 1949-м году родила себе сына, Сергея, и жила вполне счастливо. Василий и Михаил всегда ее навещали, когда приезжали в Вертиевку, но отец с ней отношения не поддерживал. Я с Ксенией никогда не встречался, но хорошо знал ее сына Сергея.

Земляк, с которым отец был в плену, к нам заезжал каждый год. Со своего села он ездил в лес за дровами через Вертиевку. Раньше наше село, а до революции сотенный казачий городок, называлось Веркиевка, по имени казака Веркия, его основавшего. После войны село зачем-то было переименовано в Вертиевку. Так вот, на обратном пути из леса, этот мужик всегда заезжал к отцу, один или два раза в году. К сожалению, я не запомнил ни имени его, ни фамилии. Кажется, он был из села Кошелевка. Лошадка, запряженная в нагруженный хворостом воз, стояла на улице возле двора и жевала положенное ей сено, а отец с земляком выпивали по рюмке и подолгу беседовали, сидя за столом. Им было, что вспомнить, и о чем поговорить.

Василий, мой дядя, был уволен из армии при Хрущевском сокращении, в звании старшего лейтенанта. После этого закончил медицинский институт и долгое время работал врачом. Было у него два сына, Витя и Петя. Был у дяди небольшой недостаток, он был равнодушен к выпивке, что его и сгубило. Как-то его обнаружили в своем кабинете мертвым, а рядом стояла канистрочка со спиртом.

Дядя Миша спиртным не увлекался, предпочитал выпить немного пива, чем пить водку. Сначала работал экскаваторщиком при строительстве Кременчугского водохранилища, а затем бригадиром экскаваторщиков. Здоровье потерял по нелепой случайности. При опрыскивании картофеля от жуков-колорадов с помощью заплечного распылителя, на баке давлением сорвало крышку, и часть ядовитого раствора вылилась ему на голову. После этого он начал слабеть и слепнуть. Перед смертью ему захотелось побывать в Вертиевке, и его сыновья, Володя и Гена, выполнили его просьбу, свозили в Вертиевку. О его смерти я узнал из письма, полученного от отца, недели через две после его похорон. Получив письмо, я вспомнил сон, который я видел, как раз две недели назад. Мне приснилось, что я внезапно обнаружил отсутствие второго коренного зуба. То, что у меня нет одного коренного зуба, я знал, а вот куда девался второй коренной я не мог понять, я не помнил, чтобы он выпадал. Теперь значение сна стало понятным. Дяди Васи уже не было, а теперь и дядя Миша умер, причем о его смерти я узнал с опозданием. Вещие сны, все-таки, бывают, только не всегда удается понять их значение.

Дед Карпо и баба Татьяна

Казак Легейда Мусий и его жена Василина, в девичестве Проценко, женили своего единственного сына Йосыпа на Кичко Татьяне, молодой и красивой девушке. Мусий был не очень богатый, но и не бедный казак. Его предки, вместе с еще двумя десятками казаков, пришли в Веркиевку из Запорожской Сечи, после ее разорения Петром Первым. Большинство сторожевых казаков тогда вместе с семьями ушли в Белоруссию, а эти осели в Веркиевке, образовав новую улицу на краю села, которая стала называться Выгонь. Скорее всего, это производная от слова выгон, места, куда выгоняли пастись гусей и мелкий скот, название этого места на местном диалекте. У Мусия было свое небольшое хозяйство: пара лошадей, коровы, свиньи, овцы, гуси и куры. В общем, семья не бедствовала. У молодых родился сын, Карпо, здоровый и крепкий мальчик. Все складывалось как нельзя лучше, за будущее можно было не волноваться, наследники были здоровыми, а сын очень трудолюбивый, такой хозяйство не разбазарит, а еще и приумножит. Хотя думать о старости Мусию было еще и рановато, он еще и сам был в силе. Вот недавно, он на своих плечах принес домой с Рокиты, куда выгоняли пастись домашнюю живность, заболевшую свинью, а это ведь почти за две версты. Ну не идти же было из-за этого за лошадью, забросил свинью на плечи, и понес. Силы еще

есть.

Беда пришла неожиданно, оттуда, откуда ее не ждали. Йосып поехал в лес за хворостом, а оттуда его привезли мертвым. Сейчас уже невозможно установить, что там произошло, известно только, что его зарубил топором панский объездчик по фамилии Шлома, потомки этого объездчика потом жили недалеко от нас, рядом с Толей Шустером. Похоронив единственного сына и погоревав по нем, стали жить дальше. Но Мусию было жаль свою невестку Татьяну, которая стала вдовой в двадцать лет, и он решил оставить внука на воспитание себе, а ее выдать замуж. Через пару лет и жених нашелся, Прохор Примак, из села Вересочь. Сыграли свадьбу, и гости, на двух санях, запряженных украшенными разноцветными лентами лошадьми, увезли Татьяну в Вересочь к ее новому мужу. Сосед, дед Николай, который и рассказал мне об этих событиях, тогда еще мальчишка, вспоминал, что бежал за санями аж до конца улицы, так ему не хотелось отпускать Татьяну. В новой семье у Татьяны еще родилась дочь Мария. Татьяна доводилась мне прабабушкой, и мы с мамой ездили к ней в гости. Она прожила самую долгую жизнь из всех родственников, которых я знаю, и умерла в 96 лет.

А маленький Карпо подрастал, воспитываемый дедом и бабкой. Пришла пора и ему жениться. Постаревший к тому времени Мусий нашел и ему невесту, Крошку Татьяну, которая по линии его жены Василины приходилась Карпу тро-

юродной сестрой. Татьяна была на четыре с половиной года старше Карпа, но это ничего, зато из хорошей семьи и образованная, к тому же, дальние родственники. Свое хозяйство потихоньку хирело, после смерти сына и выдачи замуж невестки Татьяны, рабочих рук не хватало, они с женой были уже старенькими, да и смутные времена наступали, в Петербурге произошла революция. Сыграли свадьбу, и через год Татьяна родила дочь Марию. А еще через полгода Карпа, вместе с соседом Николаем, мобилизовали в Красную армию и отправили воевать с белыми. Военную форму и винтовки им конечно выдали, а вот сапоги нет. Родители Николая, и еще одного мобилизованного, были побогаче, и смогли купить сыновьям сапоги, а у Мусия денег на сапоги для внука уже не было. На фотографии, сделанной перед отправкой на фронт, запечатлены три бравых воина, Николай и незнакомый парень в сапогах, и рядом с ними босой Карпо.

С гражданской Николай и Карпо вернулись целыми и невредимыми, и в 1928-м году у Карпа родилась еще одна дочь, Антонина, а у Николая также родилась дочь, Людмила. Пока Карпо воевал, хозяйство окончательно пришло в упадок, поэтому, когда начали всех загонять в колхоз, отбирая последние крохи у нежелающих вступать, ему терять уже было нечего, и он сразу вступил в колхоз. Решение оказалось правильным, семья избежала голода в 1933-м году, у колхозников последние крохи хлеба не отбирали, как у единоличников. Старшая дочь Мария выучилась на учительницу и работала учительницей младших классов в селе Зруб, это в сторону Киева, за Бобиком. Далековато конечно, поэтому домой приезжала редко.

Не успели как следует встать на ноги, как новая напасть – война. В первые же дни войны Карпа опять мобилизовали, и отправили на фронт. Жена осталась одна с 13-ти летней Антониной. Мария по-прежнему работала в Зрубе, и вернулась домой только после того, как село оккупировали немцы и школу в Зрубе закрыли.

Летом 1945-го вернулись домой Карпо и сосед Николай. Николай был живой и здоровый, избежал даже ранений, а Карпо приехал весь израненный. Но все равно, это была радость, ведь вернулся. Больше половины мужиков из села вообще не вернулись. Ни о какой работе речь конечно не шла,

все осталось на женских плечах. Сначала Карпо хотя бы по хате и в туалет сам ходил, а потом вообще слег, а в конце января 1947-го года помер. Татьяна с дочерьми опять осталась одна. От Марии, правда, теперь уже была помощь, она жила дома и работала учительницей в начальной школе, деньги, хоть и небольшие, но приносила, на пропитание хватало. Жених Марии погиб на фронте, мужики в селе были в дефиците, поэтому, выйти ей замуж было почти нереально, тем более, что скоро будет тридцать, а вокруг молоденьких девушек полно. Но ей повезло, к ней посватался вернувшийся с Донбасса Шлома Иван, совсем молодой, на пять лет моложе ее, и она вышла за него замуж. Своей хаты у Ивана не было, и он пришел жить к Марии, то есть, в примы. Первым на свет появился я, а через два года Алла. Бабушка Татьяна умерла в мае 1954-го года, в возрасте шестидесяти лет. Когда она лезла на чердак, под ней сломалась лестница, и, при падении, она сломала шейку бедра. С таким повреждением в то время долго не жили. А в декабре этого же года родился наш младший брат, Виктор, или Талик, как называла его мама.

Мать и отец

Свое детство, и нашу жизнь в то время, я описал в «Воспоминаниях», поэтому повторяться не буду. Здоровье у мамы было неважное, были какие-то проблемы с желчным пузырем и желудком, но лечилась она сама, народными средствами. Периодически делала какое-то слепое зондирование, чтобы стимулировать отток желчи из желчного пузыря. Для этого она выпивала два стакана минеральной воды и ложилась на горячую грелку, через час ей становилось лучше, и она опять могла работать. Позже появились еще и проблемы с желудком, но времени обследоваться у нее не было. Кто-то ей посоветовал, в период сильных болей в желудке, по утрам натощак выпивать столовую ложку не разведенного спирта. Этим она два десятка лет и спасалась от сильных болей. Но в 2000-м году боли стали невыносимыми, и ее положили в Нежинскую больницу, в Вертиевке к тому времени больницу уже закрыли. В это время я с женой и приехал в Вертиевку в отпуск, и мы навестили маму в больнице. Как только она увидела нас, сразу стала уверять, что ей уже намного лучше, что она выздоровела, и стала проситься, чтобы ее выписали. Врачи были категорически против выписки, и мы уговаривали ее оставаться в больнице, но, несмотря на все уговоры, она написала расписку об отказе от дальнейшего лечения, и уехала вместе с нами домой. Несколько дней она чувствовала-

ла себя терпимо, но потом боли резко усилились, настолько, что терпеть их она больше не могла и согласилась ехать в больницу. Хорошо, что в этот день к нам в гости из Киева приехал Галин брат Володя, на его машине мы и отвезли маму обратно в больницу. Хирург, осмотревший маму, сказал, что ее нужно как можно быстрее оперировать. Боли были настолько сильными, что мама уже была согласна и на операцию, лишь бы они прекратились.

Следует пару слов сказать о том, что представляла украинская больница в те годы. В Советское время такое даже представить себе было невозможно. Прежде всего, постельное белье и посуду для еды нужно было везти с собой. Все назначаемые медикаменты, в том числе таблетки, ампулы для уколов, шприцы, бинты, салфетки, все нужно было покупать самим. Хорошо еще, что хоть кормили бесплатно, хотя и очень плохо. Нам с Таликом хирург написал длинный список всего необходимого для проведения операции, в том числе кровь нужной группы и плазму, иголки и нитки для наложения швов, и мы пошли по аптекам, все это покупать. Часа через четыре хождения по аптекам, все было куплено. В моей голове невольно возник вопрос: «А как они экстренные операции делают?», ведь, пока родственники будут бегать, как и мы, по аптекам, больной помрет.

Операция шла долго, больше четырех часов. Мы с Таликом сидели в столовой больницы и в тревоге ожидали ее окончания. Появились нехорошие предчувствия, уж больно

долго она шла. У мамы был диабет, и хотя она была на таблетках, а не на инсулине, я очень опасался за исход операции, ведь заживляемость при диабете очень плохая. Но вышел хирург и нас успокоил, сказал, что операция прошла успешно. Главное, по его словам, что нет рака. Пришлось вырезать превратник и пришить кишку прямо к желудку, так как на месте превратника образовался многослойный рубец, как будто имевшуюся в этом месте язву чем-то многократно прижигали. Я понял, что это результат маминого лечения язвы спиртом. Ну и так хорошо, она ведь с этой болезнью больше двадцати лет держалась. На следующий день нас с Таликом пустили к маме в реанимацию, так как через день мне уже нужно было уезжать домой, но перед отъездом нужно было обязательно увидеться с мамой, и нам пошли на встречу. Мама была в сознании и сказала, что после операции ей лучше не стало, боли только усилились, но я ее попытался успокоить, сказал, что еще ничего не зажило, поэтому и болит, потом будет легче. Я действительно в это верил, и, со спокойной душой, уехал домой. Но перед моим отъездом отец нам сказал, что мама домой не вернется, ему сон плохой приснился, будто бы по улице идет стадо коров, а у нас во двор открыты ворота, и все стадо заходит к нам. Это люди на похороны придут, пояснил он.

На второй день после моего приезда домой, пришла срочная телеграмма от Талика, в которой сообщалось, что мама умирает. Мы с Галей сели в машину и вечером выехали в

Вертиевку, еще надеялись застать маму живой. На рассвете к нам в лобовое стекло врезалась маленькая птичка, и поскольку скорость была больше 100 км/час, то наверняка разбилась.

– Это мама знак подала, – сказал я Гале, – она умерла.

Больше торопиться было некуда. В Конотопе остановились передохнуть и купили для племянницы Иры какую-то мягкую игрушку, которых здесь продавалось великое множество, а у Иры на следующий день был день рождения. Когда мы приехали, гроб с маминым телом уже стоял в большой комнате, и какая-то женщина читала возле него молитвы. Узнали, что у мамы, на фоне диабета, начался перитонит, и спасти ее не удалось. Постояли немного возле гроба, мама лежала спокойная и умиротворенная, теперь у нее уже ничего не болело. Но нужно было помогать Талику готовиться к похоронам, прежде всего позвать на похороны родственников и знакомых. Нужно было что-то делать, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Поехали с Таликом приглашать на похороны родственников, я и не знал, что их у нас так много, я ведь раньше много раз проходил мимо домов многих из них, но даже не предполагал, что это наши родственники. А Талик, оказывается, об этом знал. За два года до этого я интересовался у мамы нашими родственниками и записал все сведения о них, которые мама помнила, а помнила она очень много, вплоть до того, как зовут детей и внуков родственников ее возраста. У меня такой памяти нет, и никогда не было.

После объезда родственников, привезли столы для поминок, но их оказалось мало, пришлось изготовить еще два. Маму похоронили на следующий день, проводить ее в последний путь пришло много людей, в том числе и ее бывшие ученики. И она ведь их всех помнила, знала кто куда поступил, и кем сейчас работает.

Отец на людях держался нормально, не подавал вида, что ему тяжело, но на поминках на девять дней все заметили, что он шаркает ногами, ноги высоко у него уже не поднимались и при ходьбе цеплялись за землю. После похорон жены он начал резко сдавать. Как-то раз, он чистил свеклу на дальнем огороде, в ста метрах от дома. Прийти домой самостоятельно он уже не смог, отказали ноги. Больше со двора он уже не выходил. Последние два года он вообще не вставал. На мой вопрос, что у него болит, ответил, что болит всё. Я приезжал к нему на восьмидесятилетие. Как участника войны его наградили орденом Отечественной войны 1-й степени, но это его уже не радовало.

– Зачем он мне теперь? – сказал он. – Нужно было награждать, когда молодым был.

Умер он через пять с половиной лет после смерти мамы, в возрасте восьмидесяти с половиной лет. Похоронены они рядом, и я всегда навещаю их могилки, когда приезжаю в Вертиевку. Светлая им память.

Соседи

Дед Логвин

Логвин – это фамилия. Откуда такая фамилия у украинского деда, сказать сложно. Лог – это широкий и длинный овраг. Скорее всего, фамилия как-то связана с этим. В нашей местности таких оврагов нет, но его предки пришли из Запорожской Сечи. Возможно они раньше жили в таких местах, где эти логи имеются. Дед Логвин – сухощавый старик среднего роста, еще довольно крепенький, немного замкнутый и немногословный, теперь жил один. Бабка померла полгода назад. Когда она в очередной раз заболела, он не придал этому большого значения, отлежится пару-тройку дней и все пройдет. Так уже не раз было, ничего страшного. Огород уже вспахали и картошку посадили, а к прополке оклемается, сейчас срочной работы нет, можно и полежать. Вот только доить козу и готовить еду ей придется самой, он этого не умеет. С бабушкой они, в принципе, жили дружно, ругались редко, в основном из-за его выпивки. Да и какая там выпивка, смех один – по одной рюмке три раза в день. Разве это выпивка, триста граммов в день? На это она правда не ругалась, к этому она уже привыкла, она ругалась, если он выпивал больше. Но он ведь не водку пил, как другие,

а денатурат, который в три раза дешевле самого дешевого самогона. Жидкость приятного синего цвета, а по существу чистейший спирт. Денатуратом этот спирт назывался давно, пожалуй, еще до войны, теперь же, на этикетке этих бутылок было написано «Жидкость для разжигания примусов. Яд». Но деда это ничуть не смущало, он прекрасно знал, что это денатурат, который он постоянно пьет уже много лет подряд.

Но прошла неделя, а бабке лучше не становилось, стало еще хуже, она вообще перестала подниматься с постели. Пришлось учиться доить козу и готовить еду. Хорошо еще, что бабка подсказывала, как и что делать. Он даже не представлял, что это так сложно, а ведь в бабкиных руках все делалось так легко и просто. Только теперь он понял, что до сих пор жил он «как у Христа за пазухой», не зная всех этих домашних забот. Да и в огороде в основном все бабка делала, он только иногда ей что-то помогал, а теперь видать всю прополку и окучивание самому придется делать. Есть взрослые дочь Тоня и сын Сергей, но они в этом деле не помощники. Тоня вышла замуж и живет в Киеве, далековато оттуда ездить. Сергей – обалдуй, вымахал выше двух метров, а ума до сих пор не набрался. Ну как можно было выучившись на механика, и проработав на заводе в Киеве два года, все бросить и приехать жить домой? Теперь работает в местном клубе киномехаником и продает билеты на киносеансы. Испортил бабке швейную машинку «Зингер», на которой он догадался протрачивать толстые пачки билетов, пробивая

таким образом в них ряд дырок, чтобы билеты легко отрывались. Дома ничего делать не хочет, правда, немного денег со своей зарплаты он деду отдает, хоть и слабенькая, но подмога. У самого деда и у бабушки пенсия колхозников, совсем мизерная, всего по восемь рублей и тридцать копеек, других доходов нет. Но и это уже хорошо, раньше у колхозников вообще никакой пенсии не было. Эту пенсию назначили только два года назад, теперь хотя-бы хлеб и подсолнечное масло было на что купить, и денатурат, соответственно.

К осени бабушка померла. Сергей с Тоней оплатили похороны и поминки. От себя на поминках дед выставил и свой денатурат. Молодой священник, отпевавший и хоронивший покойницу, перепробовал за столом на поминках все напитки, и под конец заинтересовался синеньким напитком, который пил один дед.

– А можно и мне синенького? – попросил он.

Дед был польщен таким вниманием к его напитку, и передал бабушке целую бутылку своего напитка, который, как ни странно, бабушке тоже понравился.

После смерти бабушки Сергей опять уехал жить в Киев, уж больно ему не нравилась дедова стряпня, и дед остался один. Сначала оно как-то и ничего было, зам себе хозяин, что хочешь, то и делай, никто на тебя не бурчит. Готовить за время болезни бабушки он немного научился, какой-никакой суп мог себе приготовить, или там картошку на сале пожарить, в общем, голодным не сидел. Сала в запасе еще немного было.

Это с того поросенка, которого сосед, дед Митрофан, зарезал им еще при жизни бабки. А Митрофан прекрасный резчик, сало всегда получается белым, нигде никаких кровоподтеков, и очень вкусное, с просмоленной на совесть и очень вкусной шкуркой. Такое сало не у каждого резчика получается. Жаль только, что больше резать нечего. После смерти бабки дед нового поросенка не заводил, уж очень много с ним мороки. И козу он зарезал. Ну зачем ему молоко. Это бабка молоко любила, а он пил его только изредка. А козье мясо было вкусным, ему его надолго хватило. Куры еще от бабки остались, можно было иногда и яичницу пожарить. Одно было плохо, начала одолевать тоска. Словом не с кем было переброситься. Вот уж не думал, что ему, старому молчуну, разговоров не будет хватать. Теперь он уже скучал, и по бабке, и по ее ворчанию. Ни к кому из соседей в гости или на посиделки он никогда не ходил, и от отсутствия такого общения никогда не страдал. К бабке в гости иногда приходила соседка Маруся, и они подолгу беседовали, дед их просто слушал, изредка вставляя в разговор пару слов, но участия в этих разговорах практически не принимал. Теперь он с грустью вспоминал и эти разговоры. После смерти бабки к нему уже никто не ходил. Тоска влезала в душу все больше и больше. Дед начал выходить на улицу, садился на лавку возле забора и смотрел на проходящих людей, иногда удавалось с кем ни будь из них поговорить и узнать какие-то новости. Поговорил и с соседским парнишкой Володей, учени-

ком шестого класса, пожаловался ему на свое одиночество, что совсем одичал, никаких новостей не знает.

– А Вы газету себе выпишите, – посоветовал парень.

– Тогда мне денег на хлеб не хватит, – резонно возразил дед.

– Ну давайте я буду Вам приносить старые газеты, которые отец уже прочитал, – предложил Володя.

– Хорошо бы еще радио провести, но опять же денег нет, – грустил дед.

– А давайте я Вам сам радио проведу, – решил помочь деду и в этом вопросе Володя. – У Вас вот провода радиолinii проходят между ветками Вашей сливы, если подключиться тоненькими проводами, то ничего не будет заметно.

Сказано – сделано. Володя разобрал какое-то старое реле от трактора и тонкими обмоточными медными проводами провел деду радио в дом через форточку. Вот только динамика у деда тоже не было. Не было его и у Володи. Но у его отца были наушники от детекторного радиоприемника «Комсомолец», которые уже не использовались. Спрашивать у отца про наушники Володя не стал, скорее всего отец их не отдаст, потихоньку забрал их без разрешения и отнес деду. Теперь у деда было и радио. Дед заметно повеселел, даже завалившийся сарайчик для курей вместе с Володей отремонтировал.

Наступила зима. Запасы сала у деда закончились. Картошку теперь приходилось жарить на подсолнечном масле, да и

зажарку для супа на том же масле приходилось делать, это совершенно не то, что на сале, но деваться было некуда. Начался сплошной пост. Иногда соседи приносили ему небольшой кусочек сала, когда резали своего поросенка, но теперь это было очень редко. Такая традиция в селе по-прежнему была, и никуда не делась, часть сала и мяса зарезанного поросенка всегда раздавали соседям, но потом, когда соседи резали своего поросенка, они приносили такие же куски сала и мяса, то есть шел своеобразный обмен. Но у деда теперь просят не было, и на отдачу можно было не рассчитывать, поэтому, мясо ему не приносили, а только небольшие кусочки сала, просто из жалости. Но их не на долго хватало. К Новому году дед зарезал курицу и устроил себе праздник, все равно куры теперь не неслись.

А потом приехала в гости Тоня и предложила деду перебраться к ней в Киев. Она уже и раньше делала деду такое предложение, но тогда он наотрез отказался. Ну что ему там делать в квартире на пятом этаже, без лифта. Лишний раз и во двор не спустишься. Да и квартира у Тони однокомнатная, детей правда нет, но и втроем тесниться в одной комнате не очень здорово будет. Но теперь дед уже дозрел, и с радостью согласился на переезд в Киев. Зять предлагал сразу и дом здесь продать, но на это дед не согласился.

– Давайте я у вас зиму перезимую, а там видно будет, если сильно не буду вам мешать, то может потом и продадим. А может я на лето буду сюда приезжать и картошку выращи-

вать, – рассуждал дед.

Через неделю за дедом приехали на легкой автомашине. Зять одел деда в меховой комбинезон и унты, зарезали оставшихся курей, загрузили в багажник оставшийся ящик «жидкости для разжигания примусов», посадили деда в машину и поехали в Киев. В Киеве деду сначала понравилось. Прежде всего, накрыли праздничный стол по случаю его приезда. Таких вкусностей дед никогда в жизни не ел. И водку зять поставил на стол настоящую, а не его денатурат, пей – не хочу. Спать дед будет не в комнате, там еще одну кровать поставить невозможно, а на диванчике в кухне. Он конечно немного узковат, но если к нему на ночь приставить три стула, то получается вполне приличная широкая постель. Таким приемом дед был доволен. Было правда и одно неудобство, которое дед обнаружил сразу, это был туалет. Как он будет туда ходить, ведь через тонкую дверь все будет слышно, там ведь и пёрнуть нельзя будет. Про себя решил ходить в туалет, когда никого не будет дома. А дальше потянулись будни. Через некоторое время свой денатурат он выпил, а где купить новую порцию не знал. Обратился к зятю, но тот ответил, что здесь такую гадость не продают. На ужин, правда, зять наливал деду сто граммов водки, но не больше, а дед привык выпивать в день по триста граммов спирта, и душа деда никак не хотела от такой дозы отказываться. Дочь, почему-то, тоже встала на сторону мужа, заявив, что столько пить для него очень вредно, достаточно и одной рюмки

в день. Дед не на шутку обиделся, такого отношения к себе он никак не ожидал. Даже покойная бабка разрешала ему выпивать такую дозу, а тут на тебе, зять с дочкой вздумали его учить. Нужно уезжать домой, сегодня правда уже поздно, завтра уедет. На следующий день дед немного остыл. А куда ехать-то? В свой холодный дом? Картошка и свекла там в погребе конечно должны быть, если воры не вытащили, но больше ведь ничего нет, все съестные припасы забрали с собой, когда сюда уезжали. Просить на пропитание у соседей? Так засмеют же. И что делать? Придется видно ждать до весны.

До весны дед, однако, не дождался. Приехал домой своим ходом, как только начало пригревать солнышко, и первое, что сделал, купил ящик «жидкости для разжигания припусов». Теперь он сам себе будет хозяин. Соседи конечно удивились его столь раннему возвращению, даже посочувствовали, и чем смогли, помогли. Картошка была на месте, и до весны дед нормально дожил. Теперь он вообще не понимал, как он мог согласиться на переезд в Киев, что он там не видел? Зачем ему жить в этой однокомнатной клетке как в тюрьме? Весной вспахал и посадил огород. Вот только с живностью заморачиваться не стал. Да сколько ему нужно? И так проживет. Лето он прожил хорошо, была зелень со своего огорода, иногда покупал минтай в магазине, на питание грех было жаловаться. Но вот и зима подкатила, и снова нахлынула жуткая тоска. Никому он теперь не нужен, ни сыну,

ни дочке, все его бросили. Опять только суп и картошка на постном масле. Соседи почему-то даже сало больше не приносили. Яиц также не было, так как курей он не заводил. Все чаще вспоминал покойную бабуку, как же хорошо было тогда с ней. А он тогда этого не ценил, даже обижался на нее, когда она ругала его за лишнюю выпивку. Вернуть бы все вспять, да не вернешь. А бабуке там сейчас наверно хорошо, ни хлопот тебе, ни забот.

Такие мысли приходили в голову деда все чаще, и все чаще он вспоминал свою бабуку. Хотелось опять к ней, чтобы жить так, как и раньше, когда все домашние дела делала она, и никогда ни на что не жаловалась. Когда осталась последняя бутылка «жидкости для разжигания примусов», из очередного купленного ящика, он окончательно решил отправиться к бабуке. Вечером нажарил себе сковородку картошки, облил дом керосином, поужинал, выпив всю бутылку жидкости, поджог дом, оставаясь внутри дома, и лег спать. Но свои силы дед переоценил. Уснуть он не смог, а когда стало сильно пригревать, он испугался. Несмотря на выпитые пол-литра спирта, мозг работал, и деду перехотелось гореть живем в этом пламени. Все оказалось гораздо сложнее, чем он рассчитывал, сгореть во сне не получилось. Дед открыл дверь и выскочил на улицу. К горящему дому уже сбегались соседи. Пьяный дед, в одном исподнем, стоял босиком на снегу и смотрел на свой, объятый пламенем дом.

Дом сгорел дотла, удалось спасти только сарай. Соседи да-

ли телеграмму Тоне, которая на следующий день опять приехала за дедом. Деда опять одели в меховой комбинезон и унты, посадили в машину и увезли в Киев. Больше о нем в селе ничего не слышали.

Алексей Осипенко

Алексей одноклассник моего отца, сын того самого деда, который в детстве сшил нам с Аллой такие замечательные пальтишки. Немного ниже среднего роста, но достаточно сильный и выносливый. Немного глуховат, но обладал прекрасным музыкальным слухом. В начале войны его мобилизовали в армию вместе с отцом, но на фронт он не попал, во время прохождения курса молодого бойца земляки подсказали командиру, что он плохо слышит и его нельзя отправлять на фронт, убьют ведь в первом же бою. Алексея комиссовали и оставили работать на каком-то конезаводе на территории России. После войны Алексей вернулся домой с русской женой и маленьким сыном Толей, который также разговаривал по-русски. Крестили Тольку уже в Вертиевке, и моя мама стала его крестной. Мать Алексея, баба Яриша, почему-то с самого начала невзлюбила невестку, и через год та сбежала в Россию, оставив сына на воспитание Алексею. После этого Алексей еще трижды пытался жениться, и трижды приводил в дом новых жен, но все они бабке не понравились. Первые две сбежали не продержавшись и года, третья оказалась самой стойкой, прожила в доме около двух лет, но и ее бабка выжила. Алексей понял, что пока мать жива, жить с женами она ему не даст, и больше не делал попыток жениться. Решил больше не испытывать судьбу и жениться

после смерти матери, но мать и здесь не оставила ему никаких шансов, она умерла в 95 лет, когда Алексею было уже около семидесяти.

Вернувшись домой, Алексей продолжал работать конюхом, так же, как и во время войны. За моей памяти он работал конюхом в плодосовхозе. Мы с его сыном Толей иногда ездили к нему на работу. Там можно было вдоволь покушать клубники и арбузов, которые выращивали в плодосовхозе. Плантация клубники находилась рядом с конюшней, нужно было только незаметно перелезть через высокий забор, а там уже кушай сколько влезет. А еще на конюшне был знаменитый конь-тяжеловоз, по кличке Василий. Таких толстых коней я больше никогда не видел, спина у него была как стол, сидя на нем мы не могли опустить ноги вниз, к бокам. Пока Василий шел шагом, на его спине еще можно было удержаться, но как только он переходил на легкий бег, седок постепенно сползал с его широкой спины, а затем падал на землю.

После смерти отца, Алексей перестроил дом, причем практически все делал сам, плотников он не нанимал. У него и голова работала как нужно, и руки росли оттуда, откуда нужно. Сам сделал себе пилу-циркулярку, на которой опиливал толстые бревна, нужные для строительства дома. Соседи, как-то решившие ему в этом деле помочь, вдвоем не смогли поднять такое бревно, а он с ними легко один справлялся. Новый дом получился намного просторней, светлее и выше старого, но мне было жаль тот старый дом, с сенях которого

у деда стояли жернова, на которых, и мы с мамой иногда мо­лоли зерно. Несмотря на то, что Алексей работал конюхом, его неудержимо тянуло к технике. Как-то весной, он приехал домой на мотоблоке. Это был трофейный немецкий агрегат в виде маленького трактора только с передними колесами, вместо задних цеплялась тележка. В основном, как я понял, он был предназначен для вспашки огородов. К нему цеплял­ся небольшой плуг с двумя лемехами. От обычных плугов он отличался тем, что имел два положения: транспортное, и рабочее. В рабочем положении правое колесо плуга опу­скалось на пятнадцать сантиметров ниже положения левого колеса, чтобы во время вспашки, когда правое колесо идет по борозде, сам плуг находился в горизонтальном положе­нии. Мне и этот мотоблок, и плуг очень понравились. Как же хорошо немцы все предусмотрели. Наши конструкторы до такого почему-то не додумались. А насколько мощным был этот мотоблок. Огороды у нас пахали маленькими трактора­ми типа ДТ-20, плугами тоже с двумя лемехами, но эти ма­ленькие трактора было раз в пять больше этого немецкого мотоблока. Восхищению мальчишек от увиденного не было предела, недели две только и разговоров было, что об этом мотоблоке. Дядя Алеша, как мы его звали, первым купил мо­торчик к велосипеду, и ездил на велосипеде с моторчиком, на зависть всем соседям. Потом купил себе Рижский мопед, о таком никто из соседей и мечтать не мог, слишком дорого. А потом дядя Алеша добил всех окончательно, купив себе

мотоцикл МТ с коляской.

– Откуда у него такие деньги? – удивлялись соседи.

Но дело было не в деньгах, а в любви к технике. Дядя Алеша не пил, не курил, и все заработанные деньги тратил на технику, на то, что он очень любил, возможно больше всего на свете. Как-то я попросил у него мопед покататься, не сильно надеясь на положительный исход, но он мне его дал. А я его чуть было не угробил, покатав на нем еще и девушку. Двоих мопед не выдержал, быстро перегрелся и перестал нас везти. Пришлось полчаса ждать, пока он остынет.

Длинными зимними вечерами, когда в селе делать было абсолютно нечего, соседи часто собирались у нас на посиделки. Всегда приходил и дядя Алеша, иногда приносил с собой мандолину. Играл на ней, и пел песни. Несмотря на то, что он был заметно глуховат, играл и пел он замечательно. А потом, когда я купил себе балалайку, он учил меня играть на балалайке и мандолине. Под его руководством играть я научился, а вот настраивать эти инструменты я не мог, музыкального слуха у меня явно не хватало. Мне казалось, что балалайку я нормально настроил, но приходил дядя Алеша, и я слышал: «Опять расстроена. Когда ты уже настраивать научишься?» Брал в руки балалайку, и настраивал так, как надо. После его настройки балалайка совершенно по-другому играла, самому приятно было ее слушать. Но, несмотря на все его достоинства, соседи считали Алексея немного странным. Как-то раз, в день голосования, он просидел у нас, иг-

рая в карты, до половины двенадцатого ночи, и только после этого пошел голосовать. Избирательные пункты в то время работали с шести часов утра и до двенадцати ночи, вот он и решил проверить, будут его ждать до двенадцати ночи, или нет. Для соседей такое поведение было странным, ведь все старались проголосовать как можно раньше. Отнюдь не из-за сознательности конечно. Просто на всех избирательных участках открывались буфеты, в которых продавались дефицитные товары. Меня в тот день отец разбудил в пять часов утра, а в шесть мы уже были на избирательном участке, поэтому нам и досталось по две бутылки пива, и по килограмму докторской колбасы. После девяти часов утра там можно было купить только конфеты и печенье детям. Как говорил потом дядя Алеша, на избирательном участке его дождались, но сильно обматерили, таких выражений раньше он никогда в жизни не слышал.

Его сын Толя закончил восьмилетку, потом курсы шоферов от ДОСААФ, честно и добросовестно отслужил три года в армии и, вернувшись домой, работал водителем в колхозе. Получил премию от директора колхоза, за то, что спас со своим другом колхозные автомашины от отправки в Чернобыль. А потом, по собственной дурости, у него пошла черная полоса. Подвозя какую-то девушку, он заехал в лес и там ее изнасиловал, за что и получил срок. После возвращения из тюрьмы, отношения с отцом у него были весьма натянутыми, так как Алексей считал это позором для своей семьи. Че-

рез пару лет ситуация с изнасилованием повторилась, и Толя сел во второй раз, на этот раз срок уже был гораздо больше. После второй отсидки Толя домой не вернулся, остался работать недалеко от колонии, в которой отбывал срок. Там и женился на женщине с двумя детьми, потом родились еще и двое своих. К отцу Толя приехал с женой и четырьмя детьми, когда самому младшему было уже лет пять. Толя опять устроился водителем, теперь уже в совхоз, так как вместо четырех наших колхозов теперь в селе были два совхоза. Отношения с отцом не складывались, и через несколько месяцев Толя купил хатку на соседней улице, метрах в трехстах от дома отца. Деньги на покупку жилья, естественно, дал отец, у Толи кроме жены и детей за душой ничего не было. Когда я приехал в отпуск в Вертиевку, мне сразу сообщили новость, что вернулся Толя, и его дети уже обворовали всех соседей, но воруют только курей. Я побывал у Толи в гостях. Жена его мне понравилась, это была волевая и строгая женщина, чувствовалось, что она держит Толю в ежовых рукавицах. А с таким по-другому и нельзя. А вот с детьми у нее явно так не получалось. Дети были как маленькие бесенята, в хате стоял беспрерывный шум и гам, визг и писк. Я никогда не был в цыганском таборе, но мне показалось, что я попал именно туда. Сразу стало понятно, почему дед Алексей не пожалел денег на покупку хаты для Толика, такой шум долго выдерживать невозможно. Жена Толи собрала на стол какую-то закуску, я поставил принесенную бутылку водки,

и мы втроем посидели за столом. Толя рассказывал о своей жизни, его жена сетовала на то, что зря согласилась сюда с ним приехать. Периодически она отвлекалась, чтобы утихомирить не в меру разбушевавшихся детей, они минут на пять утихали, а потом опять стоял такой крик, что невозможно было разговаривать. Пробыл я у них часа два, больше не выдержал, нужно было уходить, пока голова не расколослась от этого шума. Еще раз пожалел деда Алексея, который прожил в таком шуме несколько месяцев. Через полгода жена Толи забрала детей, и уехала к себе в Россию. А еще через пару месяцев Толя продал хату и тоже уехал к ней. Долгое время о нем ничего не было слышно.

А дед Алексей все так же жил один. Несмотря на то, что возраст приближался к восьмидесяти, он был еще бодр, жаловался только, что простата замучила. Хотел сделать операцию, но после сдачи анализов ему сообщили, что у него еще и белокровие обнаружили. Я не уверен, что он понял, что это такое, но после этого сообщения он почувствовал себя лучше и от операции отказался. На свадьбе моей племянницы Иры, дочери Талика, он еще лихо отплясывал. Мой отец в это время уже лежал, поднимаясь только к столу. Мне захотелось и отца во двор вывести, чтобы посмотрел на свадьбу внучки.

– Тату, давайте мы Вас во двор выведем, на свадьбу посмотрите, – предложил я ему. – Там вот Алеша всю вы плясывает.

– Никуда я не хочу, – ответил отец. – Алеше можно выплясывать, он зимой в окопах не лежал.

Приехав в очередной раз в отпуск, уже после смерти отца, узнал еще одну новость, деда Алексея избили и сломали ему ребро. А избил деда муж его любовницы, которая ездила к нему из Нежина. Сказать, что я был удивлен, значит ничего не сказать, деда, которому за восемьдесят, избили из-за любовницы, такому деду можно было только позавидовать. А потом к деду в гости приехала внучка, молодая девушка. Дед даже не поверил своему счастью, потребовал показать паспорт. Фамилия в паспорте совпадала, а вот отчество – нет.

– Мошенница, – сказал дед, – отчество не совпадает.

– Так я его приемная дочь, – оправдывалась девушка, чувствуя, что будет ночевать на улице. – Вот смотрите, я на фотографии вместе с отцом, – и показала фотографию, по которой дед Алексей все-таки признал ее внучкой.

Внучка некоторое время скромно пожила у деда, а потом познакомилась с каким-то парнем, который приезжал к ней на мотоцикле, и начала намекать деду, чтобы он куда ни будь уходил, когда к ней этот парень приезжает. Деду это не понравилось. В честь чего это он должен куда-то уходить со своего дома? А вдруг он вор? И он категорически запретил внучке заводить этого парня в дом. Это уже внучке не понравилось. Прожив у деда недели три, внучка внезапно исчезла, когда дед поехал в магазин. Дед сразу почувствовал неладное, проверил свой тайник, где лежали деньги. Накоп-

ленные за много лет деньги исчезли вместе с внучкой. Вот так, погостила по-родственному.

А к деду приехал еще один гость, племянник Валерка, сын его умершего старшего брата Ивана. Валерка был уже солидным человеком и работал в Нежине зубным врачом. Алексей не виделся с ним с похорон Ивана, хоть и рядом Нежин, но племянник после похорон отца родного дядю ни разу не навестил, хотя в детстве проводил у дяди каждое лето. Ну как было не обрадоваться такому визиту? Пусть поздно, но вспомнил ведь про дядю. Посидели, выпили за встречу, и Валерка обратил внимание, что у дяди нет многих зубов, но еще можно поставить мосты, чтобы потом не ставить вставные челюсти. Предложил за полщены, как родственнику, поставить деду Алексею зубы. Как нельзя кстати, у Валерки и чемоданчик с инструментом с собой оказался. Посадил он деда на стул и удалил мешающие корни зубов. Предложил заплатить как за удаление корней, так и за будущую обточку зубов, так как ему в следующий раз придется везти с собой станок, а для этого нужно будет нанимать машину. Дед Алексей не возражал, и заплатил за все, о чем сказал племянник. Валерка уехал, и пропал на полгода. За это время дед поговорил с соседями и узнал, что удаление корней и обточка зубов стоят в четыре раза меньше, чем содрал с него родной племянник. Через полгода Валерка объявился, извинился за задержку, объясняя, что раньше он никак не мог приехать, зато теперь он все сделает быстро. Дед тоже не стал

скандалить, и не стал рассказывать о своей осведомленности об истинной стоимости выполненной племянником работы. А Валерка объяснял дальше. Сегодня он не смог привезти с собой станок, привезет в следующий раз, все быстро сделает, и поставит деду золотые зубы, нужно только за них сейчас заплатить, чтобы он мог купить золото.

– Валерка, – сказал ему дед, – я конечно уже старый, но не настолько дурной, как ты думаешь. Что, денюжки кончились, которые у меня взял? За новыми приехал? Ты ведь и не собираешься мне зубы ставить. Езжай-ка ты отсюда, и больше не приезжай.

Валерка уехал, а через пару лет стало известно, что он умер. А деда Алексея старость одолевала все больше. Как-то он пришел в гости к Талику и предложил переписать на него свой дом, с нем условием, чтобы за ним до смерти присматривали.

– Как это? – удивились Талик с женой. – У Вас же Толик есть.

– Да ведь неизвестно, где этот Толик? – возражал дед. – Может его уже и в живых нет.

– А вы ему напишите, и узнайте, живой он, или нет? Что люди скажут, когда узнают, что мы лишили Толю наследства? Нет, нам Ваш дом не нужен. Мы и так будем Вам помогать.

Дед Алексей умер, прожив 87 лет. Толя на его похороны приехал. Похоронил отца, потом еще неделю пропьянство-

вал, и уехал. С того времени прошло уже лет десять, но в село Толя больше не приезжал и наследство не оформлял. Дом стоит заброшенный и никому не нужный, потихоньку разрушаясь. Да и жив ли еще Толя? Тоже никому в селе неизвестно. А заброшенных, никому не нужных домов сейчас в Вертиевке очень много, не меньше двух десятков. Вот такая теперь жизнь пошла.

Иван Огирь

Иван Огирь построил дом на нашей улице, когда я учился в третьем или четвертом классе. Стройка началась напротив хаты бабы Параски, которая жила рядом с нами. В моих глазах эта стройка выглядела весьма грандиозной, в отличие от тех строек домов, которые я видел до сих пор. Прежде всего, на стройку привезли большое количество черных просмоленных шпал, и очень длинных, и покороче. Обычно дома строили или из не очень толстых древесины, или из ракушечника, который в то время привозили откуда-то из-под Одессы, и который был сравнительно дешевым строительным материалом. А тут просмоленные шпалы, причем абсолютно новые, а не БУ. Соседи говорили, что такой дом не один век простоит. Вскоре начал появляться и хозяин будущего дома, человек в железнодорожной форме, среднего телосложения и невысокого роста. Я думал, что он какой-то большой начальник, раз такой дом строит, но оказалось, что он работает проводником на поездах дальнего следования. Видать эти проводники неплохо зарабатывали. Стройку закончили за одно лето, причем, кроме дома, еще большой сарай и погреб сделали. Это сколько же денег нужно? Никому из знакомых мне мужиков такое было не под силу. Новый сосед явно греб деньги лопатой на работе. К осени семья переехала жить в новый дом. У Ивана были еще жена и две доче-

ри. Жена, как я позже узнал, работала продавцом в магазине канцтоваров. Дочери были весьма симпатичными девушками, старшая, Нина, на пять лет старше меня, а младшая, Валя – года на два старше. Не знаю, где они жили и учились раньше, но после переезда в новый дом стали ходить в нашу восьмилетнюю школу №2. Отличницами они не были, но и в отстающих не числились, нормальные девушки со средней успеваемостью.

Первый год Иван держался как-то особняком от соседей, он ходил к соседям только при необходимости, и к нему практически никто не ходил. Потом Иван начал заходить к нам на посиделки, ближе познакомился с соседями и отношения с ними у него наладились. Жена его никуда не ходила, и с соседями отношения не поддерживала. На посиделках Иван рассказывал смешные и жуткие истории со своего детства, которое, как и у моего отца, пришлось на суровые тридцатые годы. Вот несколько его историй.

Когда Иван был еще совсем маленьким и даже не все буквы выговаривал, к ним в хату пришел милиционер с понятиями искать самогон. Как в то время, так уже и за моей памяти, самогон искали довольно часто. Как только милиционеру хотелось выпить, а выпить было нечего, он брал с собой двух мужиков, и они шли по хатам искать самогон. Если повезет, то найденный самогон конфисковывали и потом праздновали свою маленькую победу, пока весь конфискованный самогон не выпивали.

За моей памяти таким образом с самогонованием боролся колхозный бригадир Богдан, который был не только членом партии, но и пьяницей. Он тоже, когда хотелось выпить, брал с собой двух мужиков, таких же пьяниц, и приходил к нашей соседке Царихе, которая торговала самогоном. Сама она самогон не гнала, она привозила его откуда-то в грелках и здесь перепродавала. Мужики этот самогон ругали, говорили, что он резиной пахнет, но все равно покупали и пили. А все из-за заботы о семье, как говорили они, ведь бутылка самогона стоила один рубль, а бутылка самой дешевой водки – два рубля и сорок копеек, разница ощутимая. Так вот, этот Богдан, с сотоварищи, перерывал у Царихи весь дом, в печке, под печкой, в шкафу, под кроватью, везде искали, и иногда находили. Крик тогда стоял на всю улицу. Цариха свое добро просто так не отдавала и бросалась на обидчиков в драку, нередко до крови расцарапывая им лица, но это их не останавливало, главным в этом деле было добыть самогон.

Так вот, такая бригада блюстителей порядка, во главе с милиционером, и пришла в хату, где жил маленький Иван. Родители Ивана только успели выгнать самогон, сам аппарат уже спрятали в закутке под печкой, прикрыв его хворостом, в так называемых «сутычках», которые не просматривались снаружи. А вот десяти литровая бутылка, свежевыгнанного самогона, стояла еще в хате, когда отец Ивана увидел идущую к ним группу во главе с милиционером. Решение он на-

шел быстро, вылил воду из одного из двух ведер, которые всегда стояли на лавке при входе в любую хату, и перелил в него самогон. Пустую бутылку сполоснул и поставил в чулан. Милиционер искал самогон особенно усердно, ведь запах его стоял по всей хате, он явно был где-то рядом, но найти не могли. Спросили у маленького Ивана, где его отец самогонный аппарат прячет, обещая дать конфетку, если расскажет. Ивану конечно же хотелось получить конфетку, и он тут же сообщил, где отец спрятал самогонный аппарат.

– У сутычки под хвоостом, – сказал он милиционеру, имея в виду, что аппарат находится в сутычках под хворостом.

А милиционер подумал, что пацан над ним издевается, общая, чтобы искали аппарат «у сучечки под хвостом», отвесил Ивану оплеуху и вышел из хаты. Один из понятых захотел пить, зачерпнул из ведра кружку воды и обалдел, там был самогон, вот он, под самым носом стоял. Он с удовольствием выпил кружку, потом еще одну. Выйдя из хаты сказал товарищу: «Сходи воды попей, здесь вода очень вкусная». И тихонько добавил: «С левого ведра». Когда группа пришла с обыском в следующую хату, оба понятых уже, как говорится, и лыка не вязали, а милиционер не мог понять, когда же они умудрились напиться, ведь все время перед глазами были. Но мужики отца Ивана не выдали.

Запомнилась мне и еще одна история. Отец Ивана решил зарезать поросенка, но делать это нужно было тайно, чтобы не сдавать государству шкуру этого поросенка. По закону,

шкуру с поросенка нужно было снять и сдать в местную кооперацию, иначе грозил большой штраф. А что это будет за сало без шкурки, если забитого поросенка перед разделкой не осмалить? Без того неповторимого запаха дымка, идущего от шкуры осмаленного поросенка, это уже не сало. Кто его будет есть такое? Договорились с одним хорошим соседом, что он будет помогать. Зарезали поросенка и затащили его в погреб. Потом из печки набирали в старое дырявое ведро горящие угли, и, прикладывая ведро с углями к шкуре поросенка, кое-как его обсмалили. Это конечно не то, что смалить соломой где ни будь в огороде, но хотя бы так. Нужный запах все равно появился. Разделали тушу поросенка, и, как темнело, перенесли мясо и сало в чулан. Дальше заниматься с ним уже было некогда, поэтому сложили все на мешковину, разосланную на полу. Нажарили кровянки с салом, выпили и закусили, и сосед ушел спать. Отец Ивана, как и полагалось в таких случаях, выделил соседу по хорошему куску сала и мяса, чтобы и у соседей был праздник. В эту ночь отцу Ивана не спалось, в голове крутились тревожные мысли. А вдруг соседи что-нибудь заподозрили? Ведь есть такие специалисты, что могут залезть в чулан так тихо, что лежа в комнате и не услышишь. Лучше эту ночь переночевать в чулане, зимой там конечно холодно будет, но ничего. Как говорится – береженного бог бережет. Одел тулуп и валенки, взял с собой топор, и пошел спать в чулан. На всякий случай, в чулане еще и закрылся изнутри. Ночью проснулся от

какого-то шороха, как будто что-то по полу передвигалось. Разглядеть что-то было невозможно, через единственное в чулане маленькое слуховое окошко, расположенное под самым потолком, свет не проникал, хотя ночь и было лунная. Но вот что-то, находящееся за окошком, отклонилось и в чулан проник лучик лунного света. Стала видна просунутая в окошко длинная проволока, с крюком на конце. Вот опять, чья-то рука взяла эту проволоку и начала шарить ею по полу, пытаясь подцепить крюком кусок сала или мяса. Первым желанием хозяина было отрубить эту руку, но он быстро передумал, за это и посадить могут, да и поросенка он зарезал не совсем законно, тоже проблемы будут. Он тихонько встал, подошел к окошку, и провел острым лезвием топора по этой руке. За окном вскрикнули от неожиданности, и слышался звук упавшего на землю тела. Выходить наружу отец Ивана не рискнул, ведь неизвестно, сколько их там, этих воров. Утром осмотрел место происшествия. Было видно, что под окошком стояла лестница, на снегу были пятна крови, а следы вели на улицу и там терялись. А в обед он увидел соседа, того, который ему помогал. Сосед был с перевязанной правой рукой. Сосед смущаясь объяснял, что руку случайно порезал разбитой бутылкой. Отец Ивана сделал вид, что ему поверил.

А дочери Ивана подрастали. Нина по характеру была в отца, спокойная и уравновешенная, вежливая с соседями. Валя была в мать. Свое мнение всегда считала самым правиль-

ным, частенько даже старших пыталась поучать. А еще была очень завистливой, особенно завидовала старшим себя де-вушкам, у которых парни ушли в армию, и писали им отту-да письма. Валя тоже придумывала и рассказывала подругам истории, что ей тоже кто-то там пишет из армии. Нина поступила в институт и уехала учиться в Москву, где позже и вышла замуж за Ивана, работающего фотографом в фотоателье. Закончила среднюю школу и Валя, но поступать никуда не стала, устроилась работать кондуктором на рейсовом автобусе, который ходил между Нежином и Вертиевкой. И началась у Вали веселая жизнь. От поклонников у нее теперь отбоя не было, каждый день к ней домой приезжали какие-то водители на грузовых машинах, забирали Валу и куда-то уезжали. Как-то мать Вали пригласили в больницу и попросили присмотреть за дочерью, которая за этот год уже третий аборт сделала, так недолго и бесплодной остаться. Было ли это для матери новостью, я не знаю, но после серьезного разговора с отцом, Валя переехала жить в Нежин, где тоже работала кондуктором на городских автобусах.

А на старости лет Иван остался в доме один, его жена умерла лет десять назад, а дочери разъехались. Валя к нему не приезжала, несмотря на то, что до Нежина не так уж и далеко. Нина из Москвы приезжала, и предлагала отцу переезжать к ней, но отец не соглашался. Тогда она предложила ему хотя бы огород не обрабатывать, тяжело ведь уже, они с мужем ему и картошку купят, и все остальное из овощей

проездут. Но Иван и на это не согласился.

– А люди то, что скажут? Что Иван в конец разленился? – говорил он дочери.

И трудился Иван на своем огороде до последнего, пока не перестал ходить. Только тогда он согласился переехать к Нине в Москву. Дом решили продать и деньги разделить между сестрами поровну. На сделку по продаже дома приехала в Вертиевку и Валя. Дом продали, деньги разделили, и обе сестры остались последнюю ночь переночевать в родительском доме, а уже утром передать ключи новым хозяевам. Валя уснула сразу, и при этом даже громко храпела, а Нине не спалось, она думала, что неправильно они деньги поделили. У нее ведь в Москве своя трех комнатная квартира, а у Вали своего угла нет, они с мужем в Нежине снимают квартиру, им ведь деньги нужнее. Решила, что утром половину своей доли она отдаст Вале, и после этого спокойно уснула. А утром чуть было не проспала Валин отъезд. Валя поднялась ни свет, ни заря, и уже собиралась уходить, чтобы успеть на первый автобус. Нина тоже быстренько поднялась, и полезла в свою сумочку, чтобы дать Вале еще денег. Но денег в сумочке не было.

– Ты деньги взяла? – спросила Нина.

– Ничего я не брала. Сама куда-то их засунула, – огрызнулась Валя, пытаясь выскочить из дома.

Но Нина была покрупнее и посильнее Вали, она отобрала у Вали сумочку и вытряхнула на стол ее содержимое. Все

деньги за дом были у Вали в сумочке. Нина забрала свою долю себе. Делиться ею с сестрой ей уже не хотелось.

Василий Остапенко

Нашими соседями были сразу четыре семьи Василенко. Дед Митрофан и дед Николай были родными братьями, и о них я достаточно подробно писал в Воспоминаниях, а Михаил и Петро были их двоюродными братьями, примерно ровесниками моего отца. Будучи еще совсем маленьким, я много времени проводил у Михаила, смотрел как он делает оконные рамы. Он позволял мне брать в руки его столярный инструмент, и именно там я получил азы столярного дела. Умер он очень рано. У него остались жена Галина, по кличке Цариха, и четверо маленьких детей. У Петра также была жена Галина, как ее называли, Галька Петрова, и одна единственная дочь Оля, на три года старше меня. В семье Петровых, всегда царил матриархат, всем заправляла тетка Галька. Петру лишней раз даже рот не давали открыть. Странно, что тетку Гальку называли Петровой, на мой взгляд, это Петро был Галькиным. Тетку Гальку все устраивало, кроме одного, Петро боялся резать курей, и каждый раз ей приходилось обращаться за помощью к соседям, когда нужно было зарезать курку. Петро был щупленьким мужиком небольшого роста и работал в колхозе учетчиком. У него, единственного на всей улице, тогда был велосипед, к раме которого всегда был привязан складной метр для измерения расстояний по поверхности земли. В обязанности учетчика входило измерять

вспаханные или засеянные трактористами площади земли, или же площади, убранные комбайнерами. На мой взгляд, у него была очень хорошая работа. В отличие от моего отца, который весь день был на работе, дядя Петр весь день был дома, и только вечером на пару часов выезжал на работу, чтобы измерить объем работы, выполненной другими. Семья была очень зажиточной. Сразу после того, как в дома провели электричество от колхозной дизельной электростанции, у Петровых появился телевизор, тогда единственный на всей улице. Теперь все соседи, в том числе и мы, на зимние вечерние посиделки стали ходить к Петровым.

Оля росла тихой и покладистой девушкой, матери она тоже старалась не возражать, за это можно было получить от матери веником по спине, несмотря на то, что Оля уже заканчивала школу и была практически взрослой. Бездельничать Оле мать не давала, зачем-то заставляла ее прясть нитки на прялке. У нас на чердаке тоже лежала бабушкина прялка, но ею никто не пользовался, а тут я увидел, как на ней работают. Оля с матерью пряли сразу на двух прялках, и у них это очень красиво получалось, можно было засмотреться на их работу, хотя мать периодически кричала на дочь: «Куда смотришь? Нитка не ровная идет». Зачем им эти нитки, я не понимал, как раньше не понимал, зачем они половину огорода льном засеяли. Потом они этот лен вымачивали и трепали на тернице, таком специальном приспособлении, на котором убирают твердую часть стебля льна. Я тогда

с интересом наблюдал за этим процессом, о котором читал в книжках, но никогда раньше не видел. Смотреть конечно было интересно, но какой это тяжкий труд, тетка Галька периодически разгибалась и подолгу стояла, держась руками за поясицу. Потом у них в доме появился ткацкий станок. Такого чуда старинной техники я больше никогда не видел, а здесь я наблюдал весь ткацкий процесс. Оля с матерью ткали тонкое льняное полотно, пропускали челнок с ниткой между продольными нитями, потом нажимали на одну из двух педалей, при этом вертикальные рамки, держащие продольные нити, перемещались одна вниз, а другая вверх, захватывая между ними протянутую поперечную нитку. Потом следовал рывок на себя еще одной рамки, с помощью которой ткань уплотнялась, и опять, теперь уже с другой стороны пропускался челнок. Наблюдать за их работой можно было часами, не зря же говорят, что смотреть бесконечно можно на три вещи: на огонь, на воду, и на то, как другие работают. Вот я и наблюдал, но мне еще было интересно, зачем они это делают.

– А зачем вам полотно? – спросил я их. – В магазине ведь полно любых тканей.

– Это Оле на приданное, – ответила тетка Галька, – такого полотна в магазине не купишь.

Петр неожиданно заболел и умер, тетка Галька с Олей остались одни, но ненадолго. Через пару лет Оле действительно понадобилось ее приданное. После окончания школы она училась на курсах кройки и шитья, но в швейное ате-

лье почему-то не устроилась, а пошла работать в нежинский плодосовхоз, где и познакомилась с Васей Остапенко, который работал там трактористом. Вася был скромным, молодым и стройным парнем, очень симпатичным. Оля в него влюбилась сразу. Когда она привела его домой знакомить с мамой, та сразу устроила Васе проверку.

– Вася, а зарежь-ка нам петушка, – попросила она будущего зятя.

– А у вас, что, праздник какой-то? – удивился Вася.

– Ну вот если зарежешь, так и будет праздник, – ответила будущая теща.

Вася успешно прошел это испытание, но будущая теща поставила еще одно условие: поле свадьбы они будут жить у нее. С этим уже было сложнее, так как Вася также жил с матерью один, но любовь к Оле перевесила, и он согласился жить у тещи. А вскоре и свадьбу сыграли. На этой свадьбе я, вместе с другими ребятами, сидел за столом на месте молодых и продавал Васе эти места. На лимонад и мороженное мы заработали. Вася был отличным семьянином, не пил и не курил, всю зарплату приносил домой, а главное, что курей сам резал, теперь не нужно было об этом соседей просить. Через год у молодых родился первенец, Саша, здоровый и крепкий парень. В семье все было прекрасно, вот только соседи их всех называли Петровыми, в том числе и Васю, что его немного раздражало. А еще я услышал от соседей, что у тетки Гальки глаза «плохие», может сглазить как скотину,

так и человека. Я, правда, в эти сказки не поверил. Время шло, у Васи родился еще один сын, Володя. У Володи были какие-то проблемы, так как ему пришлось делать операцию. Я к тому времени тоже женился и первый раз приехал в Вертиевку с молодой женой. По этому поводу отец собрал в гости наших соседей. Пришли все, кроме тетки Гальки, Вася сказал, что она не хочет идти. Я пошел к ней, чтобы пригласить ее отдельно.

– Извини, Володя, – сказала тетка Галька, – я не могу прийти. У бабки глаза «плохие», не нужно мне в первый приезд на твою жену смотреть, как ни будь потом познакомимся.

Вот теперь я понял, что про «плохие глаза» были вовсе не сказки, она сама этого боялась.

Через некоторое время Саша женился, и ушел жить к жене и теще, которые жили на другом конце села, привести жену домой он не мог, здесь им было бы тесновато. После свадьбы Саша у отца практически не появлялся, по крайней мере я его больше ни разу не видел. А Василий поднакопил денег и купил себе мотоцикл «Урал» с коляской. Теперь на нашей улице было уже два мотоцикла, у Алеши Осыпенко, и у Василия. Только у Алеши мотоцикл был тружеником, чего он на нем только не возил, а у Василия он просто стоял в сарае. По воскресеньям Вася его заводил, выезжал из сарая во двор, любовался им, мыл и вытирал насухо, после чего опять закатывал в сарай. Соседи говорили, что на мотоцикле он ни разу со двора не выезжал. Будучи как-то в отпуске,

я попросил у него мотоцикл, чтобы съездить на рыбалку за Хомино, хотя брат мне сразу сказал, что мотоцикл Вася не даст. Несмотря на то, что в Серпухове у меня был такой же мотоцикл «Урал», свой мотоцикл Вася мне не доверил.

Ничего в этой жизни нет вечного, все рано или поздно заканчивается, закончилась и счастливая жизнь семьи Василия. Баба Галька постарела и начала быстро слепнуть. Потом заболела Оля. Началось с небольших болей в голове. Сначала на это не обращали внимания, достаточно было выпить таблетку, и боль проходила, но потом таблетки помогать перестали. Пришлось обращаться в больницу, где и обнаружили опухоль в голове, причем злокачественную. Дальнейшее обследование показало, что опухоль не операбельна. И начались у Васи черные дни, тяжело было видеть страдающую от болей жену и понимать, что он ничем не может ей помочь. Единственным светлым лучиком за это время было то событие, когда женился Володя. Свадьба была скромной, только свои, не до веселья в семье было. Оля умерла лет через пять после обнаружения опухоли, и Вася с тещей остались в доме одни. А через некоторое время баба Галька ослепла окончательно, и больше не могла помогать Василию по хозяйству, теперь все легло па плечи Василия. Мало того, что на работе уставал, ведь уже и сам не молодой, так теперь еще и дома нужно было самому готовить кушать, кормить скотину, да и огород обрабатывать. С посадкой и уборкой урожая правда Володя помогал, а вот с прополкой и окучиванием нужно

было самому справляться. В общем, жизнь стала сплошной черной полосой. А тут еще старший сын Саша приехал, и потребовал выплатить ему его долю наследства.

– Какую долю? – изумился Вася.

– Ну хотя бы третью часть наследства, – ответил Саша. – Я ведь имею право на наследство?

– Конечно имеешь, – согласился Василий, – только его еще нет. Наследство у тебя будет, когда мы с бабкой помрем. А пока-что, и у меня ничего нет, все, что здесь есть, принадлежит бабке. Из моего здесь только моя одежда и мотоцикл, если хочешь, могу третью часть одежды отдать.

Раздосадованный Саша уехал, и больше к отцу не приезжал. А черная полоса у Васи продолжалась, и никак не хотела переходить в белую. Издавна известно, что беда не приходит одна, как говорят, пришла беда – открывай ворота. Но что-то уж больно надолго затянулась эта черная полоса. Вскоре пришла еще одна беда, по дороге на работу у Васи случился инсульт. Теперь уже слепой бабке пришлось ухаживать за Василием. Через некоторое время Василию стало легче, он смог вставать и ходить, восстановилась речь, вот только считать он совсем разучился. При покупке продуктов в магазине, протягивал продавщице кошелек, и просил взять сколько нужно. С работой конечно пришлось расстаться, но дали инвалидность, пенсия была хоть и небольшая, но на хлеб и подсолнечное масло хватало. А вскорости и бабка умерла, теперь Василий совсем один в доме остался. Совсем

тоскливо ему стало, жаловался, что теперь только с котом и с телевизором разговаривает.

– Может мне жениться? – как-то спросил он меня.

– А почему бы и нет? – поддержал я его.

– Только кто за меня такого пойдет? – засомневался он.

– Ну может какие-то знакомые незамужние женщины есть, – стал я советовать.

И Вася вспомнил, что недалеко от его матери живет его одноклассница, у которой уже давно умер муж. Оба одинокие, что-то могло и получиться. У Васи появилась призрачная надежда, что в его жизни еще что-то может измениться в лучшую сторону. Он встретился с этой женщиной, пригласил ее к себе в гости, где и предложил ей выйти за него замуж. Женщина не стала обижать его отказом, обещала подумать, но Вася и так понял, что улучшения в его жизни больше не будет. А через год, когда Вася возвращался домой из магазина с купленной буханкой хлеба, у него случился второй инсульт. Вася упал вниз лицом в придорожную канаву и так пролежал два дня. За это время мимо него прошли десятки людей, но ни один из них не подошел и не поинтересовался, почему на обочине дороги лежит человек. Все решили, что это какой-то пьяница, который выпил лишнего. Только на следующий день вечером к нему подошел живущий неподалеку мужчина, перевернул лежащего на спину и узнал Василия, который был уже холодным.

Володя похоронил отца, собрал он соседей на поминки и

на девять дней. День был теплый, поэтому столы для поминок поставили во дворе. Василия все уважали, поэтому и на поминки пришли все соседи. А вот сына Саши на поминках почему-то не было. Но у Володи о нем спрашивать не стали, как-то неудобно было лезть в семейные дела. Но во время поминок соседи заменили, что на Васином огороде кто-то ломает початки кукурузы. Сразу же Володе и сказали, что у них на огороде кто-то ворует кукурузу. Володя и сходил на огород, чтобы посмотреть, что там творится. Вернулся сильно расстроенный и сообщил, что это Саша с женой и тещей собирают урожай, выращенный его отцом.

– Ни стыда, ни совести, – сказали соседи. – Это сколько же жадности у людей? Никого не постеснялись, в такой день, на глазах у всех соседей.

– В кого он такой? – обсуждали соседи Сашино поведение. – У них в роду никогда таких не было. И Володя вот нормальным человеком вырос. Вася с Олей сыновей вроде бы одинаково воспитывали, почему же один нормальным вырос, а другой вот таким? Или это уже теща его перевоспитала? Это ведь наверняка с ее наущения Саша приходил к отцу за наследством еще при живой бабке.

Предположений было много и разных, но все сходились в одном, всем было жалко Володю, у которого кроме Саши других родственников не было. Вроде бы и есть родной брат, а на самом деле никого и нет.

Саша

Саша проснулся поздно. Спал бы наверно и еще, но лучик солнца начал периодически попадать в глаза, и хотя веки были закрыты, он это чувствовал. Саша открыл глаза. Солнечных лучиков было много, они пробивались сквозь листья растущей за окном яблони и, проходя через верхнее стекло окна, попадали на его постель. Нижнюю часть окна мать занавесками закрыла, чтобы сын поспал подольше, а сверху окна занавесок не было, вот солнышко, поднявшись повыше, этим и воспользовалось. Легкий ветерок шевелил листья, и лучики плясали по постели, то появляясь, то исчезая в разных местах. Вот это мерцание и разбудило Сашу. Яблоня была уже старой, сажал ее еще его прадед, который был очень крепким стариком, прожившим 103 года. В селе это был рекорд по долгожительству. Говорили, что по комплекции Саша похож на прадеда, такой же крепкий и широкоплечий, но повыше ростом, а к тому же, еще и красивый. Торопиться Саше было некуда, он уже вторую неделю на летних каникулах. Закончил девять классов и перешел в десятый. Две недели решил отдохнуть, а потом нужно будет куда ни будь устроиться на временную работу, чтобы за время каникул немного помочь матери, ведь кроме него ей больше помочь некому. Последний раз сладко потянулся, и встал. Теперь нужно сделать физзарядку.

К физзарядке он приучил себя еще с раннего детства, когда решил стать военным летчиком, как и его отец, о котором ему рассказывала мать. Позже правда, благодаря соседям, оказалось, что его отец совсем не летчик, а «залетный» мужик, которого в свое время судьба забросила в местную сельскую больницу, в которой его мать Рая работала санитаркой. С этим мужиком что-то случилось во время поездки в автобусе дальнего следования, маршрут которого проходил через село, и это что-то было настолько серьезным, что мужика сняли с автобуса и положили в больницу. Он почти месяц лечился в больнице, а потом Рая привела его к себе домой. Это была ее третья, и последняя попытка как-то устроить свою личную жизнь. Две предыдущие попытки закончились неудачно. Рая была маленькой и весьма симпатичной женщиной, но с мужчинами ей почему-то не везло. Может быть потому, что упустила свое время, пока ухаживала за дедом, отцом ее матери. Ее мать, Роза, жила в Киеве и мало интересовалась и своим отцом, и дочерью. После развода с мужем, она старалась устроить свою собственную жизнь, а все остальное ее мало волновало. А Рая жила в селе с дедом одна. До ста лет дед еще пытался что-то помогать ей по хозяйству, а последние три года был совсем немощным. Покармливав его утром, она с трудом выводила его во двор, усаживала в старое деревянное кресло, которое когда-то дед сам и смастерил, и оставляла так до вечера, пока не вернется с работы. На тот случай, если дед проголодается, оставляла ему

в кармане немного хлеба и сала, но к этой еде дед редко при- трагивался. После смерти деда, Рая нашла себе мужика, не местного, с которым они прожили почти год, но жениться на ней он не захотел, и куда-то уехал. Потом был еще один, тоже не местный, с которым она прожила полгода, и который тоже слинял. Соседи удивлялись, не понимая, почему они сбегают, ведь Рая очень добрая и покладистая женщина. Работая в больнице санитаркой, она научилась делать уколы, и теперь делала их всем нуждающимся в этом соседям, причем бесплатно. За помощью к ней можно было обращаться в любое время дня и ночи, лишь бы дома была. Сашин отец прожил у нее месяц, потом уехал домой, чтобы уволиться там с работы и окончательно переехать к ней с вещами, но обратно так и не вернулся. Но на этот раз Рае повезло, мужик оставил ей подарок, у нее будет ребенок, которого она так давно хотела.

Когда Саша узнал эту историю, он некоторое время сердился на мать, и даже не хотел с ней разговаривать. Ну как она могла его так обманывать? Оказывается, его отец вовсе не летчик, а неизвестно кто. А он ведь так хотел стать летчиком, как отец. Потом ему стало жаль мать, ведь она столько натерпелась, и теперь жила только ради него, а летчиком он обязательно станет. Пошел делать физзарядку. Сначала размялся, потом потаскал «штангу», железку килограмм на сорок, старую ось с двумя небольшими, уже не крутившимися, колесами из тележки, на которые на пилораме загружают бревна, чтобы подавать их на распиловку. Он случайно

обнаружил эту штукювину в куче мусора и сразу понял, что это будет его штанга. Теперь нужно несколько раз сделать стойку на стуле, одна рука ставится на край сидения, другая на спинку стула, и делается стойка, он такое в цирке видел. Отличное упражнение для тренировки вестибулярного аппарата, как раз то, что пригодится летчику. После физзарядки умылся и пошел на кухню. Там лежала записка матери: «Суп в чугушке в печи. И прополи грядки лука, уже сильно заросли, а то потом будем искать лук с миноискателем». Это мать так шутит, имеет в виду, что за выросшими сорняками лука скоро не видно будет. Позавтракал и пошел пропалывать грядки. Как раз к обеду с ними и справился. Солнце поднялось уже высоко и стало очень жарко. Кушать еще не хотелось, а после прополки он был весь потный и грязный. Нужно было вымыться, но мыться во дворе под умывальником не хотелось. Нужно сходить на ставок, на Рокиту, там и приятная, при такой жаре, прохладненькая водичка, и поплавать можно, а лишняя тренировка по плаванию не помещает. Среди местных ребят Саша плавал лучше всех, чувствовал себя в воде как рыба.

Ставок на Роките выкопали уже давно. Раньше это было довольно большое болото на краю села, с одной стороны к которому выходили огороды, а с другой стороны была колхозная ферма. В одном из помещений фермы разводили и гусей, для которых это болото было просто раем. Весной вода со всей обширной прилегающей территории стекала в это

болото, и оно наполнялось до краев, иногда даже часть огородов оказывалась под водой. Но со временем, воды поубавилось, и летом гусям стало негде плавать, в связи с чем колхоз и решил выкопать там ставок. Ставок выкопали большой, примерно 50×50 метров, а по периметру забили вербовые колья, из которых, со временем, выросли высокие, с широкими кронами вербы, в тени которых, отдыхающие на берегу ставка, могли прятаться от жары. Через некоторое время колхоз перестал выращивать гусей, а в ставок запустили карпа. Был даже сторож, который следил за тем, чтобы детишки не ловили этого карпа на удочки. Но потом, и эта затея провалилась, и теперь ставок был популярным местом, куда половина села приходила искупаться и отдохнуть. Вода в ставке всегда была прохладной, так как снизу били холодные родники. Это было очень заметно при нырянии, или, когда при плавании останавливаешься и опускаешь ноги вниз. Разность температур в слоях воды при этом сразу чувствуется.

Когда Саша пришел на ставок, там уже сидели его друзья. Они уже искупались и теперь загорали, ожидая пока высохнут плавки, чтобы не идти домой в мокрых на заднице брюках. Саша зашел в пруд, вымылся, дважды переплыл ставок туда и назад, и присоединился к ним. Ребята ему конечно завидовали, некоторые из них переплывать ставок вообще не решались. Пришел купаться старей-престарей дед, лет под семьдесят, живущий недалеко от ставка. Он, не стесняясь, полностью разделся, зашел в воду, лег на спину, и со скоро-

стью торпеды поплыл к другому берегу, только абсолютно лысая голова блестела на солнце, при этом шею и голову он держал практически перпендикулярно туловищу, таким образом, что и шея, и голова торчали над водой и в воду не погружались. Развернувшись у противоположного берега, дед с такой же скоростью вернулся обратно, оделся, и сразу же ушел домой. Ребята были поражены. Как можно так плавать? Обычно, при плавании на спине, из воды только нос торчал, по крайней мере, затылок всегда был в воде. Мочить плавки по новой им конечно не хотелось, но опробовать дедов стиль плавания хотелось всем. Некоторые зашли в воду и попробовали плыть таким образом, другие, сидя на берегу, пытались им подсказывать. У одного немного даже получилось, пару метров он таким образом проплыл, но на большее сил не хватило, руки уставали моментально. Какая же тогда сила должна быть в руках этого деда? Саша лежал молча, не принимая участия в этой кутерьме.

– Саша, а ты так сможешь? – поинтересовались у него ребята.

– Не знаю, может и смогу, – ответил Саша, стараясь не уронить на фоне дедовых достижений свой авторитет лучшего пловца. – А вот пять раз переплыть ставок туда и обратно я точно смогу.

– Ну это, наверно, и дед сможет, – высказали предположение ребята. – Видел, с какой скоростью он плыл? Ты так не плаваешь.

Сашин авторитет явно давал трещину.

– Да я и десять раз смогу проплыть, – сгоряча сказал Саша, и тут же пожалел о сказанном, пять раз ставок он действительно переплывал, но при этом сильно уставал.

– Ну давай, попробуй, – подначивали ребята.

Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Чтобы спасти авторитет, придется плыть 1000 метров, но деваться теперь некуда. Саша зашел в воду и поплыл. Первые пять раз он проплыл легко и совсем даже не устал. Появилась надежда, что одолеет и следующие 500 метров. Вспомнил про экзамены, которые сдавали казаки при приеме в Запорожцы. Во-первых, нужно было тоекратно перекреститься, а во-вторых, переплыть, преодолевая течение, Днепр туда и обратно, с возвращением в точку заплыва. И этот экзамен казаки сдавали. Так неужели он хуже них, и какую-то лужу без течения десять раз не переплывет?

Усталость начала появляться на шестой раз, как ни странно, ноги уставали быстрее чем руки. Они уже не держались на поверхности, а стали опускаться глубже. На седьмой раз, уже возле противоположного берега, судорога свела палец на ноге, пришлось лечь на спину, подтянуть к себе ногу и разминать палец, к счастью, судорога быстро прошла, и он поплыл дальше. Скорость правда была уже не та, и ноги опускались все глубже, но он проплыл еще два раза. Еще один раз, и он восстановит свой пошатнувшийся авторитет. Десятый раз давался ему очень тяжело, ноги периодически опуска-

кались очень низко, и он уже чувствовал, насколько там внизу холодная вода, плыть приходилось, в основном, за счет рук. Развернулся у противоположного берега и поплыл обратно. Еще пятьдесят метров, и он им докажет, чего он стоит. Проплыл метров пятнадцать, когда судорога свела ногу. От жуткой боли в ноге у него аж зубы свело. Опять лег на спину и попробовал помассировать ногу, боль немного уменьшилась. Самым разумным сейчас было бы выйти на ближайший берег и вернуться к ребятам по суше, но тогда он будет хвастуном, и ничего не докажет. Нет, нужно плыть дальше, ведь каких-то тридцать пять метров осталось, их можно и на одних руках проплыть. На середине ставка судорога свела вторую ногу. Опять жуткая боль в ноге. Дотянуться да ноги, чтобы ее помассировать, не удалось, сразу погрузился под воду, но удалось выплыть на поверхность. Превозможная боль, попытался плыть на руках, но и это не получилось, оказалось, что это не то же самое, что плыть с опущенными, но здоровыми ногами. Саше стало страшно.

– Помогите, тону! – закричал он ребятам на берегу, и ушел под воду.

Собрав последние силы он опять поднялся на поверхность.

– Помогите! – опять закричал он, и опять ушел под воду.

– Во прикольвается, – решили ребята, – подшутить над нами хочет.

Забеспокоились они только тогда, когда на поверхность

он больше не выплыл.

Вот такая нелепейшая смерть молодого парня, который еще и жить то толком не начал. Что это? Судьба? Назвать это судьбой как-то язык не поворачивается. Скорее всего это не судьба. Видать не суждено ему было стать летчиком, хотя он и делал для этого все от него зависящее.

Убитая горем мать пережила сына ненадолго. На сельском кладбище они похоронены рядышком.

Одноклассники

Миша Костенецкий

Миша Костенецкий – это мой друг, мы дружили еще с младших классов. Родители Миши колхозники, и он единственный ребенок в семье. Отец у него худенький, небольшого роста. Мать повыше отца, и пошире его в плечах, казалась мне несколько полноватой даже для ее роста. Миша больше на мать похож, чем на отца. Учился Миша не очень хорошо, в классе, по учебе, он занимал третье место сзади, то есть был не самым плохим учеником. Вслух, правда, читал очень плохо. Как-то, когда мы с ребятами были у него дома, он прочитал нам понравившийся ему отрывок из книги. Мы тогда уже учились в пятом классе, а с нами был еще и Саша, брат Ювко Володи, который учился только во втором классе. Послушав Мишино чтение, он сказал: «Это он так читает? У нас в классе никто так плохо не читает». В остальном же Миша был нормальным парнем. Мы с ним вместе ходили на лыжах, спускались на лыжах с горок, делали вместе коньки из деревяшки, с приделанной снизу железной проволокой, на которых катались по улице. Дома у Миши имелся кое какой отцовский инструмент, который был необходим для такой работы. Кроме того, у него был еще и сосед, тракторист,

у которого Миша иногда тоже брал инструмент. Не все и не всегда у нас конечно получалось, но кое какие навыки работы с инструментом мы приобретали. Потом у нас появились велосипеды, не наши конечно, а отцовские, но ремонтировали их мы. Чаще всего приходилось ремонтировать шатуны педалей. Поскольку падали мы довольно часто, то эти шатуны, со временем, изгибались, и начинали цеплять за раму, издавая при этом очень неприятный, периодически повторяющийся звук. По какой-то странной закономерности, почему-то гнулся всегда шатун правой педали, на котором находилась большая звездочка, предназначенная для передачи по цепи усилия на заднее колесо. Выпрямлять этот шатун было очень неудобно, так как очень мешала именно эта звездочка. Но мы с этим справлялись. Мы даже пытались выполнить самую сложную работу в ремонте велосипеда: устранить биение переднего колеса, так называемую «восьмерку». Нужно было, увеличивая натяжение спиц в одних местах, и уменьшая их натяжение в других местах, добиться такого состояния, чтобы, при вращении колеса, не было видно биений. Но с этой работой мы справиться так и не смогли, биения немного уменьшались, но убрать их полностью нам не удавалось.

После окончания шестого класса, мы с Мишей уже чувствовали себя совсем взрослыми, поэтому и решили попробовать вина. Но, поскольку родители нас таковыми еще не считали, нужно было сделать это так, чтобы родители запах

не унюхали. Решили выпить вина перед тем, как идти в кино, тогда будет достаточно времени, чтобы запах алкоголя выветрился. В связи с этим, мы и пошли в кино на два часа раньше. По пути зашли в магазин возле церкви, купили в складчину бутылку самого дешевого плодово-ягодного вина, и небольшую булочку для закуски. Зашли в дальний угол церковного сада и расположились там на траве, подальше от посторонних глаз. Выпили по паре глотков и закусили булочкой. Вино было сладенькое, и нам понравилось. Выпили еще понемногу, на душе стало совсем хорошо. Лежали на траве и строили планы на летние каникулы. Я собирался поработать в нежинском плодосовхозе, и предлагал Мише поработать вместе. Но Мишу на каникулы родители отправляли к своим родственникам, которые жили на Донбассе, в поселке Горловка. Так понемногу, за разговорами, мы и выпили две третьих бутылки. Я почувствовал легкое головокружение, хорошие ощущения стали куда-то пропадать, и я сказал Мише, что больше пить не буду.

– Ну тогда, и я больше не буду, – сказал Миша.

Я закрыл бутылку пробкой и поставил ее под куст желтой акации, под которым мы сидели. До начала фильма было еще больше часа, поэтому мы лежали под кустом и дальше, и разговаривали. Потихоньку хмель из головы начал выходить, начинавшееся было легкое головокружение прекратилось. Через час мы уже чувствовали себя прекрасно и были в приподнятом веселом настроении.

– Ну, что, пошли в кино, – предложил я.

– А с вином что будем делать? – спросил Миша.

– Да пусть остается, кто ни будь допьет, – ответил я.

– Да нет, жалко, – сказал Миша, – давай допьем.

– Нет, я больше не хочу, – не согласился я.

– Ну тогда давай выльем, а бутылку сдадим. Зачем здесь двадцать копеек оставлять.

– Выливай, – согласился я.

– И выливать жалко, – сказал Миша, – я лучше допью.

И выпил остаток вина. Пустую бутылку мы сдали в тот же магазин, а на вырученные деньги сходили на двухсерийный фильм. Я конечно же был не прав, когда предлагал эту бутылку оставить под кустом, двадцать копеек для нас тогда были большими деньгами. Мои родители жили не очень богато, а Мишины были еще беднее. Миша не ездил с классом ни на какие экскурсии, и даже никогда не фотографировался, всегда говорил, что нет денег. Скорее всего, денег на эти мероприятия у родителей он даже не просил, поскольку, с его точки зрения, это было бы сверх наглости. Поэтому, Миши нет ни на одной из общих школьных фотографий.

После восьмого класса Миша, вместе с нашим одноклассником Колей Потапенко, пошли учиться на курсы трактористов, и, после их успешного окончания, начали трудовую деятельность трактористами в колхозе. Коле, отец которого также работал трактористом, дали не новый, но вполне хороший рабочий гусеничный трактор, а Мише достался забро-

шенный колесный трактор, который простоял неисправным больше двух лет, и с которого, за это время, уже снимали много запчастей для ремонта других тракторов. Миша конечно же расстроился, и от досады чуть не плакал. Но бригадир тракторной бригады, со странной фамилией Рей, его успокоил и пообещал достать для этого трактора все необходимые запчасти. Он и объяснил Мише, что ему очень даже повезло, поскольку за счет колхоза он сможет продолжить учебу и значительно углубить свои знания. После того, как он своими руками сначала разберет, а потом соберет этот трактор, он будет его знать, как свои пять пальцев, после этого никакие поломки ему будут не страшны. Миша провозился с ремонтом этого трактора всю зиму, заработка за это время конечно никакого не было, за ремонт платили копейки, но опыт ремонта он приобрел огромный. В дальнейшем, за помощью к нему даже опытные трактористы обращались, и Миша, неожиданно для себя, стал уважаемым в колхозе человеком.

Как-то Миша мне сказал, что у него появилась девушка, и предложил меня с ней познакомить, чтобы я оценил его выбор. В следующие выходные, вечером, мы к ней и съездили. Оказалось, что она учится в восьмом классе четвертой школы, расположенной в бору, но фигура у нее уже была вполне сформировавшаяся, и выглядела она старше своих лет. Мы посидели с ней на скамейке возле ее дома пару часов и уехали домой.

– Ну как она тебе? – спросил Миша. – Понравилась?

– Симпатичная, выглядит как взрослая, – сказал я, – но в ней есть какая то странность.

– И в чем странность? – удивился Миша.

– Толком не могу понять, но что-то настораживает, – ответил я.

Сразу я не мог понять, что же мне показалось странным в девушке, но какое-то неуловимое ощущение странности в моем сознании отложилось. Только когда приехали домой, я понял, что меня насторожило. А насторожило меня несоответствие ее внешнего вида и разговоров, судя по разговорам, она была еще наивным ребенком. Мише об этом я не стал рассказывать, а вдруг я ошибся, но через некоторое время моя оценка подтвердилась. Миша сообщил мне, что уже весь колхоз знает, что он встречается со школьницей, она уже всем об этом рассказала. А потом у Миши состоялся разговор с матерью.

– Миша, ты что, жениться на малолетке собрался? – спросила она его.

– С чего Вы взяли? – удивился, покрываясь красной краской, Миша.

– Так ко мне одна девушка возле магазина подходила, и сказала, что вы с ней скоро поженитесь, как только она восемь классов закончит. Ты там смотри, чтобы она мне ребенка в подоле не принесла.

Теперь странность девушки заметил и Миша. Объяснил

ей, что она еще слишком маленькая для замужества, и больше они не встречались.

После окончания десятого класса я уехал учиться в Харьков, а Миша познакомился с симпатичной девушкой Валею, которая приехала работать в колхоз по распределению после окончания сельскохозяйственного техникума. Мне удалось погулять у них на свадьбе, которая совпала с моими зимними каникулами. Миша привез молодую жену в хату родителей, и начал задумываться о строительстве нового большого дома. Чтобы заработать денег на строительство, он перешел работать на Прорабство, где как раз шло строительство трассы Москва-Киев. Проработал там несколько лет, возили песок для отсыпки строящейся трассы. За это время и построил новый, большой и просторный дом, с водяным, а не с печным отоплением. Новый Мишин дом мне очень понравился, в нем была даже отдельная комната для родителей. Но мать Миши в новом доме прожила недолго, умерла из-за проблем с сердцем. А у Миши родился сын Витя. Строительство дороги к этому времени закончилось, и Миша вернулся работать в колхоз. Мы с ним не переписывались, но всегда встречались при каждом моем приезде в отпуск в Вертиевку. Я рассказывал им свои новости, они мне свои. Однажды, я увидел у Миши во дворе трактор с небольшим кузовом перед кабиной. Валя мне с гордостью сказала, что Миша сам собрал этот трактор из списанного хлама. Все полностью работает, даже кузов с помощью гидравлики опрокидывается,

но гаишники на учет не хотят ставить, так как Миша с электрической проводкой что-то напутал. Но потом Мише кто-то помог с проводкой, и свой трактор он зарегистрировал.

Сын тем временем подрос и пошел в школу. Он оказался довольно шустрым парнем, совсем не таким, каким был в детстве Миша, к которому никогда не было претензий по поведению. Мишу начали иногда вызывать в школу, так как Витя не только иногда хулиганил, но и занятия стал прогуливать. Теперь соседи частенько видели бегущего в школу, уже после начала занятий, Витю, и едущего за ним на велосипеде, с хворостиной в руках, отца. После перехода в девятый класс Витя исправился, закончил школу почти без троек и поступил в техникум лесного хозяйства. Оказалось, что и руки у него нормально выросли, в десятом классе вырезал из дерева такой макет автомата Калашникова, что он был как настоящий. У Миши появился повод для гордости за сына, и дед еще успел порадоваться за внука. Дед вскоре умер, пережив свою жену лет на двадцать, а ведь в детстве мне казалось, что мать Миши намного здоровее его отца. Внешность человека очень обманчива, по ней нельзя судить о его здоровье.

В очередной мой приезд домой узнал, что Мишу вызывали на товарищеский суд. Заявление в суд подал один из старых трактористов, за то, что Миша его избил. В это как-то не верилось. Чтобы сверх спокойный Миша кого-то избил? Да этого быть не могло. Но Валя подтвердила, что могло, хотя

и не совсем избил. Оказывается, этот тракторист что-то от Миши хотел, чего-то от него требовал, хватая Мишу за грудки. Миша его от себя оттолкнул, тот еще больше разозлился, и сказал что-то плохое о покойных Мишиных родителях. Миша развернулся и врезал ему кулаком в челюсть, да так, что даже руке стало больно. А Миша уже был не тот худенький подросток, что прежде, в нем уже было больше ста килограмм веса. На суде Миша сидел спокойно, вяло отвечая на вопросы, а пострадавший тракторист все время петушился и опять насакивал на Мишу, стараясь его ударить, видимо надеясь, что при свидетелях Миша ему не ответит. Миша от него только отмахивался. Когда Мишу попросили изложить свою версию произошедшего, он сказал: «Ну он тогда на меня все время насакивал, вот как сейчас, я его дважды и оттолкнул, второй раз он упал. Все.» В итоге, суд пострадавшему не поверил и встал на сторону Миши, претензии были признаны необоснованными.

А Миша поднакопил денег, и купил себе автомашину, подержанный «Москвич». Добросовестно отучился на курсах водителей и сдал на водительские права, хотя у него был какой-то родственник в Нежинском ГАИ, который предлагал ему, как опытному трактористу, так права выписать. Теперь и мне было облегчение, не нужно было на пять часов раньше выезжать последним рейсовым автобусом на Нежин, при отъезде из отпуска, Миша, несмотря на позднюю ночь, привозил меня на вокзал прямо к поезду. Во время одной из

таких поездок Миша и задержал преступника. Посадив меня в поезд, он возвращался к своей машине, когда на стоянке, рядом с его машиной, припарковалась еще одна. Хозяин этой машины закрыл ее, и зашел в вокзал. Пока Миша шел к своей машине, к вновь припаркованной машине подошел другой человек, открыл ее, и сел за руль. Миша понял, что это угон. Он подбежал к этой машине, заломил угонщику руку за спину, и стал кричать людям, чтобы позвали милицию, машину угоняют. Минут десять удерживал угонщика до прихода милиции.

– А ты не боялся, что он может быть не один, – спрашивал я его потом.

– Да я как-то об этом не подумал, – сказал он. – Просто мужика стало жалко. Сейчас выйдет, а машины нет. А может он всю жизнь трудился, чтобы купить эту машину.

Витя закончил техникум и приехал в местное лесничество лесником. По этому поводу Миша купил ему мотоцикл, и предложил достать через родственника права, но Витя на такие права не согласился.

– Мне не нужны такие права, – сказал он.

– Почему? – удивился отец.

– Потому, что потом ты не будешь давать мне ездить на этом мотоцикле, – обосновал он свой отказ, – и будешь говорить, что у меня права купленные.

В этом он конечно же был прав, с законными правами легче разговаривать и с отцом, и с гаишниками. Как-то, когда я

был в гостях у Миши, к нам присоединился Коля Потапенко, который к этому времени уже не был трактористом, а работал вместе с Витей лесником. Он и начал учить Витю, как нужно правильно вести себя на работе.

– Ты не торопись выполнять указания начальников, – учил он. – Сказали тебе, как вот недавно, что-то там начертить.

– Сетевые графики, – подсказал Витя.

– Вот дали тебе сетевые графики начертить, – продолжал Николай, – а ты им и скажи, что тебе нужно сначала с дядей Николаем посоветоваться, все будут видеть, как ты уважительно к старшим относишься.

– Коля, а ты про сетевые графики, вообще, что ни будь слышал? – встрял я в разговор. – Что ты можешь ему в этом вопросе посоветовать? Или просто хочешь за счет Вити свой авторитет приподнять в глазах начальства? Это наверно про тебя говорят: «Хоч и дурный, так хитрый».

Коля на меня обиделся и лже-наставничество прекратилось. На трезвую голову я бы как ни будь помягче сказал, но поскольку мы уже изрядно выпили, то сказал так, как думал.

Время шло, Витя женился и привел в дом молодую жену, а вскоре и у них сын родился. Витю повысили в должности, он стал лесничим. Но видать белая полоса в жизни не может очень долго продолжаться. Молодые не стали ладить между собой, невестка ушла к маме, оставив ребенка на воспитание бабушке Вале, а Витя стал приходить домой выпивши.

Как-то, в очередной мой приезд в отпуск, Миша мне сказал, что у трех его товарищей, с которыми он работал на Програбстве, случились инсульты, говорили, что в одном из карьеров, из которых они тогда возили песок, он был радиоактивным. Они все были живы, но ходили и разговаривали с трудом. Если все это правда, то звоночек был неприятный. А через некоторое время родители мне написали, что у Миши тоже инсульт. Зимой он телегой, запряженной лошадей, поехал в лес за дровами. Там у него и отнялась рука и нога. Чудом ему удалось залезть на телегу и ударить лошадь кнутом. Зная дорогу, лошадь самостоятельно пришла в конюшню. Миша к тому времени уже совсем отключился. В больнице его удалось спасти, но правая рука не работала, и речь полностью не восстановилась. Когда я его навестил, он уже немного восстановился, мог ходить по двору и самостоятельно кушать левой рукой. С речью было хуже, иногда я понимал его сразу, а иногда ему приходилось повторять несколько раз, чтобы я его понял.

– Я не хочу так жить, – говорил он. – Разве это жизнь? Умереть бы скорее.

– А вот твои товарищи так живут, – говорили ему мы с Валей, – и даже в магазин иногда ходят.

Но его это не убеждало, жить он так не хотел, и за свою жизнь совсем не боролся. В очередном письме родители мне сообщили, что Мишу похоронили. А Витя на этой почве стал пить еще больше, да и все знакомые теперь его хотели уго-

стить, поскольку он уже был большим начальником. Закончилось это тем, что Витю сняли с должности лесничего, и перевели опять в лесники.

Петя и Витя Осипенко

Петя и Витя – мои школьные товарищи. Они жили на соседней улице, но наши огороды соприкасались, и мы ходили друг к другу не по улице, а через огороды. Их родители, Сергей и Александра, Шура, как ее все звали, были моложе моих, их отец не воевал. Сергей был среднего роста, худенький, работал в колхозе скотником, летом пас одно из колхозных стад, примерно в 150 голов, для чего в его распоряжение выделялась лошадь. Шура была дородной украинской женщиной, в самом расцвете сил. Сначала она работала в колхозе телятницей, а потом заочно выучилась на зоотехника, и стала колхозной элитой. После этого на своем огороде она практически перестала появляться, там теперь трудился Сергей с ребятами. Сергей был родственником Алеши Осипенко, кажется двоюродным братом, а других его родственников я не знаю. А у Шуры еще были живы родители. Ее отцом был бригадир тракторной бригады, по фамилии Рей.

Петя мой одноклассник, высокий, крепкий и здоровый парень. Витя на год младше его и значительно ниже Пети ростом, был ребенком болезненным. Может быть именно поэтому мать и любила его больше. В общем, Петя считался отцовым сыном, а Витя мамкиным, хотя особого различия между ними они не делали. Шура к ним всегда обращалась в подчеркнуто-ласкательной форме, растягивая слова: Ви-

ть-ка, Пе-ть-ка. Не знаю, как к этому относились другие, но мой слух такое обращение сильно раздражало. Неужели нельзя по-человечески сказать, Витя или Петя? Вите и Пете я откровенно завидовал, ведь у них были живы бабушка и дедушка, к которым они часто бегали. В первом классе мы учились вместе с Петей, а со второго по восьмой – с Витей. Учились ребята средне, и учеба не доставляла им особого труда. Много свободного времени мы проводили вместе. У них в клуне всегда было свежее пахучее сено для коровы и лошади, которая частенько ночевала у них дома, и там интересно было играть в прятки, та как можно было спрятаться в этом сене, где тебя очень сложно найти. Отец иногда разрешал Пете и Вите немного прокатиться верхом на лошади, шагом конечно. Мне тоже хотелось прокатиться верхом, но попросить об этом я стеснялся. Как-то Петя с Витей съездили в ночное, пасти лошадку отца, и потом долго об этом рассказывали. Мне тоже захотелось съездить в ночное, и я попросил их в следующий раз взять меня с собой, но следующего раза не случилось, они больше в ночное не ездили.

А потом у ребят появилась собака. Это была большая красивая овчарка серого цвета, по кличке «Дик». У нас дома тоже были собаки, но я к ним всегда относился нейтрально. А этот пес был очень умный, и он мне определенно нравился. Ребята с ним всегда пасли стадо коров со своей улицы. Им практически не приходилось бегать за коровами, достаточно было дать команду псу, и он заворачивал стадо в нужном на-

правлении, или выгонял коров из культурных посевов, если они туда забредали. Как-то мы пасли стада в один и тот же день, они с собакой свое стадо, а я свое. Лето стояло жаркое, ближние источники воды уже все пересохли, и мы направляли стада в сторону дальнего водопоя возле Петрушки, с таким расчетом, чтобы к обеду быть там. Их стадо уже перешло через дорогу, ведущую на Хомино, а наше еще только подошло к этой дороге. По дороге проехала какая-то, запряженная лошадей телега, и остановилась возле стада ребят. Потом слышались два выстрела. Я подумал, что это охотник приехал, и показывает ребятам как стрелять из ружья, даже пожалел, что я далеко вато от них нахожусь. Мужик на телеге уехал дальше на Хомино, а меня разбирало любопытство, почему там стреляли. Я не выдержал и побежал к ним, чтобы узнать, что у них происходило. Петя с Витей сидели и плакали, а на руках у них умирал Дик, на шее у которого была большая рана, из которой текла кровь, рядом валялся перебитый дробью ошейник. Я спросил их, что произошло, но они толком сами ничего не понимали. На дороге остановился и подошел к ним житель Хомино, охотник Северин, которого они откуда-то знали. Он был с ружьем и пьян. Ни слова не говоря, зарядил ружье и, у них на глазах, выстрелил в собаку. Первый раз промахнулся, а со второго попал. Так же молча сел на телегу и уехал. Мне было очень жаль и бедного умирающего пса, и ребят. О причинах такого дикого поступка этого охотника я так никогда и не узнал. Зачем

нужно было на глазах у детей убивать этого доброго и умного пса? То ли это была какая-то месть их отцу, или просто пьяная выходка дурного охотника? Травма для детской психики была настолько тяжелой, что собак они больше не заводили.

В школе Петя и Витя каждый год занимали первое место по сбору металлолома, за что получали почетные грамоты, и ни один ученик не мог с ними в этом соперничать. Они всегда сдавали не меньше тонны металлолома. А такие как я, могли собрать от силы килограмм двадцать, и то если очень сильно постараться, для этого нужно было всех соседей оббежать, и выпросить у них все ненужное. Петя с Витей для этого заходили только к одному человеку, своему деду Рею, и просили его привезти в школу металлолом. На следующий день дед и привозил в школу из тракторного табора пару телег металлолома. Первое место для внуков всегда было обеспечено. Да и в других вопросах у ребят все было замечательно. Когда я взял в школе во временное пользование фотоаппарат, а Вите тоже захотелось иметь фотоаппарат, родители ему его немедленно купили, а к нему еще и увеличитель. Я потом печатал свои фотографии используя Витин фотоувеличитель. Когда начали учиться играть на баяне, баян Витте не купили, дороговато, но колхозную гармошку мать домой принесла, и Витя на ней учился играть.

Но жизнь, все-таки, штука полосатая, белая полоса всегда переходит в черную. Шура стала подолгу задерживаться на работе, было очень много вопросов, которые нужно было

обсуждать непосредственно с председателем колхоза. После того, как все разошлись из правления колхоза, они оставались там одни и подолгу решали эти сложные вопросы. Через год таких тяжких трудов они поняли, что таким способом все накопившиеся вопросы им все равно не решить. И они приняли кардинальное решение: председатель развелся со своей женой, и она с дочерью переехала жить к маме, а Шура переехала жить к председателю. Сергей же остался жить с сыновьями. Петя к маме и ее новому мужу в дом не ходил, а Витя бывал там частенько. Мать всегда старалась угостить его чем ни будь вкусненьким. Варила к его приходу вкусный суп или борщ, с петушком или курочкой. Но это не понравилось матери председателя. Она зарезала всех оставшихся курей и передала их бывшей невестке, пусть лучше ее родная внучка этих курей скушает. Бабка с новой невесткой не ладили, Шура пыталась завести в доме свои порядки, ведь раньше в доме именно она всем командовала, у Сергея был только совещательный голос, и то не всегда. Теперь с бабкой ей было сложнее. На вопрос, куда девались куры, та ответила: «Мои куры, куда хочу, туда их и деваю. В следующем году своих вырастишь, тогда будешь и сама их кушать, и угощать кого вздумается».

После окончания восьми классов, сначала Петя, а потом и Витя уехали в Черновцы, где у них жили какие-то родственники, имеющие связи в местном техникуме, и поступили в этот техникум. Через два года эти родственники по-

просили родителей забрать Петю обратно, так как он связался с плохой компанией, не учился, а только пил и таскался по женщинам. Петю забрали домой, и он доучивался вместе со мной в десятом классе. Получилось, что начинали мы учиться в одном классе, в одном классе и заканчивали. После окончания школы Петя опять уехал в Черновцы, и больше мы с ним не виделись. Мой отец говорил, что Петя женился, и у него растут два сына. Один раз Петя приезжал в Вертиевку, говорил моему отцу, что он нигде не работает, так как у него два сына работают. Такое объяснение своей бездеятельности тогда мне показалось очень странным, а потом от одноклассников я узнал, что Петя не просто не работает – он бомжует.

А Витя закончил этот техникум и, в дальнейшем, жил и работал в Черновцах. Женился на моей однокласснице из Вертиевки, и у них родился сын. После окончания школы я только один раз виделся с Витей. Я уже уезжал после отпуска из Вертиевки, а Витя только приехал в Вертиевку на собственной автомашине, и встретились мы, когда я уже шел с чемоданом на автобус. Поговорили минут пять, и разошлись. Последнее время он работал главным инженером местного рынка в Черновцах, как я понимаю, должность очень хлебная, и не только. По словам его жены, Витю очень многие хотели угостить и рюмкой, а он не всегда отказывался. И так хилое здоровье не выдержало, и Витя умер в полном расцвете сил. Петя, не смотря на бомжевание, пережил его лет на

десять.

Коля Грек

Коля Ювко, по кличке Грек, был моим соседом и жил в конце нашей улицы, в ста метрах от нашего дома. Мать Коли умерла, когда он был еще совсем маленьким. Жил он с бабушкой и отцом в очень маленькой хатке, которая по размеру была примерно в два раза меньше нашей. Бабушка у Коли была очень доброй, только она его и жалела. Михаил, отец Коли, был горьким пьяницей, который с бутылкой почти никогда не расставался, поэтому, семья жила очень бедно. Коровы у них никогда не было, была коза и куры, да еще, кажется, был поросенок. Если у других ребят в жизни были какие-то светлые и темные полосы, то у Коли даже этого не было. Более-менее светлая полоса у Коли была, пока была жива бабушка, а потом наступила сплошная черная полоса. Возможно я не прав, и это мне только так кажется, может и у него в жизни были какие-то маленькие радости, но если они и были, то настолько маленькие, что я их не заметил.

Возле их хаты росли две высокие и толстые груши, плодами которых были очень маленькие круглые грушки, по размеру как райские яблочки, так называемые «гнылычки». При созревании, мякоть в этих грушах делалась коричневой и очень вкусной, но они долго не лежали, через два-три дня они сгнивали. А в конце их огорода росла огромная береза. Весной Колин отец просверливал маленьким буравчиком

дырочку в стволе этой березы, и собирал в трех литровую банку березовый сок. Чаще всего, эта банка стояла переполненной и сок вытекал из нее на землю, поэтому, никто не запрещал нам попить вкусного сока из этой банки. А еще, как-то весной, у Коли я впервые попробовал топинамбур, земляную грушу, как его здесь называли. Как я понял, это было самое вкусное лакомство, из тех, которые кушал Коля.

Нельзя сказать, что Коля был хилым ребенком, болел он не чаще других ребят, и только простудными заболеваниями. А вот с нервами у него явно были проблемы, да и с умом было не лучше. В первом классе он учился два года, никак не мог научиться читать. Силенок у него тоже было маловато, да и откуда им было взяться при таком питании. Но Коля был добрым мальчиком, добродушным и открытым, никому никаких пакостей не делал, хотя над ним нередко потешались, пользуясь его слабой сообразительностью. Курить он начал вместе со мной, еще с первого класса, а так, по поведению к нему особых претензий не было. Бабушка Коли умерла, когда он был в четвертом классе. Его отцу одному было не прожить, и он женился второй раз. У Коли появилась мачеха Ольга и сводный брат Иван, а через некоторое время, родилась и сестра Валя. Мачеха к Коле относилась вполне нормально, по крайней мере, она его никогда не наказывала. Отца его она также немного удерживала от чрезмерного употребления алкоголя. Поскольку семья увеличилась, и в маленькой хате всем было тесновато, ей удалось за-

ставить мужа начать постройку нового дома. В постройке дома принимала участие вся улица, всем нашлось дело, кроме хозяина, который слонялся без дела с бутылкой самогона в руках и всем предлагал выпить. Тем не менее, дом построили. Домом построенное сооружение, конечно, сложновато было назвать, поскольку оно было построено из тонких кривых бревнышек, толщиной не более 10 см в диаметре, без всякой подгонки, с большими щелями между ними. Но когда стены заштукатурили, и всего этого безобразия уже не было видно, то вроде бы, домик и ничего получился.

До пятого класса Коля в школе не хулиганил, а вот в пятом классе начал, как он говорил, «чудить», то есть на уроках, особенно у молодой учительницы по пению, смешил весь класс, срывая уроки. В итоге Коля получил массу двоек по предметам и четверку по поведению, в результате чего остался на второй год еще и в пятом классе. За проступки, отец Колю ремнем редко наказывал, в основном, его ставили в угол, голыми коленками на гречку. Наказание не из легких, возможно для него было бы лучше, если бы пару раз ремнем по жопе шлепнули. У зёрен гречихи (настоящих, а не покупной гречневой крупы) очень острые края, и они прокалывают коленки до крови, это я по себе знаю. Слезы текли ручьем, но Коля терпел сколько мог, потом сдавался и обещал отцу больше так не делать. Но наступал новый день, и Коля о своем обещании забывал, поэтому гречку из Колиного угла перестали убирать, чтобы не тратить каждый раз

новую. В этом Коля и нашел свое спасение. Поскольку пол в Колином доме был земляной, а не деревянный, гречка постепенно погрузилась в глиняный верхний слой пола и уже не так резала коленки. Для Коли это уже было счастьем. Были у него и другие маленькие радости. Как ребенку из неблагополучной семьи, к каждому новому учебному году школа покупала ему новые ботинки. А еще его дважды отправляли в местный пионерлагерь, который летом организовывали в четвертой школе. Там Коле нравилось, прежде всего потому, что там хорошо кормили, таких деликатесов, как макароны по-флотски, дома он никогда не кушал, да и сладкий компот здесь каждый день давали.

В отличие от других детей, денег на школьные завтраки, кино и другие карманные расходы, Коле никто и никогда не давал, ему нужно было эти деньги заработать. Пустые бутылки тогда редко кто выбрасывал, но иногда ему улыбалась удача и он находил пустую бутылку, которую можно было сдать в магазин и получить за нее деньги. Очень хорошо было на Старый Новый год. С утра пораньше он оббегал всех соседей, заседал и поздравлял их с Новым годом, а они ему за это давали разные вкусности, а иногда даже деньги. Вот, пожалуй, и все возможные источники дохода, больше заработать деньги было негде. Когда после шестого класса мы с Колей Потапенко пошли работать в нежинский плодосовхоз, Коля с удовольствием к нам присоединился, и три месяца мы там проработали. Заработки конечно были не бог весть какие,

но на школьные завтраки этих денег могло хватить на весь год. Как-то раз, мы, вместе с мужиками, переносили зерно из одного помещения в соседнее, как я понял, его по ошибке не туда выгрузили, и это помещение нужно было срочно освободить. Набирали в мешки немного зерна и переносили в соседнее помещение. Был какой-то праздник, и мужики взяли себе в местном буфете к обеду бутылку водки. Глядя на них, мы взяли себе на троих бутылку вина. Пообедав и выпив это вино, ми лежали на мешках и отдыхали. После выпитого языки развязались, и мы говорили о наших мечтах. Коля Потапенко хотел стать трактористом, как и его отец. Я хотел стать летчиком. А Коля сказал, что хочет жениться на Соне, девушке из нашего класса. В младших классах он часто об этом говорил, но последнее время на эту тему он не высказывался, я думал, что он уже поумнел. Где он, а где отличница Соня? Соня мне тоже нравилась, но кроме меня об этом никто не знал. Под воздействием алкоголя я Коле и выдал: «Так она за тебя и выйдет. Дай бог, чтобы за тебя вообще кто ни будь замуж вышел». Сказал, и сразу понял, что не нужно было ему это говорить, но было поздно. Коля был оскорблен в своих лучших чувствах, губы у него задрожали, затряслись руки, и он набросился на меня с кулаками, стараясь дотянуться до моего лица. Я был посильнее Коли, да и руки у меня оказались немного длиннее, поэтому я удерживал его на расстоянии, пытаюсь успокоить, говорил, что я просто неудачно пошутил. Зря конечно я его так обидел,

таким я его еще никогда не видел, да и вообще никогда не видел, чтобы Коля первым полез в драку. Увидев нашу возню, мужики нас быстренько растащили, дав обоим по подзатыльнику, а буфетчице сказали, чтобы вино нам больше не продавала.

На следующий год мы снова работали втроем в плодосовхозе. Я, в основном, работал прицепщиком, поэтому вместе мы собрались только на уборке сена, куда собрали как можно больше людей, чтобы успеть его собрать, пока стоит хорошая погода. Когда сено уже грузили на тракторный прицеп, тракторист разрешил нам троим по очереди сесть за руль трактора и переехать от одной копны к следующей. Особенностью этого маленького трактора было то, что сцепление в нем включалось и выключалось не педалью, как обычно, а расположенным справа от тракториста ручным рычагом. Коля Потапенко без проблем переехал к следующей копне. Следующим за руль сел я. Поскольку я уже два месяца ездил здесь на гусеничном тракторе, я чувствовал себя вполне уверенно, но, когда я ногой не нашел педаль сцепления, я жутко растерялся, не зная, как остановить трактор. Про ручной рычаг сцепления я совсем забыл, и вспомнил о нем в самый последний момент. Если бы это случилось на пару секунд позже, я бы остановил трактор уже за копной, а так моей растерянности никто даже не заметил. Следующим за руль сел Коля Грек. Он был рад оказанному ему доверию и улыбался до ушей, но когда он подъехал к следующей копне, его лицо

побледнело и вытянулось, в глазах застыл ужас. Я понял, что у Коли такой же шок, какой был у меня, он не знает, как остановить трактор. Я подбежал к трактору и поднял вверх этот злосчастный рычаг сцепления, трактор остановился, но уже за копной. Трактористу пришлось садиться за руль и сдавать прицеп назад. На этом наши эксперименты с ездой на этом тракторе и закончились.

После окончания восьмилетней школы я подал заявление в девятый класс, а летом работал в сельхозтехнике в столярной мастерской. Коля Грек закончил семь классов и летом трудился здесь же в торф-отряде, как называлась команда грузчиков, которые лопатами грузили различные сыпучие материалы, в том числе и торф. С Колей мы практически не виделись, но один раз вместе ездили на экскурсию в Тростянецкий дендропарк, организованную предприятием. Экскурсия была очень интересной. Дендропарк занимал площадь более двухсот гектаров, и посмотреть там все было просто нереально. Это живой музей паркового искусства. По преданию, потомок гетмана Скоропадского, Иван, решил жениться на очень красивой женщине из Швейцарии, но та сказала, что выйдет за него только в том случае, если у него в поместье будет природа, напоминающая ей Швейцарию. Иван Скоропадский купил в чистом поле, возле села Тростянец, большой участок земли, вместе с находящимся там болотом, выписал из-за границы садовников, и стал превращать это поле в Швейцарию. Сажены для посадки леса вез-

ли со всего света, поэтому здесь растет тысяч двадцать различных экзотических пород деревьев. Лес сажали так, чтобы свободными оставались большие красивые лужайки. Болото превратили в несколько прекрасных озер. А посередине участка вручную насыпали горы, до тридцати метров в высоту, чтобы все было как в Швейцарии. Мы в основном ходили по горам и возле прудов. До обеда так находились, что ноги отказывались нас носить. Когда сели обедать, то оказалось, что никакой столовой и магазинов на территории парка нет, все еду взяли с собой. Вернее, почти все. Говорили, что перед поездкой, предупреждали, чтобы еду с собой брали, но мы с Колей, и еще один парень нашего возраста об этом не слышали. Магазины были только в деревне, до которой было километра три, и идти нужно было пешком. Деваться было некуда, пришлось идти. Деревенский магазин изобилием продуктов не отличался, вино и водка, булка и хлеб, консервы и плавленый сырок, конфеты и печенье. Логично было бы взять хлеб и консервы, но у нас не было ножа, чтобы их открыть, не было его и у продавщицы. Брать плавленые сырки, как-то несерьезно, ими не наешься. И тут я заметил на полке какой-то салат в пол-литровых стеклянных банках. Решили взять бутылку вина, булку и салат. Вернулись обратно в дендропарк и расположились на траве живописной поляны. Кое как, с помощью найденного в траве камня, открыли банку с салатом. Содержимое банки оказалось не салатом, а сырой заправкой для борща, о чем и сообщалось мелким

шрифтом на этикетке. Кушать это было невозможно, поэтому выпили бутылку вина и заели булкой, вот и весь наш обед получился.

После окончания восьмого класса Коля, с грехом пополам, выучился на тракториста и пришел работать в колхоз. Ему дали небольшой колесный трактор, типа того, на котором мы когда-то тренировались ездить в плодосовхозе. Все складывалось как нельзя лучше. Поскольку Коля уже был явно лишним в маленьком доме отца, он поселился в старенькой хате, стоявшей недалеко от окраины села. Как он там оказался, я точно не знаю, скорее всего, эту ничейную хату ему колхоз выделил, поскольку денег на ее покупку у него не было, и отец в этом вопросе ему тоже помочь не мог, у того тоже никогда денег не было. Жить в хате одному, это конечно не лучший вариант, поэтому Коля женился. Через некоторое время и дочь родилась, но прожили они вместе с женой недолго, когда девочке было полгода, жена собрала свои вещи, забрала дочь, и навсегда оставила Колю. В армию Колю не взяли, медкомиссию он не прошел и ему выдали «белый билет». А на работе Коля довел свой трактор до такого состояния, что на него без слез невозможно было смотреть, и Коле настоятельно порекомендовали его помыть. Чтобы не таскать для этого воду ведром, Коля решил загнать трактор в пруд, и там его помыть. Но поскольку он в тот день, а, впрочем, как и в любой другой, был не совсем трезвым, остановить трактор вовремя у него не получилось. Коля из кабины

выпрыгнул, а трактор уехал на середину пруда, где и заглох. Трактор вытащили, но, поскольку он весь побывал в воде, его нужно было перебрать и везде заменить смазку, то есть, выполнить ту же работу, которую в свое время проделал Миша Костенецкий. Но Коле такое было не под силу, он свой трактор даже разобрать не смог. Коля ходил к председателю и попросил для себя новый трактор, но ему показали кукиш с маслом. Или этот восстанавливай, или иди разнорабочим, сказали ему. Так Коля и стал разнорабочим. Мы с ним теперь встречались очень редко. Как-то встретились на том же пруду, где он утопил свой трактор. Я приехал туда половить карасиков, а Коля их там уже ловил, с десятков карасиков у него в пакете уже были. Я наверно приехал на рыбалку поздно, так как поклевок больше ни у Коли, ни у меня не было. Когда собрались уходить домой, Коля предложил мне забрать его карасиков. Я его поблагодарил, но отказался, так как слышал, что он живет очень бедно, только этими карасиками он и питается. С его стороны это конечно же был поступок достойный уважения, он готов был отдать товарищу последнее, что у него было.

После этого мы с Колей долгое время не виделись. В один из моих приездов домой, уже после смерти моей матери, отец рассказал мне свой сон, который ему недавно приснился. А приснилось ему, что он едет в поезде, один во всем вагоне, и не понимает, куда он едет, и где ему выходить. Вышел на какой-то станции в чистом поле, а вокруг ни души, и куда

идти не знает. И вдруг знакомый голос сзади, поворачивается, а там стоит Коля Грек.

– Дядьку Иван, и Вы здесь? – спросил он отца.

– Да вот только приехал, – ответил отец, – не знаю, куда дальше идти.

– Пойдемте со мной, я знаю. Я уже два дня здесь, – сообщил Коля.

Через несколько дней после этого отец сказал мне, что видел Колю, и тот его спрашивал, не собирается ли отец помирать, на что отец и сказал ему, что еще не собирается так как Коля должен раньше умереть, он такой сон видел.

– Я помру после тебя, – сказал он ему. – То ли через два года, то ли через два месяца, а может и через два дня, но обязательно позже. Я так видел во сне.

Коля действительно умер раньше отца. Вечером, после работы, он пошел к себе на огород за табаком, который он сам для себя выращивал, там ему стало плохо, и он упал на тропинке между картошкой. Соседи нашли его там только через два дня. Вот такая незавидная судьба у этого моего школьного товарища.

Володя и Саша Ювко

Володя и Саша, это троюродные братья Коли Грека, оба крепкие ребята. Володя наш с Колей одноклассники, а Саша года на три или четыре моложе. Жили они на соседней улице, метрах в трехстах от хаты Коли Грека, в крепкой обеспеченной семье. Их мать работала в колхозе, а отец где-то на железной дороге. Даже дед с бабкой у них еще были живы, дед даже работал сторожем в тракторной бригаде. В доме все вопросы решала мать, женщина с волевым и твердым характером, хотя она это особенно и не афишировала, со стороны могло показаться, что главным там отец. Но после того, как мать говорила «нет», с ней уже больше никто не спорил.

Ребята были вполне самостоятельными, гуляли там, где хотели, особого контроля за ними не было. Володя очень гордился тем, что первый раз в первый класс он пришел один, самостоятельно, в то время как других детей привел в школу кто-то из родителей. Учились они на твердые четверки, вполне сознательно, какого-либо контроля за их учебной работой со стороны родителей я тоже не замечал. Володя был повыше и сильнее меня, каждое утро делал физзарядку, глядя на него, физзарядку начал делать и я. Именно он научил меня при наклонах вперед доставать до пола не кончиками пальцев, а ладошками, этот элемент физзарядки я делаю до сих пор. Он же научил меня делать стойку на стуле. Как-то он

зашел за мной, чтобы вместе идти в кино. Правая рука у него была перебинтована и подвешена в петле из бинта.

– Что это с тобой? – удивился я. – Ты что, за два часа умудрился руку сломать?

– Это я для маскировки, – ответил он. – Если вдруг будет драка, то ведь никто не будет ожидать от меня удара правой рукой, а я неожиданно как врежу.

В тот день никаких драк не было, но Володя всем товарищам демонстрировал возможности своей правой забинтованной руки, нанося им шуточные удары «больной» рукой.

Саша ни спортом, ни физзарядкой не интересовался и рос более непослушным, чем Володя. Вопреки запретам матери, он бегал на колхозный пруд ловить карпов. Прудик был маленький, примерно 50×50 метров, охранялся сторожем и весь просматривался с любой точки, но Саша ухитрялся на нем ловить рыбу. С наступлением сумерек он пробирался в камыши прилегающего к пруду болотца, и оттуда забрасывал в пруд закидушку. Лежал в этих камышах и упорно ждал поклевку. Поклевки случались далеко не каждый день, но иногда ему везло, и он вытаскивал приличного карпа, до килограмма весом. Прятал пойманную рыбу в майку и убегал домой. Дома мать на него конечно же ругалась, но рыбу жарила, и вся семья ее с удовольствием съедала. И это стоило того, чтобы, вопреки запрету, в следующий раз опять пойти на рыбалку.

После окончания школы Володя никуда не поступил и его

забрали в армию. Родители устроили ему шикарные проводы в армию, на которых гуляли все его товарищи и все родственники, в том числе и Коля Грек со своим отцом. Здесь я впервые и узнал, что отцы Володи и Коли – двоюродные братья. До этого они практически не общались, и об их родственной связи я даже не догадывался. После армии Володя закончил техникум и работал на каком-то заводе в Киеве. Володя женился на своей однокласснице, но случилось это вопреки воле его матери, и не сразу. Поскольку мать была категорически против этой свадьбы, а Володя не решался ей перечить, девушке пришлось сделать аборт, и она сказала Володе, чтобы к ней он больше не приходил. Только после этого Володя послушался матери и женился на этой девушке. Но детей у них больше не было, что Володю очень расстраивало. После проводов в армию, я встречался с ним только один раз, случайно встретились на Роките возле пруда, куда оба пришли купаться. Володя рассказал о себе, что он работает мастером и неплохо зарабатывает, в Вертиевку приезжает редко и один, так как мать до сих пор не хочет встречаться с его женой. Володя отправил в магазин за бутылкой вина местного дурачка, который купался неподалеку от нас.

– А ты уверен, что он принесет? – засомневался я в правильности его поступка.

– Принесет, – ответил Володя, – это уже проверено. Я оставляю ему немного вина допить, и он всегда счастлив.

Володины слова меня насторожили, значит он здесь ча-

стенка выпивает, а это не есть хорошо, почему бы не выпить дома, если так уж хочется. Этот парень действительно пронес бутылку вина, которую мы и выпили почти всю. Еще одной странностью мне показалось то, что в визитке у Володи оказался небольшой пластмассовый раскладной стаканчик. После этого мы с Володей больше не виделись.

Саша, после окончания школы, отслужил в армии и остался работать в колхозе. Женился, и, вместе с женой и дочерью, жил в доме родителей. Дочь он выдал замуж, но с зятем они почему-то не ладили, люди говорили, что у них иногда и до драк доходило. После школы я с ним ни разу не встречался, но, по словам моего отца, он стал много пить. Это именно он, с таким же пьяницей, выкосили у нашей соседки Люды, без согласования с ней, еще зеленым ячмень, который она выращивала на зерно, а за это еще и плату потребовали. В другой раз, когда отцу какой-то тракторист вспахал огород, отец пригласил его на ужин, но предупредил, чтобы он приходил без трактора, иначе выпивку наливать не будет. Вечером этот тракторист приехал к отцу на телеге, вместе с Сашей Ювко, который видимо рассчитывал, что на ужин пригласят и его. Но отец пригласил только тракториста, а Саша пару часов проспал на телеге, пока тракторист ужинал.

Лет в пятьдесят Володя умер от цирроза печени, его сосед мне рассказывал, что он не хотел умирать, плакал горькими слезами и просил врачей его спасти, но ему уже ничем помочь не могли. А через несколько лет погиб и Саша. Он

разбился, выпав из окна того подъезда, в котором жили его дочь с затем. Сам он выпал, или ему в этом кто-то помог, это милиции выяснить не удалось. Тоже две трагические судьбы.

Вася Ласый

Вася был признанным лидером нашего класса, и мечтал стать моряком. Но его мечтам не суждено было осуществиться. Когда мы учились в четвертом классе, дети на перемене играли в «индейцев», бросали друг в друга длинные и прямые ветки тополя, которые у них считались стрелами. Вот такая «стрела», брошенная нашим одноклассником Володей Шарым, и попала Васе в глаз. Володю ученики приволокли к учительнице и предлагали сдать его в милицию, но Вася проявил невиданное благородство, заявив, что Володя ни в чем не виноват, это была случайность. Сам я этого происшествия не видел, не знаю, как там было на самом деле, но Васи́н поступок вызвал у меня огромное к нему уважение. Васю увезли в больницу, где он пролежал около месяца, глаз удалось сохранить, но семьдесят процентов зрения этим глазом он потерял. Но Вася никогда не унывал. Он неплохо пел и прекрасно играл на баяне, выступал в школьной самодеятельности. Любил играть в футбол, для чего купил себе футбольный мяч, бутсы и гетры, чтобы выглядеть как настоящий футболист. Все остальные играли в футбол в том же, в чем и в школу ходили, то есть в х/б костюме и в сапогах или ботинках. В школе у нас тогда были только волейбольный и баскетбольный мячи, поэтому в футбол мы всегда играли Васиным мячом. Иногда, после уроков, мы выходили играть

в футбол на стадион. Вася пару раз даже организовывал игры с ребятами из соседней средней школы. Он с восторгом рассказывал про известных ему мастеров «кожаного мяча», но у меня они особого восторга не вызывали. На мой взгляд, не нужно особого ума, чтобы гонять по полю кожаный мяч, гораздо сложнее этот мяч сшить. Гораздо больше я уважал труд именно того мастера, который этот мяч сшил. У Васи были несколько другие представления. Его удивляло, зачем я хожу в математический кружок и езжу на математические олимпиады. Когда я ему сказал, что мне это нравится, он не мог понять, как мне может нравиться математика, ничего интересного он в ней не находил.

В морское училище Вася поступить не смог, не прошел комиссию по зрению, в армию его не взяли по этой же причине. Вася закончил институт и работал в Киеве на заводе инженером. После окончания школы мы виделись с ним только один раз. Случайно встретились в центре села возле магазина. Поговорили минут десять, и Вася сказал, что ему нужно что-то купить в магазине и срочно отвезти домой. Я подумал, что он больше не хочет со мной разговаривать, сказал, что мне тоже нужно срочно домой ехать, хотя никаких срочных дел у меня не было. Когда я уже отъезжал, Вася сказал мне: «Жаль, что у тебя нет времени, так толком и не поговорили». Мне тоже было очень жаль, что я его неправильно понял, но что-то изменить уже было поздно, не хотелось выглядеть перед Васей полным идиотом. Мы расстались, и

больше не встречались.

В 2000-м году наш класс собирался на вечер встречи, говорят, что собирался приехать и Вася, который к тому времени уже работал заместителем директора завода. Но на встречу Вася не приехал, позже стало известно, что накануне встречи его тяжело ранили ножом, и он умер. Что там случилось, никому из наших одноклассников неизвестно. Вася умер в пятьдесят лет, в самом расцвете сил. О смерти Васи, как и о том, что состоялся вечер встречи выпускников, я узнал только через пару лет. Одноклассники говорили, что они не виноваты в том, что меня об этом не оповестили, они предупредили об этом моих родственников, а родственники посчитали, что одноклассники меня сами оповестят. Да и не думали они, что я смогу опять приехать, так как в этом году я уже дважды приезжал в Вертиевку в связи с похоронами моей матери. Как бы там ни было, но на первую встречу одноклассников я не попал. А Васю мне очень жаль, кто бы мог подумать, что у него будет такая судьба.

Другие школьные товарищи

О судьбе других школьных товарищей, с которыми я учился в восьмилетней школе, я знаю очень мало. Вкратце попробую рассказать то, что мне известно. На момент написания этого рассказа, в живых, кроме меня, их оставалось только пять человек, остальные умерли, не дожив до пенсии. С некоторыми из них я ни разу не виделся после окончания восьмилетней школы. Ни разу не виделся я и с Володией Доценко, самым сильным мальчиком в нашем классе. От одноклассниц слышал, что он умер очень рано из-за проблем с сердцем. С Колей Вороченко я тоже ни разу не виделся. В школе это был наш лучший вратарь, он брал практически все мячи. Обладая очень гибкой и пластичной фигурой, он бесстрашно бросался на летящий мяч, напоминая в этом броске кошку. В восьмом классе мы впервые встречали Новый год всем классом, естественно, для этого купили и вина. Оказалось, что до этого, вино Коля никогда не пил, и на встрече немного не рассчитал свои силы. На следующий день ему было очень плохо, он даже смотреть не мог ни на еду, ни на выпивку, с трудом спасли его, традиционным в таких случаях, лекарством – рассолом. Больше тридцати лет о Коле я ничего не слышал, до того времени, когда мои одноклассники не собрались на первый вечер встречи. Судя по фотографии с этой встречи, там собралось всего человек восемь, из

них двое ребят, Коля Вороченко, и Алексей Олексиенко. Вот после этого мне и сказали, что Коле на вечере опять было плохо, и, что он алкоголик. Для меня такое сообщение было полной неожиданностью. Потом дела у Коли пошли еще хуже, ему отняли ногу, вроде бы из-за сахарного диабета. Говорили, что после этого Коля сидел на скамейке возле своего дома и уже никуда далеко не ходил. Лет через пять после этого, он умер.

С тремя одноклассниками я встретился в первый свой приезд на зимние каникулы, после моего поступления в военное училище. Я шел в центр села, когда возле магазина, расположенного возле церкви, увидел Володю Шкурко, Колю Колесника и Толю Зоценко, по кличке Мега, которые о чем-то беседовали. Чтобы не торчать на морозе, я предложил сходить в центр села, в закусочную, и там, за кружкой пива, спокойно побеседовать. Но оказалось, что у Володи и Коли совсем нет денег. Никаких проблем я в этом не видел.

– Толя, – предложил я, – а давай мы с тобой угостим ребят пивом.

– Это в честь чего я должен их пивом угощать? – возмутился Толя, который как был в школе кулаком, так, видимо, им и остался.

– Ладно, тогда я сам их угощу, – попытался я сгладить возникшую неловкость.

И мы пошли в закусочную. Жадность Толи меня поразила. В отличие от меня, получающего денежное довольствие

в размере шести рублей и восьмидесяти копеек в месяц, он уже работал, и получал приличные деньги, несравнимые с моими деньгами. Но он принадлежал к тем людям, которые за копейку готовы удавиться.

В закускойной я взял для троих по две кружки пива, а Толя оплачивал свой заказ сам. Володя с Колей работали в колхозе и жаловались, что денег там не платят, только заработанные трудодни записывают, рассчитались в конце года в основном зерном, денег было совсем мало, и они очень быстро кончились. Жаль конечно было ребят, но помочь им деньгами я точно не мог. Колю и Толю после этого я больше не видел, а с Володей мы встретились случайно еще один раз, в автобусе на Нежин. Володя похвастался своими успехами, он теперь работал в колхозе доярком, и очень удивился, что я про это не слышал. Оказывается, он участвовал в соревновании дояров и занял первое место по району, об этом все газеты писали, теперь он уважаемый человек и очень хорошо зарабатывает. Это меня удивило, в школе Володя был самым слабым учеником в классе, да и руки у него, на мой взгляд, немножко не оттуда росли, поскольку даже в волейбол не мог играть, мяч у него всегда летел совершенно не в ту сторону, в которую он должен был лететь. Сейчас у него плохо было только то, что умерла жена, и вот теперь он ехал в соседнее село, чтобы посвататься к такой же одинокой, как и он женщине. Я пожелал ему успехов в женитьбе. О дальнейшей судьбе Володи и Толи я больше ничего не знаю, а вот

Коля, оказывается, умер, но причины его смерти я тоже не знаю. Колю мне тоже жаль, он был хорошим парнем. Это к его отцу я несколько раз приходил в школьные годы, чтобы посмотреть, как тот рисует, а посмотреть там было на что. Лучше его отца в Вертиевке никто не рисовал.

Еще с одним Толей Зоценко, который жил возле Миши Костенецкого, я встретился после его возвращения из армии. Толю забрали в армию, почему-то не дав ему закончить техникум, и вот теперь Толя заехал посоветоваться, как ему лучше поступить, заканчивать техникум, или подавать документы в институт, поскольку после армии он будет поступать без конкурса. На мой взгляд, ему лучше было бы закончить техникум, где ему нужно было всего год доучиться, чтобы получить специальность, а потом уже и в институт поступать, пусть даже на общих основаниях. Не знаю, какое решение принял Толя, после этого мы с ним очень долго не виделись. Встретились мы с ним, когда я уже уволился из армии, в Нежине на рынке, куда мы с братом заехали, чтобы купить для меня новое, недавно появившееся у них приспособление для прополки грядок, такой плоскорез на колесиках. Брат сказал мне, что к нам идет мой одноклассник, но я никого из одноклассников не видел. Даже когда Толя к нам подошел и поздоровался, одноклассника я в нем не признал, более того, даже когда он назвал себя, я ничего общего с тем Толиком, которого я знал, не обнаружил. Это был совершенно незнакомый мне человек, если бы я через день опять встретил его

где ни будь в толпе, я бы его опять не узнал. Причину такого его изменения раскрыл брат, оказывается – Толя алкоголик. Ну это уже он сам для себя такую судьбу выбрал, в этом кроме него никто не виноват.

И только к двум моим одноклассникам судьба, на мой взгляд, отнеслась благосклонно, это Миша Зоц и Коля Потапенко. С Мишей мы дважды виделись на встречах десятиклассников. Он закончил институт, жил и работал в Киеве. Имел дачу под Киевом, были у него дети и внуки, и сам после школы практически не изменился, все такой же худенький и шустрый, как будто и не было этих сорока лет после школы. У Коли тоже все сложилось прекрасно, сначала работал трактористом, потом лесником, имеет детей и внуков. Вот только жена у него недавно умерла, но он женился еще раз. Я приглашал Мишу и Колю на встречу восьмиклассников, которую я последний раз организовывал, но они отказались. У Миши были какие-то срочные дела на даче, а Коля просто соврал, сказав, что он находится в Чернигове и приехать не сможет, хотя на самом деле был дома, наверно новая жена не пустила.

С Алексеем Олексиенко мы так ни разу и не встретились. Насколько я знаю, он закончил техникум, жил и работал в Чернигове. Была возможность встретиться с ним на крайней встрече, на которую он собирался приехать, но девушки, которые помогали мне организовывать эту встречу, сообщая ему дату встречи, дополнительно еще сказали, что встреча

будет на большой церковный праздник. Лучше бы они про праздник не упоминали, поскольку с праздником они напутали, он был на следующий день после нашей встречи. А Алексей решил, что они напутали с датой, ведь не могли же они с праздником напутать. В итоге, на встречу Алексей не приехал, и увидеться с ним мне не удалось.

Московские соседи

В Москву мы прилетели рано утром. С собой у нас только два чемодана с самыми необходимыми вещами, все остальное отправили контейнером. Теперь я два года буду учиться в военной академии, и мы будем жить в Москве. Квартирами нас обещали обеспечить в течение двух-трех дней после приезда, но эти дни нужно где-то прожить. О гостинице и думать нечего, в конце августа свободных номеров нет ни в одной гостинице. Но у меня есть договоренность с двоюродным братом жены, Витей, сыном ее крестного, Николая Ивановича, что эти пару дней мы проживем у них на квартире. Поэтому, сразу из аэропорта звоню к ним на квартиру. Трубку берет жена Николая Ивановича, Тамара Васильевна. Моему звонку она очень удивилась, о нашем переезде в Москву она ничего не знала, тем более не знала о нашем намерении пожить у них пару дней до получения квартиры. Витя уже неделю лежит в больнице и о нашей договоренности ей ничего не говорил. Вот это поворот! Такого я никак не ожидал. Мне нужно ехать в академию, а куда девать жену с дочерью, я совершенно не представляю. Не на улице же им сидеть весь день с чемоданами? Нужно проситься к Тамаре Васильевне, чтобы они хотя бы днем у них посидели, но она меня опережает встречным предложением: «Если за два дня ничего не найдете, тогда уж приезжайте к нам». Вариант с родственни-

ками жены отпал окончательно.

Поехали в гостиницу академии, в которой я жил во время сдачи вступительных экзаменов. Там, таких как мы, уже был полный холл, но с семьями в гостиницу никого не селили. Одного меня они могли поселить, но селить с семьей им запрещено, вот такая странность. Но, по крайней мере, для жены и дочери нашлись места на диване в холле, уже не на улице. Здесь я их и оставил, а сам поехал в академию. Представился начальнику факультета, сдал документы в финансовую службу и службу тыла, представился начальнику курса. В службе тыла меня обрадовали, сказали, что уже завтра утром я могу приходить за ордером и ключами от квартиры. Под вечер я вернулся в гостиницу, где жена с дочерью до сих пор сидели голодные, так как жена не рискнула оставить чемоданы под присмотром незнакомых людей, чтобы сходить в столовую или кафе. Теперь уже ходили все вместе, пообедали, и стали думать, где же переночевать. Вариантов было всего два: или ночевать сидя на этом же диване в холле гостиницы, или у случайных моих знакомых, которых даже знакомыми сложно было назвать. Это были знакомые моей тети из Чернигова, через них моя сестра передавала мне дипломат, и виделся я с ними всего минут пять, когда забирал этот дипломат. Обращаться к ним по поводу ночевки было крайне неудобно, но и оставлять жену с дочерью ночевать, сидя на диване в гостинице, тоже было недостойным мужчины. Шансов конечно практически никаких не было, если уж

родственники жены переночевать не пригласили, то зачем это практически незнакомым людям. Но, к нашему удивлению, эти люди вошли в наше положение и пригласили переночевать. Ночь мы провели в тепле и уюте, а на следующий день я получил ключи от квартиры.

Точнее, это была большая комната в двухкомнатной квартире, маленькую комнату занимал капитан с семьей, который уже учился в академии. Было видно, что в нашей комнате недавно сделали ремонт, окно и дверь все были в побелке, пол похоже пытались мыть, но это у них плохо получилось, только меловые разводы оставили. Нужно было срочно наводить порядок. Поскольку наших соседей дома не было, обратились за помощью в соседнюю квартиру, где нам дали ведро и половую тряпку. Общими усилиями к вечеру мы отмыли свою комнату, теперь у нас было где жить, половина проблемы была решена, оставалось решить, на чем и как спать. Возвращая соседям ведро и тряпку, я поинтересовался, нет ли у них какого ни будь старенького матраса или шинелей. Тут нам опять повезло, нам дали две шинели и раскладушку. А вечером пришли наши соседи, Саша Петровичус и его жена Людмила, и дали нам еще одну шинель и подушку. Теперь можно было ночевать с полным комфортом, так как постельное белье у нас с собой было. Я лег спать на шинели на полу, а жена с дочерью вдвоем поместились на раскладушке.

Утром к нам в комнату кто-то постучал.

– Войдите, – сказал я, ожидая увидеть наших соседей.

Но на пороге стоял улыбающийся молодой человек, в очках с позолоченной тонкой оправой, немного выше меня ростом, но более щупленький.

– Ну как устроились? – спросило улыбающееся лицо.

– Прекрасно, – ответил я. – А Вы кто?

– Я Витя Лысов, жил перед вами в этой комнате. Это я здесь ремонт делал.

– Ремонт первый раз делал? – поинтересовался я.

– Что-то не так? – удивился улыбающийся человек.

– Да вот, только вчера вечером пол вымыли, а сейчас он опять весь в побелке, мел всю ночь с потолка сыпался, – пояснил я причину своего недовольства. – Ты что, клей в побелку не добавлял?

– Это не мел, – успокоил меня Витя, – это зубной порошок. Я не нашел, где продается мел, поэтому купил в аптеке зубной порошок и им побелил. А про клей я ничего не знал. Да ничего страшного, немножко посыплется и перестанет. А ты на полу спишь? Пойдем, я тебе еще одну раскладушку дам.

Вот так мы и познакомились с капитаном Лысовым, адъюнктом четвертого факультета. Ему теперь выделили отдельную квартиру на втором этаже в нашем же подъезде. Витя оказался веселым и жизнерадостным человеком, с чувством юмора, к тому же, как и я, радиолюбителем, было с кем меняться радиодеталями. Познакомились мы и с его женой Валентиной, и с дочерью Леной, которая была на два го-

да младше нашей дочери Лили. У наших соседей также был ребенок, сын Денис, но год младше Лены.

Две недели, пока не пришел контейнер, мы спали на раскладушках, а потом очень даже замечательно устроились, отгородив в комнате шкафами угол для Лили, где поставили ее кровать. Холодильник в комнате не поместился, поэтому поставили его в коридоре, рядом с холодильником соседей. Проход мы конечно очень заузили и пройти мимо холодильников можно было только боком, но другого места для них не было. Мне наше жилище очень даже нравилось, это конечно не двухкомнатная квартира, которая была у нас Оренбурге, но для временного жилья в Москве – вполне прилично. Вот только мой одноклассник, Толя Жук, который позже приезжал к нам в гости из Забайкалья, где он тогда служил, моё жилище не оценил, и сказал, что в такой конуре он ни за что бы жить не согласился. Некоторые из наших слушателей снимали квартиры, но за это отдавали больше половины зарплаты, без денежной подпитки от родителей такое невозможно. Мы же могли рассчитывать только на свои силы. К тому же, в Москве деньги и так рекой текли, правда не к нам, а от нас. Здесь было очень много соблазнов, которые в Бершети и Оренбурге были нам недоступны, это и театры, и выставки, и разные вкусности типа тортов и колбас. Постояв в очереди, можно было даже «Птичье молоко» купить. И мы почти ни в чем себе не отказывали. После того, как Витя нас и Петронавичусов пригласил к себе в гости, мы все праздни-

ки отмечали вместе, собираясь в основном у Вити, и реже у нас. Витина жена Валя, несколько полноватая и добрая женщина, закончила кулинарный техникум и работала поваром в столовой, поэтому могла приготовить любые блюда. Она была очень простой женщиной, пожалуй, даже слишком. Витя рассказывал, как он за нее делал дипломный проект в техникуме, в котором нужно было спроектировать столовую на определенное количество посадочных мест. При этом нужно было также рассчитать требуемое количество кухонной посуды, количество обслуживающего персонала и составить графики дежурства этого персонала. Валентина в этот проект сильно не вникала, сказала, что перед защитой разберется, и Витя доделывал его ночью один. И он решил приколоться. Фамилии в графике дежурства, он подобрал таким образом, что по вертикали получилось «Каждая баба дура», да еще и первые буквы красным цветом выделил. Хотел написать «Все бабы дуры», но на букву «Ы» не существует фамилий. Простая Валя ничего этого не заметила. Первым вопросом, который ей задали по диплому, было: «Скажите пожалуйста, а Вы дипломный проект сами делали?»

– Конечно сама, – не задумываясь ответила Валя.

– Тогда прочитайте, пожалуйста, что у Вас по вертикали красными буквами написано.

Валя прочитала и чуть не упала в обморок.

– Это случайно получилось, – попыталась она заверить приемную комиссию.

Когда Витя рассказывал эту историю, Валя сидела спокойно и улыбалась, а я не мог понять, что у них за отношения, за такую подставу любая другая женщина мужу все волосы по-выдергала бы. Да и Витя. Как он мог так поступить с любимой женой? Ведь это была очень злая шутка. Я бы себе такое никогда в жизни не позволил. И еще одно было странным, Витя никогда не называл жену по имени, он обращался к ней «тетка». Сначала это резало слух, но потом к этому привыкли. Валя же старалась не показывать обиду, хотя тоже иногда называла в ответ Витю «дядькой». Она постоянно следила за Витиным питанием, предупреждая в гостях, чтобы ему не давали салат с майонезом, так как у него язва желудка.

В семье Петронавичусов отношения были проще. Саша, высокий и стройный молодой человек, до поступления в академию был вертолетчиком, но с этой профессией решил завязать, так как у него появились признаки виброболезни, которой страдают практически все вертолетчики. Учиться в академии ему нужно было четыре года, два из которых он уже отучился. То есть, выпускаться мы должны вместе. Людмила, его жена, казашка среднего роста и достаточно плотного телосложения, но не толстая, работала сначала на почте, а потом продавцом в промтоварном магазине. Как-то к ней на почте подошел актер Георгий Мартынюк, игравший в то время роль майора Знаменского в сериале «Следствие ведут знатоки», который видимо жил где-то рядом.

– Это Вы? – спросила обалдевшая Людмила.

– Да, это я, – спокойно ответил актер. – Мне бы посылку получить.

Петронавичусы жили сравнительно мирно, только иногда Саша останавливался на кухне возле окна и подолгу в него смотрел, не замечая никого вокруг, и видимо думая о чем-то своем. Скорее всего он и за окном ничего не видел. Из забвения его выводил голос жены: «Опять на баб смотришь? Есть жена, вот на нее и смотри». Витя Лысов говорил, что до нашего приезда у Саши был роман с какой-то соседкой, вот поэтому Людмила его ко всем женщинам и ревнует. А Людмила была очень энергичной женщиной, и ей явно не хватало места, где можно было применить всю свою энергию. Наверно поэтому она периодически переставляла мебель в своей комнате, в одиночку двигая с места на место тяжёлые, неподъемные даже для мужика шкафы. Комментируя свою бурную деятельность Людмила говорила, что после перестановки ей не так тошно живется, вроде бы как в новое место переехали. Их сыну Денису, который учился в первом классе, наверно тоже было грустно.

– Мама, а от доски можно умереть? – спросил он как-то Людмилу.

– От какой доски, сынок? – не поняла мать.

– В школе я по тебе так сильно доскую, – пояснил Денис.

– Сынок, не доскую, а тоскую, – поняла его мать. – Не волнуйся, тебе смерть не грозит, но больше не тоскуй, лучше с ребятами на переменах играй.

Как-то Денис пришел со школы весь в слезал.

– Сынок, кто тебя обидел? – разволновалась мать.

– Мама, а Жариков голубю хвост оторвал, – сквозь слезы сообщил Денис, делая ударение на букве «ю» в слове «голубю».

– Какому голубю? – не поняла мать, думая, что мальчик из класса отобрал у него какую-то игрушку и отломил или оторвал у нее хвост.

– Возле нашего дома сидели голуби и клевали зерно, – всхлипывая поведал Денис, – а Жариков подошел к ним и схватил одного за хвост, и голубь улетел без хвоста. Ему ведь теперь очень больно?

– Ты успокойся, у голубя новый хвост вырастет, еще лучше старого, – утешала его мать.

Потом Людмила заметила, что Денис опять ходит грустный.

– Что случилось, почему такой грустный? – спросила она сына.

– Мне очень нравится Лиля, – признался сын, – но я не смогу на ней жениться.

– Почему не сможешь? – не поняла причину грусти сына мать.

– Меня ее классники побьют, – пояснил Денис, имея в виду Лилиных одноклассников из четвертого класса.

Вот так мы и жили, при необходимости к соседям всегда можно было обратиться за помощью. Людмила всегда мог-

ла приглядеть за Лилей, когда мы с женой ходили на спектакль в театр, а в театры мы ходили часто, понимая, что после Москвы у нас такой возможности больше не будет. Гости к нам теперь тоже часто приезжали, причем даже те родственники, которых мы раньше никогда и в глаза не видели. В нашей комнате мы могли разместить на ночлег не более двух человек, поэтому иногда приходилось обращаться к Вите Лысову, с просьбой приютить на ночь наших гостей. И нам никогда не отказывали. На Новый год к нам приехала двоюродная сестра жены Галя, с мужем Женей. Они привезли с собой две трех литровые банки самогона и гуся, который был подарком от еще одной Галиной сестры Маши. На мой взгляд, две банки самогона было многовато, мы столько не выпьем, но Женя меня успокоил, сказав, что вторая банка для крестного моей жены, Николая Ивановича. Два дня, пока я был на занятиях в академии, жена показывала гостям праздничную Москву, и им все здесь нравилось. Накануне Нового года, гости начали уговаривать нас поехать встречать Новый год к Николаю Ивановичу. После столь радушного приема нас Тamarой Васильевной в день нашего прилета в Москву, ехать туда мне совершенно не хотелось, да и у жены особого желания не наблюдалось, но Галя от нас не отставала, утверждая, что мы ставим их с Женей в неудобное положение, поскольку дядя на них обидится, если они к нему на Новый год не приедут. В конце концов нас уговорили, и Новый год мы встречали у Николая Ивановича. Кроме нас и

наших гостей там были еще сын Николая Ивановича Витя, с девушкой, и его сослуживец с женой. Утром обнаружили, что опохмелиться нам нечем, все спиртное, в том числе и Женина трех литровая банка самогона, было выпито. К открытию магазина мы с Николаем Ивановичем пошли пополнять запасы.

– Ну вот видишь, как хорошо посидели. А ты не хотел к нам ехать, – сказал мне по пути в магазин Николай Иванович. И грустно добавил, – все выпили, и все съели.

Мне его даже как-то жаль стало. Я тоже не думал, что мы за вечер столько выпьем и съедим, один Машин гусь не менее семи килограммов весил. Нужно было как-то компенсировать убытки, в магазине купили пару бутылок водки, какой-то нарезки и колбас. Все-таки хорошо, что это Москва, в глубинке мы бы ничего этого не купили. Несмотря на казалось бы состоявшееся примирение с семьей Николая Ивановича, на самом деле этого не произошло, и во время проживания в Москве к ним в гости мы больше не ездили. Николай Иванович к нам на квартиру приезжал, привозил мне для ремонта старый телевизор со своей дачи, который мастерские отказались брать в ремонт. Я ему этот телевизор отремонтировал, и больше в тот период мы не виделись.

Два года учебы пролетели быстро, и мы с Сашей закончили академию. Саша получил назначение в НИИ-4, в подмосковное Болшево, я уехал преподавателем в Серпухов. Витя защитил диссертацию и остался преподавателем в академии.

Дружеские отношения мы сохранили и периодически ездили друг к другу в гости, но все три семьи вместе уже не собирались. К Саше мы ездили в гости, когда он еще снимал для жилья какой-то деревянный флигель, который отапливался дровами с помощью буржуйки. Мне страшно было даже представить, как они здесь будут зимовать, но Саша с Людмилой были вполне довольны своей жизнью. Людмила угощала нас изысканным блюдом – котлетами по-киевски. Секрет приготовления этих котлет состоял в том, что в середину котлеты закладывался кусочек масла, и, после приготовления, она приобретала очень нежный вкус. Таких вкусных котлет раньше я никогда не ел, но самым парадоксальным было то, что это вкуснейшее украинское блюдо мы впервые попробовали у казашки. При воспоминании о нашей жизни в Москве, Людмила мне сказала, что я два года ходил мимо нее, как мимо холодильника, не обращая на нее внимания. Замечание было справедливое, я действительно такой, нет у меня обходительности с женщинами. Позже они получили нормальную двух комнатную квартиру в новом доме. Денис закончил школу и поступил в Серпуховское военное училище. Теперь Людмила приезжала к нам в гости не реже двух раз в месяц, привозила Денису вкусную еду и деньги, а еще Денис не умел обрезать ногти на правой руке, и в этом деле без мамы он никак не мог обойтись. Как я понял из разговоров между ними, Денис не хотел питаться в курсантской столовой, и предпочитал обедать в офицерской столовой, а

чтобы его туда отпускали, какому-то сержанту за это платил деньги. Поначалу, по просьбе Людмилы, я подходил к начальнику курса Дениса и просил отпустить его к нам домой в связи с приездом мамы, но позже мне уже самому было неудобно так часто обращаться к начальнику курса с такой просьбой, да и не нравилось мне такое воспитание парня. Я попытался поговорить с ними на эту тему, когда они приехали вместе с Сашей. Нельзя же делать из пацана кисейную барышню, и денег не нужно столько давать. Но Людмила мне сказала, что это ее сын, поэтому, как хочет, та и воспитывает, а Саша оправдывался, что ему все это тоже не нравится, но вразумить жену он не может. А Денис учился хуже некуда, имея достаточно денег, платил другим курсантам, чтобы они сделали за него домашние задания. Как-то Людмила попросила меня договориться с начальником курса, чтобы Денису дали увольнение на сутки, и, после того как его отпустили, увезла его в Болшево. На мое предупреждение, что если он где-то там попадетсЯ патрулю, то его отправят на гауптвахту, она вообще не отреагировала. После этого случая, я перестал договариваться с начальником курса по поводу увольнений Дениса.

В первую сессию Денис получил две двойки, и в течение следующего семестра пересдать их не смог. Во время второй сессии он опять получил несколько двоек и встал вопрос о его отчислении из училища. Людмиле удалось попасть на прием к начальнику училища, у нее была одна единствен-

ная просьба, чтобы сына не отправляли в войска, а оставили дослуживать оставшийся год в одном из вспомогательных подразделениях училища. Говорила, что начальник училища долго на это не соглашался, и согласился только после того, как она встала перед ним на колени и не хотела подниматься, пока он не согласится. Заодно выпросила для Дениса и увольнение на сутки. Придя к нам домой, она сказала, что уезжает с Денисом в Болшево.

– Люда, а ты ведь сейчас начальника училища подставляешь, который согласился тебе помочь. Ты же перед ним только-что на коленях стояла и обещала, что со стороны Дениса никаких нарушений не будет, – попытался я ее остановить.

– Я свое уже отстояла, – был ответ, – а дальше теперь трудности начальника училища.

Я был поражен. Вот он, азиатский менталитет. Будут клясться тебе в вечной любви и преданности, а через полчаса с легкостью подставят или предадут.

Денис дослуживал год в роте охраны, и мать все так же часто к нему приезжала. Потом его забрали домой, и я его больше не видел. С Сашей мы периодически встречались, сначала в НИИ-4, куда я приезжал в командировки, а после его увольнения из армии, созванивались и встречались в Москве. После увольнения Саша работал курьером, и свободного времени у него было предостаточно.

С Витей мы общались гораздо больше, чем с Сашей. Мы совмещали приятное с полезным. В Серпухове в то время

было тяжеловато с мясом и колбасами, поэтому мы раз в месяц ездили в Москву за мясными продуктами. Вечером приезжали к Вите в гости, где всегда встречали радушный прием, а с утра пораньше занимали очередь в колбасном магазине. Потом покупали килограмм десять мяса, в каком ни будь гастрономе, и уезжали домой. Лысовы приезжали к нам с ответными визитами. Через пару лет Витя получил новую двухкомнатную квартиру и участок под дачу. Участок правда был далековато, 180 км от Москвы, но Витю это не смущало, как не смущало и то, что на участке было много пней, и их нужно было корчевать. Участок был небольшой, всего шесть соток, но он был крайним от леса, и, при желании, можно было раскорчевать пни еще и на прилегающем болоте. Первый раз я попал на этот участок когда Витя отмечал свой сорокалетний юбилей. Моей жены в то время дома не было, уехала в гости к матери в Харьков, и я был дома один. Как раз накануне собрал ведро клубники и пытался вспомнить, как из нее сварить варенье. Помнил, что варить нужно в два этапа, сначала немного приварить и дать остыть, а уже потом доварить окончательно. Припомнил также, как мама проверяла готовность сваренного варенья: она капала капельку варенья на деревянную дощечку и смотрела, если капля по доске не расплывается, то варенье готово, а если же расплывается, то нужно варить дальше. Утром я в течение тридцати минут приварил варенье и уехал к Вите. Путь не близкий, ехать нужно было двумя электричками, поэтому рассчиты-

вал приехать на его дачу не раньше обеда. Витину дачу я нашел сравнительно легко по описанным им приметам, на краю участка должна была стоять высокая мачта, на ней флаг из полосатой тельняшки, а под флагом авоська с пустыми бутылками, как символ того, что хозяин бросает пить. Участок с такими приметам был только один. На дачу Валентина практически не ездила, и летом во время отпуска Витя жил там с Леной. Несмотря на нежелание Лены вставать рано утром, Витя вытаскивал ее из теплой постели, вместе они поднимали флаг на мачте и бежали на физзарядку. В качестве жилого помещения у Вити был построен барак из досок, с прихожей и спальней комнатой, в которой стояли двое двухъярусных деревянных нар. Вот только туалета на участке еще не было, Витя не видел в нем особой необходимости, так как рядом был лес, но приехавшие гости сразу же указали ему на этот недостаток. На участке уже росли и лук, и укроп, и петрушка. Росла даже тыква, посаженная в дупле большущего пня. Гости такой посадке тыквы удивлялись, а Витя, используя научный подход, объяснял, что это он привил тыкву на дерево, чтобы тыква была многолетней, и не нужно было бы ее каждый год сажать. Его сказке конечно никто не поверил, кроме соседки по даче, которая попросила его и ей привить такую тыкву. Витя пообещал, но сказал, что в этом году уже поздно, в следующем году весной привьет. Витин юбилей мы отметили на славу, не знаю, как у других, но у меня голова утром просто раскалывалась, и я даже смотреть не мог ни на

водку, ни на закуску. Но Витя оказался на высоте, оправдал звание кандидата наук, оказалось, что он заранее подумал о таких как я, и купил для нас несколько бутылок кефира. Бутылку кефира я выпил с удовольствием, выпил бы и еще, но больше не дали, сказали, что думать нужно не только о себе, но хотя бы немножко и о других страждущих товарищах. Но мне думать совсем не хотелось, хотелось просто перенестись на свою дачу в Серпухове, и там еще немного поспать, и не слышать этот шум и гам опять собравшихся к столу гостей. В очередной раз пришел к выводу, что пьянка – это не мое. Когда через пару часов Витин товарищ, приехавший на своей машине, собрался ехать в Москву, я попросился ехать вместе с ним, Витины уговоры остаться еще на один день, я отмел напрочь, сказав, что дома меня ждет недоваренное варенье. Приведенный аргумент был настолько весомым, что меня больше не уговаривали. Всю дорогу до Москвы, в машине, в которой кроме нас с водителем ехала еще какая то женщина, только и разговоров было, что о видах варенья и рецептах его приготовления. Дома я конечно же сразу поставил доваривать варенье. Варить пришлось часа полтора, пока капля перестала растекаться. Когда вернулась домой жена, то оказалось, что я все делал не так. Нужно было минут пять приварить варенье, а потом, после остывания, еще пятнадцать минут доварить, и ни на какую каплю смотреть не нужно. Я же, в общей сложности, варил его два часа, но ничего, варенье получилось очень вкусным, с каким-то неуло-

вимым привкусом карамели.

Осенью Витя спросил у своей соседки, заинтересовавшей его тыквой, не хочет ли она посадить на своем участке декоративную гималайскую осину, недорого, всего за бутылку водки, у него имеется лишний саженец. Соседка с радостью согласилась. Витя, с еще одним соседом по даче, сходили в лес и выбрали самый ровненький молодой саженец осины. Заглядывая в какую-то отпечатанную инструкцию, они посадили этот саженец на участке соседки, положив в ямку не только удобрения, но и золу. Забили рядом аккуратный новый колышек и привязали к нему осину красной ленточкой, сказав хозяйке, что ленточка – бесплатно. Хозяйка была очень довольна их стараниями, поэтому не только бутылку им поставила, а еще и колбасы на закуску нарезала. Когда к ней в гости приехала мать, она похвасталась перед ней своим приобретением, добавив, что Витя обещал весной ей еще и тыкву на дерево привить, чтобы не нужно было сажать каждый год.

– Ну сколько можно быть такой душой? – изумилась мать. – Сорок лет ведь уже стукнуло, пора бы и поумнеть. Да тебя ведь развели как последнюю лохушку. Этот саженец они здесь же в лесу выкопали. И овощи на деревья не прививают, это они тебя опять разведут.

– Да как же так, – не понимала соседка, – он ведь кандидат наук. Я ему так верила.

– Шутник он, а не кандидат наук, – поучала бабка дочь, –

ты с ним больше не связывайся.

Так у Вити сорвалось мероприятие по прививке тыквы на дерево на огороде у соседки.

Соседом Вити по новой квартире был молодой прапорщик, служивший в гараже Министра Обороны СССР. Через него Витя доставал для Лены билеты на Кремлевскую елку. Витя и предложил этому соседу поставить в коридоре дополнительную дверь и отгородить для себя часть коридора. Получилось довольно большое пространство, на котором можно было хранить вещи, которым не было места в комнате. Но, поскольку в этом коридоре было две хозяйки, Витя предложил сделать в двери и два глазка, чтобы каждая могла смотреть в свой глазок. С высотой установки глазков было все понятно, а вот вопрос, на каком расстоянии друг от друга устанавливать глазки, требовал дополнительного исследования. Витя предложил прапорщику замерить ширину задней части у своей жены, а он замерит у Валентины. Полученные числа Витя сложил и разделил на два, по мнению кандидата наук, это и должно было быть искомое расстояние между глазками. С тех пор на входной двери в коридор у них стояли два глазка.

Мы с женой получили свою квартиру только через семь лет после приезда в Серпухов, но с появлением квартиры встал вопрос о покупке стенки. Купить стенку в Серпухове было нереально, на покупку стенки нужно было записаться в очередь, а потом раз в неделю в этой очереди отмечаться,

и так до тех пор, пока не подойдет очередь на покупку стенки. Если кто-то вовремя не приходил отмечаться, его тут же из очереди вычеркивали, без права восстановления. Поэтому, Витя предложил нам свою помощь в покупке стенки. Он отвел нас к какому-то мебельному магазину, расположенному недалеко от его дома. Там мы у какого-то алкаша купили место в очереди, и в тот же день оформили заказ на покупку стенки и оплатили его, адрес доставки и номер телефона, естественно, указали Витин. С Витей договорились, что когда ее привезут, а привозили всегда в разобранном виде, то он сложит ее в углу своего коридора. Через пару месяцев Витя позвонил, и сказал, что стенку привезли, но уже в собранном виде, и она заняла почти весь коридор. Я пообещал в ближайшее время ее забрать, но это ближайшее время растянулось у меня на пару месяцев, так как я нигде не мог договориться с машиной.

Когда я в очередной раз приехал к Вите, Валя собиралась уезжать в отпуск к маме в Белоруссию. Чемоданы уже были собраны, и я чудом застал их дома.

– Витя, отвези меня на вокзал на машине, – попросила Валентина.

– Давай лучше на такси тебя отвезу, – не соглашался Витя.

– А вы что, машину купили? – не понял я.

– Да, – гордо ответила Валентина, которой явно хотелось похвастаться новой покупкой.

Поскольку Валентине захотелось доехать до вокзала

именно на машине, пошли мы с Витей в гараж за машиной. Машина еще стояла в гараже того хозяина, у которого Витя ее купил. Это был старенький синий москвич, с облупившейся в некоторых местах краской. Витя сел за руль и, при выезде из гаража, чуть не оторвал водительскую дверку, так как при этом смотрел назад через открытую дверку. Я успел его вовремя об этом предупредить. Дверку Витя закрыл, но после этого выезжать задом из гаража ему стало еще хуже, чуть не въехал передним крылом в стойку ворот. Пришлось опять заехать в гараж, чтобы не поцарапать машину. Мне пришлось взять на себя обязанности руководителя и подсказывать Вите, в какой момент и в какую сторону нужно крутить руль. С горем пополам Витя выехал из гаража.

– Витя, а ты на ней уже ездил? – с тревогой спросил я.

– Ездил, – ответил Витя, – когда проверял перед покупкой. – Только выгонял и загонял машину хозяин.

– А мы до вокзала доедем? – засомневался я.

– Нужно же когда-то начинать, – логично заметил Витя. – Лучше начинать сейчас, пока ты здесь. Будешь подсказывать, если что не так.

Погрузили мы Валентину с чемоданами на заднее сидение и поехали. До вокзала доехали без происшествий, но рубашка у меня на спине была вся мокрая от пота, хорошо еще, что Витя дорогу знал, не пришлось петлять. На вокзале Витя пошел сажать Валентину в поезд, а я остался караулить машину, так как передняя правая дверка на ключ

не закрывалась. Когда мы вернулись домой и поставили машину в гараж, наши рубашки были мокрыми полностью, но зато первая поездка была успешно завершена. Мы зашли в гастроном, в котором на разлив продавалось пиво, купили две трех литровые банки пива и двух больших вяленых лещей, и весь вечер этим пивом снимали стресс, заодно Витя рассказывал, как он опростоволосился с последней заявкой на изобретение. Когда эксперт попросил его более подробно описать принцип работы его изделия, Витя дал ссылку на свою статью в журнале, где уже было описано это изделие. В итоге эксперт прислал отказ в регистрации изобретения, та как на момент подачи заявки оно уже было известно, при этом сослался на указанную Витей его же статью в журнале.

А еще Витя познакомил меня со своим домашним врачом – большим рыжим котом по кличке Кашпик, названным так в честь известного в то время экстрасенса Кашпиоровского. Витя утверждал, что когда у него начинает болеть желудок, этот кот сам приходит к нему и ложится именно на больное место. Через некоторое время боль проходит. Будучи по жизни шутником, Витя приучил Кашпика ходить в туалет на унитаз. Дверь в туалет оставляли приоткрытой, и кот справлял нужду только в унитаз, другого угла, как у обычных котов, у него не было. Единственной проблемой было то, что кот не научился после себя смывать в унитазе, никак не хотел дергать за висящую на шнурке «грушу». Кот был настолько умный, что Витя не побоялся оставить его в квартире одно-

го, когда они всей семьей уезжали на недельку в отпуск. Витя оставил коту семь кусочков докторской колбасы, на каждый день по кусочку, оставил открытой дверь в туалет, и спокойно уехал в отпуск. Но, то ли он плохо кота проинструктировал, то ли проинструктировал не под роспись в журнале инструктажей, но кот всю колбасу сожрал то ли в первый день, то ли в первые два дня. В результате у кота случилось расстройство желудка. Первый раз он добросовестно сходил по нужде в туалет, но, поскольку за ним никто не смыл, а появившийся там запах был ужасным, на унитаза кот больше не пошел, а поскольку определенного угла в квартире у него не было, то он начал ходить в туалет во все новые углы. Когда Витя приехал из отпуска, вся квартира была загажена, а кот помирал от голода в единственном, оставшемся чистом углу. Кота удалось спасти, накормив его свежей печенкой. Витя продолжил его дрессировки, пытаясь научить его смывать после себя в унитазе, даже кусочки мяса к «груше» привязывал, но кот ни на какие Витины ухищрения не поддавался, с унитаза после себя не смывал, и второй раз в не смытый унитаз по нужде не ходил.

Со временем Витя восстановил навыки вождения и в дальнейшем, как на дачу, так и ко мне в гости, уже ездил только на машине. На мое пятидесятилетие Витя с Валентиной тоже приехали на машине. Оставлять машину на ночь возле моего дома Витя не рискнул, уж очень дорогая вещь, тем более, что он на нее газовое оборудование поставил. По-

ставили машину на платную стоянку недалеко от дома. Желающих поздравить меня с юбилеем собралось много, с трудом поместились за двумя столами. Мы с Витей на этот раз много не пили, ему утром нужно было возвращаться домой, а мне тоже нужно было ехать на работу в Москву, поэтому я собирался ехать вместе с ним, а заодно и своего товарища об этом предупредил, чтобы тот ехал вместе с нами, а не электричкой. Поскольку в восемь часов утра я должен был быть на работе, то мы встали пораньше и пошли за машиной. Несмотря на то, что был февраль, ночью прошел небольшой ледяной дождик, и снег под ногами сильно скользил. Когда мы выехали со стоянки на дорогу, то оказалось, что Витина машина не может подняться горку, так как резина на колесах стояла летняя, да и та сильно изношенная. Пришлось спуститься метров на пятьдесят ниже стоянки и попробовали выехать на горку с разгона. Фокус не удался, машина с трудом доехала только до стоянки, и выше подняться не смогла, а ведь выше еще сто метров нужно было проехать, чтобы подняться на горку. Попробовали выезжать с еще большего разгона, машина поднялась на десяток метров выше, но дальше подняться не смогла. Попросили подсобить моих знакомых, которые шли в свои гаражи за машинами. С их помощью удалось протолкать машину еще метров на двадцать дальше, но на большее наших сил не хватило, наши ноги скользили не хуже машины. Один из толкающих предложил нам больше не мучиться, а подождать, пока он подъедет

к нам на джипе. Так и сделали, подцепили машину к подъехавшему джипу, и он легко потащил машину на горку, но на середине горки его колеса также начали буксовать, и вытащить машину выше он тоже не смог. А время то шло, уже была половина восьмого, и я явно опаздывал на работу, да еще и товарища, которому предложил ехать вместе с нами, подводил. Выход из создавшегося положения я видел только один, переставить шипованные колеса с моей машины на Витину. С бегал домой за ключами от гаража, а заодно позвонил на работу и предупредил начальника, что мы с товарищем опаздываем часа на два, но мы приедем. В гараже на моей машине поменяли два шипованных колеса на летние, затем шипованные колеса поставили на Витину машину. На шипованных колесах мы без никаких проблем поднялись на горку и подъехали к моему дому. Там сняли мои колеса и поставили обратно Витины, а мои занесли ко мне домой в квартиру. Как я и обещал начальнику, опоздали мы с товарищем на работу на два часа. После этой поездки ко мне, Витя и себе купил шипованные колеса.

С Петронавичусами у нас на некоторое время связь прервалась, так как связываться с ними мы могли только через телефон их соседки, а это не очень удобно. Потом позвонила Людмила и сказала, что Саша погиб и завтра похороны. Когда он ехал с работы из Москвы домой, его выбросили из электрички. Что тогда случилось в электричке, так и осталось не раскрытым. Сам влезть в драку Саша не мог, он был

очень спокойным и уравновешенным, а вот сделать кому-то замечание мог. Но это только мое предположение. Поехать на похороны мы с женой не смогли, так как оба в тот день заступали на суточное дежурство и подмениться уже не было возможности. К Людмиле я съездил через неделю, но поскольку поехал без предупреждения, то дома ее не застал, пообщался только с соседкой, от которой она нам иногда звонила. Соседка сказала, что у Людмилы проблемы с ногой, и она поехала к врачу в поликлинику, но скоро должна вернуться. Соседка угостила меня чаем, подождал я у нее Людмилу часа два, но она где-то задерживалась, а стеснять соседку и дальше было уже неудобно. Я передал Людмиле через соседку немного денег на памятник и уехал домой, попросив, чтобы Людмила мне позвонила. Но звонка не последовало, больше мы не созванивались и не встречались. Поэтому о дальнейшей судьбе Людмилы и ее сына Дениса я больше ничего не знаю.

А Витя развернул на даче грандиозную стройку. Строился большой бревенчатый дом с мансардой, а поскольку два бревна оказались на два метра длиннее остальных, то Витя решил в торце дома еще и балкон сделать. Строилась также и баня с парилкой. Построенный ранее в углу участка жилой барак, Витя превратил в сарайчик. Хвастался еще Витя и новым туалетом, в котором он, в своем стиле шутника, сделал сидение с подлокотниками. На даче он по-прежнему трудился один, Валентина туда и носа не показывала. Я тоже там

давно не был, и знал о всех его успехах только с его слов. Хотелось конечно съездить и посмотреть, но уж очень далеко, от меня больше двухсот километров. Между тем, Витя приехал в гости ко мне и сообщил, что разводится с Валентиной. Для меня это было полной неожиданностью, и я спросил его о причине развода. Он сказал, что они уже давно живут как кошка с собакой, и он просто ждал, чтобы Лена стала совершеннолетней, чтобы не травмировать детскую психику. Через некоторое время приехала к нам и Валентина, которая просила меня выступить на суде свидетелем с ее стороны и подтвердить, что у Вити есть легковая машина.

– Валя, Витя мне говорил, что оставляет вам с Леной квартиру, а себе забирает недостроенную дачу. Это так? – спросил я, не поняв причину суда.

– Так, – подтвердила Валентина. – Но он не хочет делить машину, говорит, что у него нет машины.

– Валя, прежде всего, эта машина стоит копейки, там делить нечего. Кроме того, если он ездит по доверенности, то официально ее действительно нет. Я не видел документов на машину и не могу утверждать, что она у него есть, – пытался я обосновать свой отказ от участия в этом суде, так как мне не хотелось ссориться ни с ней, ни с Витей, а выступив в суде, обязательно кого ни будь обидишь.

Спросил также и у Валентины причину их развода, она подтвердила, что с самого начала они жили очень плохо. Значит не зря тогда, еще при первом знакомстве, мне пока-

залось, что у них странные отношения. Валентина уехала, и больше мы с ней не виделись, Лена говорила, что она вскоре вышла замуж и переехала жить к новому мужу.

Витя тоже не ходил долго холостяком, женился на Тане, практически дюймовочке, по сравнению с Валентиной. Когда я вместе с женой и дочерью наконец-то приехал к Вите в гости на дачу, Таня уже жила с ним на даче и помогала ее строить. Сделанное Витей на даче, конечно впечатляло. Прежде всего, Витя раскорчевал все пни и увеличил свой участок в два раза. Впечатлял и дом, еще не совсем достроенный, но изнутри уже вполне облагороженный. Особенно мне понравилась его печка фирмы Бренеран. Позже, на своей даче, я тоже установил такую. В этой печке, если максимально прикрыть тягу, устанавливается режим тления, в результате чего дрова горят очень медленно, одной закладки дров хватает на всю ночь. А это очень здорово, не нужно вставать ночью и подкладывать в печку дрова, всю ночь можно спать спокойно. На участке были аккуратно подстриженные газончики и очень много посаженных Таней цветов. В отличие от Валентины, ей нравилось работать на даче. С ее рассказа стало понятно, что с Витей они уже давно вместе, просто они это не афишировали. Видно было, что и Витя относится к ней совершенно по-другому, не так, как к Валентине. Посмотрел я и знаменитый Витин туалет с подлокотниками. Но он меня совсем не впечатлил, очень грубо сколоченный низенький стул с подлокотниками из плохо про-

строганных досок, под который ставилось ведро, к тому же, с плохо забитой передней стенкой, в которой зияли большие щели. Обычно эту стенку изнутри еще и куском жести забивают, чтобы изнутри на ноги ничего не брызгало, а тут полное безобразие. Я не понимал, чего он так гордится своим туалетом? На тропинке от туалета к дому меня ждал Витя.

– Ну как, брюки не нужно менять? – спросил он меня.

Ну засранец! Это же он ожидал, что в его туалете я обоссу себе брюки. Я думал, что он эти щели в передней стенке по недомыслию оставил, а у него, оказывается, все продумано. Хорошо, что меня просто конструкция интересовала, а не сам туалет. Если бы я сходил без предварительного осмотра в такой туалет, то брюки точно были бы мокрыми. Ну чертов шутник! А еще полковник, заместитель начальника кафедры. Таких, как говорится, только могила исправит. Высказывать ему все, что я думаю о его туалете и давать рекомендации по устранению недостатков теперь смысла не было, он и сам все прекрасно знал.

– Да я не ходил в туалет, – ответил я, – я просто посмотрел твою конструкцию.

– Ну и как? – оживился Витя.

– Да херня полная, – высказал я свою оценку. – Даже доски как следует не прострогал. Я был лучшего мнения о твоих способностях.

Видимо критика подействовала, позже Витя прислал мне фотографию нового, переделанного туалета.

Была у Вити и очень хорошая черта, он никогда не забывал поздравить с праздником, и всегда делал это первым. Если рано утром в праздник раздавался звонок, то можно было не сомневаться, что это звонит Витя. Следующий Новый год мы встречали вместе у нас в Серпухове, Витя с Таней приехали к нам в гости. На этот раз не повезло моей жене, к восьми часам утра первого числа ей нужно было быть на работе. В два часа ночи мы пошли гулять в находящийся в пятидесяти метрах от дома бор. Бор, как по заказу, был в праздничном Новогоднем убранстве. Все деревья и кусты были покрыты толстым покровом инея, который искрился в свете фонарей, стоявших вдоль дорожки через бор. Народу в бору было очень много, все пришли посмотреть на эту красоту. Гуляя по бору, мы практически дошли до инфекционной больницы, расположенной на другом конце бора, месту работы моей жены. Витя, в свойственной ему манере шутника, предложил довести ее до работы и там оставить, чтобы не отводить ее туда утром. Все были за, кроме моей жены, которой такая идея почему-то не понравилась. Вернулись домой и опять сели за стол. Пospали мы тогда всего пару часов, и отвели жену на работу. Вернувшись домой мы опять завалились спать, а моей бедной жене нужно было сутки работать на посту. Одно слово – не повезло.

Свою дачу Витя окончательно достроил, и новый автомобиль купил, конечно же иномарку, отечественные автомобили теперь редко кто покупал. К этому времени из армии он

уже уволился и работал заместителем генерального директора какой-то маленькой частной фирмы, которая занималась разработкой каких-то электронных медицинских устройств для лечения, типа «Кремлевской таблетки». Эту электронную таблетку нужно было проглатывать, и проходя по пищеварительному тракту, она должна была лечить человека. После выхода через задний проход, ее рекомендовалось промыть, продезинфицировать, и применять повторно неограниченное количество раз. Испытания этой таблетки проводили в авральном режиме, так как сроки сдачи работы поджимали, и Витя не успел снять все ее параметры. Когда ему захотелось продолжить эти исследования, опытного образца на фирме уже не было, и он купил эту таблетку в розничной продаже, так как она уже пошла в серийное производство. Но продолжить исследования ему не удалось, купленная таблетка оказалась абсолютной пустышкой, никакой электроники в ней вообще не было.

Я не сомневался, что его шестидесятилетие мы будем отмечать у него на даче, но этого не произошло, Витя уехал к матери в Челябинск и юбилей отмечал там. Не стал он отмечать юбилей и после возвращения из Челябинска. Все это было как-то странно, и не похоже на Витю. В последующие годы Витя к нам в гости не приезжал, ссылаясь на большую занятость, и нас к себе в гости не приглашал. Теперь он с Татьяной ездил по заграничным курортам, хотел ей мир показать, поэтому ездили они часто, по три или четыре раза в го-

ду. Потом связь у нас прервалась, я потерял свой телефон, а вместе с ним и все номера телефонов, а Витя мне почему-то перестал звонить. Только через полгода мне удалось выйти на него через электронный почтовый ящик, куда он заходил крайне редко, и телефонная связь была восстановлена.

В очередной раз Витя позвонил мне, когда мы были на даче, и слабым голосом попросил нас к нему приехать в больницу, адрес которой скажет Лена. Лена взяла трубку и начала говорить, что никуда не надо ехать, это отец ошибся, не тот номер набрал.

– Лена, не придумывай, отец звонил именно мне, и он хочет нас видеть. Говори адрес больницы и рассказывай, что с отцом.

– Да у него все нормально, он не в больнице, это просто хоспис.

– Как хоспис? У него не рак случайно?

– Рак, но ему уже лучше.

– Ладно, на месте разберемся. Диктуй адрес.

Утром следующего дня мы поехали к Вите. Хоспис представлял собой три одноэтажных здания на окраине Бутово, на входе одного из них нас и встретила Таня. Коридор здания оформлен очень красиво, даже живой уголок есть, с рыбками и черепашками, только больным, скорее всего, уже не до этой красоты было. Таня рассказала, что у Вити четвертая стадия рака желудка. Полгода назад была операция, большую часть желудка удалили, но это уже не помогло. Когда

зашли в палату, Витю я там не увидел. На передней койке лежал какой-то маленький высохший лысый старичок, явно старше восьмидесяти лет, две койки были пустыми, и на дальней койке лежал явно очень высокий мужик. Вити в палате не было.

– Может погулять вышел? – подумал я.

Но тут я заметил, что этот старичок на меня очень внимательно смотрит, и я, не то чтобы узнал, я просто догадался, что это и есть Витя. Такие тела я видел только в документальных фильмах про Освенцим, от тела там остались только кожа и кости. Только присмотревшись к его лицу, я нашел в нем какие-то знакомые черты. Сначала Витя только односложно отвечал на наши вопросы, потом повеселел и разговорился, стал рассказывать о последнем годе своей жизни. Как я понял, о своей болезни он знал давно, но никому, в том числе и Тане, об этом не рассказывал. Поэтому и к матери на свой юбилей съездим, и с друзьями не хотел встретиться. Понимая, что ему осталось жить не так долго, он постарался показать Тане другие страны, пока это еще было в его силах. Три месяца назад он еще съездил на дачу на своей машине, а потом началось резкое ухудшение, и вот через три месяца его даже узнать невозможно было. Его уже ничем не лечили, только кололи обезболивающие. В обед здесь больным даже вино давали, но Вите, в прошлом никогда не оказывавшемуся от бокала вина, теперь уже пить вино не хотелось. Я поинтересовался, во что им обходится нахождение в

хосписе, это должны были быть очень большие деньги. Витя объяснил, что сюда его устроили друзья, и его нахождение здесь оплачивает какая-то ветеранская организация. Мы были рады, что нам удалось немного поднять Вите настроение, пообещали еще приехать в ближайшие выходные, и вечером уехали домой. Но больше увидеться нам не удалось, в пятницу позвонила Таня и сказала, что Витя умер. Хорошо, что мы успели к нему съездить и увидеться, пока он был еще живой. Не зря он нас тогда позвал, видимо чувствовал близкий конец.

Витю похоронили на Востряковском кладбище, в чистом и не заболоченном месте. Только после смерти Витя, первый и последний раз, воспользовался своей привилегией воина-афганца, и получил это место на кладбище бесплатно. Я надеялся увидеть на похоронах и Валентину, первую жену Вити, но ее там не было. Лена сказала, что Витя запретил им приглашать ее на его похороны. А вот с младшим Витиным братом Александром, врачом-хирургом, о котором Витя много рассказывал, мы на похоронах познакомились. Матери, которая уже находится в преклонном возрасте, о смерти Вити он решил не говорить, чтобы лишний раз ее не травмировать, ведь это сообщение может ее просто убить. Витя умер в самом расцвете сил, не дожив полмесяца до шестидесяти шести лет. Он даже с работы еще не уволился, видимо помирать никак не собирался. Но такова судьба, и он ее не выбирал, это она его выбрала, а против ее выбора человек

бессилен.

Расплата

Галина не находила себе места. Когда рано утром выгоняла корову на пастбище и не обнаружила во дворе мотоцикл Коли, она еще не волновалась, мало ли где он задержался. Ее сын – молодой парень, недавно вернулся из армии, понятно, что ему хочется погулять. У него, кажется, какая-то девушка появилась, наверно никак расстаться не могут. Вчера вечером он уехал кататься на мотоцикле и до сих пор не вернулся. Уже скоро обед, а его все нет. Старший ее сын, Василий, таким безответственным не был. Правда у него и мотоцикла то не было, был только велосипед, и тот отцовский. И к девушкам в соседние села тогда не ездили, не то, что теперь. Ну где его до сих пор носит? Может мотоцикл сломался? Похоже на обед его не будет.

Приехал на машине Василий, привез брикет. Он теперь живет отдельно от них. Когда он женился, отец помог ему построить свой дом, но потом сын развелся, и теперь живет в этом доме один. Работает в Нежине шофером, на мусоровозе. Нет, не мусоров возит, а именно мусор. С утра они по подъездам собирают этот мусор и отвозят на свалку, а потом весь день свободен, езжай куда хочешь. Главное, что гаишники эту машину никогда не останавливают. Вот и теперь, он привез им в этой машине из Нежина брикет, который они выписали на базе. Теперь она обедом и младшего Мишку,

и Василия покормит. Пожаловалась Василию на Колю, который треплет ей нервы своими ночными поездками на мотоцикле. Пользуется тем, что отец работает где-то аж за Нежином, поэтому приезжает домой только на выходные. Их бригада укладывает дороги из булыжника, поэтому работают все время в разных местах. Василий советовал ей зря не волноваться, никуда Николай не денется, вернется, не маленький уже. Может действительно у него мотоцикл сломался.

Наступил вечер, а Коли все не было. На полонку не похоже, уже давно привез бы этот мотоцикл на какой ни будь машине. Уже и пришедшую с пастбища корову подоила, и Мишку ужином накормила, а Коли все нет. В материнском сердце появилось какое-то нехорошее предчувствие. Может милиция за что ни будь забрала? Или гаишники, за езду без шлема?

К воротам кто-то подъехал на велосипеде. Во двор зашла соседка.

– А я из центра еду, – сообщила она. – Там говорят, что вашего Колю нашли.

– Где нашли? – спросила Галина.

– Недалеко от Прорабства.

– А мотоцикл?

– Говорили, что и мотоцикл там в кювете валяется.

– Он сильно разбился?

– Я точно не знаю, – слукавила соседка, пусть они от кого ни будь другого узнают, что Коля мертв.

– Миша! Быстро садись на велосипед и езжай на Прорабство. Там, где-то в кювете, лежит Колин мотоцикл. Узнай у людей, что случилось.

Миша вернулся с плохой вестью, и Колю, и мотоцикл забрала милиция. Говорили, что Коля был мертв. Его видели в кювете вместе с мотоциклом еще утром, но решили, что парень напился и свалился в кювет. К нему подошли только вечером. Любой пьяный за день уже должен был проспаться, а этот как лежал утром, так и вечером лежит. Увидели, что затылок у парня в крови, тогда и вызвали милицию. Милиция установила, что Колю, когда он ехал на мотоцикле, ударили сзади по голове чем-то тяжелым. Скорее всего догнали такие же парни, как и он, на таком же двухколесном мотоцикле, и ударили сзади. Может девку не поделили, или еще какие ни будь свои разборки. Убивать может и не хотели, но поскольку от удара был проломлен череп, то жил он после этого не долго. Случилось все вечером или ночью, поэтому никаких свидетелей милиция не нашла, а, следовательно, и виновные не были найдены.

Галина очень тяжело переживала смерть сына. Парень только недавно из армии пришел. За что его так? А может это возмездие? Когда она выходила замуж за Петра, ее предупреждали про возмездие, которое обязательно случится.

– Бог все видит, – говорили ей, – и он это так не оставит. Рано или поздно возмездие будет, если не Петру, то его детям.

Да не может этого быть! Сказки все это. Они с Петром уже больше двадцати лет прожили вместе счастливо, и ничего не случилось, трех сыновей вырастили. А тогда, после войны, ей все говорили, чтобы не выходила замуж за глухонемого Петра. Но выбора у нее особого не было: или выйти за Петра, или остаться в девках. И она выбрала Петра. Ну был он во время оккупации в полицаях, так ведь после окончания войны уже три года тогда прошло, а к Петру власть никаких претензий не предъявляла. Да и прослужил он в полиции всего неделю. И чего его дернуло в полицаи записаться? До шестнадцати лет он ведь был абсолютно здоровым парнем. В конце сентября сорок первого года, через три дня после того, как ему выдали полицейскую форму, их зачем-то отправили в Киев. А еще через три дня он вернулся оттуда глухонемым. Другие полицаи говорили, что он слабаком оказался, ни одного выстрела не сделал, когда евреев расстреливали, а глухонемым стал на нервной почве. Из полиции его конечно тут же уволили, но люди то помнили, что он в Бабий яр полицаем ездил, за это, как они считали, и должна прийти расплата. Но ведь он и так за это поплатился – глухонемым стал. Врачи говорили, что это произошло от сильного нервного стресса. Видно неокрепшая еще психика подростка не выдержала того, что он тогда увидел и услышал в Бабьем яру, вот мозг и заблокировал слух. Говорили, что слух и речь со временем к нему могут вернуться. Слух к нему действительно недавно вернулся, но речь так и не восстановилась. Все, что хочет

сказать, пишет на бумажке. Да нет, это не возмездие. Видать это такая судьба у ее бедного Коли.

Жизнь продолжалась дальше. Вася женился второй раз, а Миша закончил школу и ушел служить в армию. Через Якова, родного брата Петра, удалось определить его служить в Киев, водителем командира части. По знакомству Мишу раз в месяц командир отпускал на выходные домой, и мать с отцом не могли этому нарадоваться. Парень вырос красивым и сильным. Да и умный к тому же, школу без троек закончил. Проблемы начались, когда Миша вернулся из армии. Он начал выпивать. Петр вообще не пил, Вася пил немного, и только по праздникам, а Миша почти каждый день приходил домой выпивши. Ни уговоры матери, ни требования отца на него не действовали. Через год он лишился прав и стал работать грузчиком в местной кооперации. В одиночку таскал тяжелющие мешки и бидоны. Мышцы на этой работе он конечно хорошо накачал, но спился окончательно. Выгнали его и с этой работы. Денег не было, а выпить то хотелось. Петр строго-настрого запретил Галине давать ему деньги на выпивку.

Как-то Михаил, вместе с таким же, как и он своим другом-алкашом, залезли в сарай соседки воровать гусей. Гусям это не понравилось, и они подняли страшный гвалт, который разбудил соседку. Она и застала в сарае двух незадачливых воров, которые, будучи пьяными, даже не пытались убежать, а продолжали ловит гусей. Состоявшийся суд при-

говорил друзей к одному году тюрьмы.

Через полгода Мишу привезли домой в гробу. Официальное заключение – инфаркт, но все тело Миши было в синяках. Видать перед смертью его долго избивали. Вот теперь Галина поверила, что это действительно возмездие. Это расплата за грехи ее мужа. Может было бы лучше, если бы он отсидел срок за то, что был полицаем? Но тогда, после войны, его вообще не тронули, посчитали, что он, став глухонемым, и так достаточно наказан за неделю службы в полиции. И вот теперь, они уже второго сына хоронят. А что, если на этом не закончится? У Васи ведь уже был один инфаркт. Будущее ее пугало.

Через два года умер Петр. Как-то внезапно. Вроде бы и не жаловался ни на что. Видно это смерть сыновей его подкосила. И Вася чувствовал себя очень плохо. Нужно было как-то спасти хотя бы его. Внуки правда у нее есть, Васина дочь от первого брака, и сын от второго, род не переведется, но не хватало ей еще и третьего сына похоронить. Сходила она за помощью к ворошке, и та посоветовала подложить флакончик с таблетками, которые пьет Вася, в гроб какого ни будь покойника. Тогда покойник унесет Васину болезнь с собой в могилу, или же она перейдет на родственников этого покойника. Вскоре представился подходящий случай, умерла жена двоюродного брата ее мужа. Когда гроб везли на кладбище, она попросилась сесть на машине возле гроба и тихонько подложила в гроб металлический флакончик из-под

таблеток валидола, которые пил Василий. Все сложилось как нельзя лучше, но в последний момент ее план сорвался. Сын покойницы, Виктор, который вынимал на кладбище из гроба цветы и поправлял покрывало перед закрытием крышки гроба, обнаружил этот флакончик и выбросил его. Подозрение в содеянном конечно же сразу упало на нее, ведь именно у ее Васи были проблемы с сердцем. Вторжение в ее ритуал для Виктора безнаказанно конечно же не прошло, у него начались серьезные проблемы с сердцем и его чудом спасли, сделав сложную операцию на сердце, но Васе это не помогло. Его здоровье продолжало ухудшаться.

Через пару лет Галина сама заболела и умерла. Умирая она радовалась уже тому, что ей не пришлось хоронить третьего сына.

После ее смерти Василий прожил еще лет пять, и умер от очередного инфаркта в возрасте шестидесяти семи лет. Ни на какое возмездие или расплату за чужие грехи это конечно же не было похоже, но соседи продолжали придерживаться своей версии. По их мнению, расплата свершилась, умер и тот, на котором был тяжкий грех, и все его ближайшие родственники.

Неправильный выбор

Нина собиралась в кино. Сегодня она дома одна. По случаю воскресенья, да еще и какого-то большого праздника, родители ушли в гости к родственникам на другой конец села. Придут поздно, поэтому Нина получила задание накормить и напоить скотину, прежде чем в кино идти. Но со всем этим она уже справилась. В принципе, домашней работой ее не сильно загружают, хотя после окончания школы она нигде не поступила, и вот уже второй год сидит на шее у родителей. Но это ненадолго, скоро она выйдет замуж, и родители смогут спокойно вздохнуть. Николай, ее жених, сейчас служит в армии. Он отслужил уже больше двух лет, скоро вернется домой, и тогда они поженятся, он ей это обещал. Когда он уходил в армию, она еще в десятом классе училась, а теперь ее не узнать. Наверно Коля удивится, когда ее увидит. Фотографию она ему конечно посылала, но на фото она почему-то получается хуже, чем есть на самом деле. Сейчас она даже сама себе нравится, когда разглядывает себя в зеркало, и подросла, и похорошела. По росту она уже наверно догнала Колю.

Стук в дверь отвлекает ее от этих мыслей. Это наверно Вася, Колин лучший друг. Перед уходом в армию Коля попросил Васю за ней присматривать, чтобы никто из парней ее не обидел, и Вася свято выполняет данное Коле обещание. Вот

уже больше двух лет и в кино, и на танцы они ходят только вместе. И это не только из-за Колиной просьбы. Нина видит, что Васе она тоже очень нравится, он даже предлагал ей не ждать Колю, а выходить за него замуж. В шутку конечно, не может же он отбить невесту у лучшего друга. А может ей и в самом деле выйти замуж за Васю? Все ее подружки уже замужем, а Колю еще семь месяцев ждать. А вдруг он начнет тянуть со свадьбой, или того хуже, передумает на ней жениться. Ведь сколько раз уже было, что девушки ждали, ждали своих женихов из армии, а те приходили, и женились не на них, а на подросших молодых красавицах. Тогда уж лучше за Васю замуж выйти. Он правда теперь, когда она подросла, стал ниже ее ростом, а это не очень здорово. А с другой стороны, они теперь с Васей стали намного ближе, чем были с Колей, с которым они встречались всего полгода, до ухода его в армию. Коля уже больше двух лет где-то далеко, а Вася рядом, такой добрый и внимательный. Даже целоваться как-то пытался, но она его быстренько отшила, пригрозив, что Коле напишет.

– Ты чего не отвечаешь? Стучу, стучу, – появляется на пороге Вася.

– Да так, задумалась.

– Готова? Можем идти?

– Почти, только посуду со стола уберу.

– А я с собой бутылку вина взял, праздник все-таки, выпьем в клубе перед танцами.

– Вася, ну зачем? Будем с горла пить, как алкаши последние, – не одобряет его намерение Нина.

– Ну тогда давай здесь выпьем, пока со стола не убрала. И праздник отметим, и настроение немножко поднимем, – предлагает Вася.

– Ну здесь давай, пока родителей дома нет, – соглашается Нина.

Нарезала хлеба и сала, вытащила из банки пару маринованных огурчиков. Вася открыл бутылку вина и налил в стаканы.

– Ну, за праздник! – произнес Вася наиболее подходящий для данного случая тост, чокнулся с Ниной, и залпом выпил свой стакан вина.

Нина отпила немного, пробуя вино на вкус. Вроде бы ничего, вкусненькое.

– Ну ты чего? Вкусное ведь вино. Не тяни, а то в кино опоздаем, – поторопил ее Вася.

Нина допила вино со своего стакана. Действительно вкусное, и не очень хмельное, даже в голову не ударило. Вася налил еще по одному стакану.

– А теперь давай за тебя, чтобы ты всегда была такой же красивой и счастливой, – предложил новый тост Вася.

– А не многовато будет? – засомневалась Нина.

– Да в нем градусов то почти нет, – успокоил ее Вася. – Или ты не хочешь за свое счастье выпить?

Счастья она конечно же хотела, и можно было за это вы-

пить. Они допили вино и принялись за закуску. В голове у Нины появился легкий туман, но было легко и весело. Слегка закусили, и она встала, чтобы убрать все со стола. Странно, но голова у нее слегка кружилась. Может зря она второй стакан выпила? Сделала шаг от стола и пошатнулась.

– Ты чего? – удивился Вася. – Нам же в кино нужно идти.

– Да ничего, голова немного кружится. На диване немного посижу, и все пройдет, – успокоила его Нина.

Вася заботливо посадил ее на диван и сам сел рядом. Ей было хорошо, и ни в какое кино идти не хотелось. Может ну его, это кино? Ведь можно сразу на танцы пойти, что они не видели в этом кино? И глаза почему-то закрываются, и хочется спать. Чувствовала, что Вася гладит ее руку, но это было ей даже приятно. Очнулась от дремы, когда Вася начал ее целовать.

– Вася, ты чего? – удивилась она такому его поведению.

Но Вася молчал и продолжал целовать дальше.

– Где он так целоваться научился? – неожиданно для себя подумала Нина. – Ведь девушки у него не было.

А его поцелуи ей нравились. И ее губы, как-то неожиданно даже для ее самой, ответили на его поцелуи. А что здесь в принципе плохого? Ну поцелуется она с парнем, ну и что? А Вася ее обнял, гладил по спине, и целовал. Стыдно было самой себе в этом признаться, но это ей тоже нравилось. Молодое тело хотело такой ласки. Но у Васи аппетит разыгрался, и он уже полез не туда, куда нужно. Это ей уже не понра-

вилось.

– Вася, ты обалдел? Ты что делаешь? Прекрати! – грозно, как ей казалось, сказала она. – Коле, что потом скажешь?

– Да зачем тебе этот Коля? Я на тебе женюсь, – сказал Вася, и снова стал ее целовать.

И снова ей было хорошо. Мозг еще сопротивлялся, но тело уже расслабилось и принимало Васины ласки. Да откуда Коля об этом узнает? Вася же не дурак, чтобы ему об этом рассказывать. Ей и самой интересно было, как там дальше будет. Подруги об этом рассказывали, но у нее этого еще ни разу не было. И мозг тоже расслабился и перестал сопротивляться.

Когда Николай вернулся из армии, Нина уже была замужем за Васей, и они ждали ребенка. Все как-то с первого раза получилось. Сначала она хотела оставить все как есть и дожидаться из армии Колю, но живот начал расти очень быстро, и пришлось выходить замуж за Васю. А может оно так и лучше. У Васи зажиточные родители, а у Коли одна мать, и живут они очень бедно. Коля правда умный, с ним было интересно говорить обо всем на свете, но ведь разговорами сыт не будешь. А Вася тракторист, и неплохо зарабатывает.

Вася с Колей встретились только один раз.

– Извини, Коля, так получилось, – сказал тогда Вася.

А с Ниной Коля вообще ни разу не виделся. Дома он пробыл не долго, сразу поступил в какой-то институт в Киеве, и уехал туда учиться. Встретились они лет через десять, когда

Коля приезжал в гости к матери вместе с женой и двумя сыновьями. Он уже был ученым, кандидатом наук, говорил, что пишет докторскую диссертацию. О том, что Нина не дождалась его с армии, он уже не жалел, хотя сначала конечно же страдал и долго не мог ее забыть. А вот Нина теперь сильно пожалела о своем выборе. Ведь на месте его жены могла быть она, и теперь жила бы в Киеве, а не в селе. И не нужно было бы каждый день кормить скотину и убирать навоз. Ну что она видела за Васей, кроме этой скотины. Одна радость, что дочь растет. Ну, допустим, она нигде не работает, и некоторые ей даже завидуют, но ведь у нее и дома работы полно. Вася с ней уже не такой нежный и ласковый, как раньше, только от него и слышишь: подай да принеси. Он растолстел, но не так, как все нормальные мужики, чтобы живот вырос, а как-то буквально весь округлился, за что и получил кличку «огурец». Народ все подмечает, со стороны он действительно похож на толстенький огурчик. Теперь он – Вася Огурец, а ее все зовут Огурцова Нина. Неправильный она тогда выбор сделала. Да и Николай в этом тоже виноват. Если бы он не попросил своего лучшего друга за ней присматривать, то ничего этого и не случилось бы. В вопросах любви нельзя доверять ни лучшим подругам, ни лучшим друзьям. Теперь она это точно знает. Жаль только, что изменить уже ничего нельзя.

Мстительница

Родители Ювко Володи расстарались, на вечеринку по поводу проводов сына в армию собрали гостей как на свадьбу, больше сорока человек. И всех родственников пригласили, даже тех, которые у них в доме никогда и не были, и конечно же Володиных друзей. Несмотря на осень, погода стояла теплая, поэтому два ряда столов поставили в саду, на свежем воздухе. За одним рядом столов расположились пожилые гости, а за другим – молодежь. Нину К. Володя также пригласил на вечеринку, хотя она была на два года моложе его, и не относилась ни к его друзьям, ни к подругам. Скорее всего, ее пригласили как подругу его дальних родственников, с которыми она дружила. Нине недавно исполнилось шестнадцать лет, и она училась в девятом классе, но и по фигуре, и по рассудительности, казалась старше своих лет. Она была девушкой среднего роста, довольно симпатичной и привлекательной. Рядом с ней за столом сел Миша, по кличке Мишуня, сосед Володи, парень, пожалуй, самый видный из всех гостей, высокий, сильный и красивый, с буйной копной вьющихся волос. Он лет на шесть старше Нины и уже отслужил в армии, теперь работал в колхозе шофером. Отца у него не было, жили вдвоем с матерью в старенькой, крытой соломой хатке. Даже забора возле хаты не было, так, какое-то подобие ограды из жердей. Если бы не эта мелочь, то он был бы

завидным женихом, а так сразу было видно, что из парня хозяина не будет.

Нина Мише сразу понравилась, и он не отходил от нее весь вечер. Почему он ее раньше не замечал? Оказывается, совсем рядышком такая симпатичная соседка выросла. Миша всячески старался за ней ухаживать, и вина подливал, и закуски подкладывал, а уж с комплиментами вообще был неиссякаем. Все танцы с ней танцевал только он, больше никого к Нине и близко не подпускал. Нине его ухаживание нравилось. Она даже не предполагала, что парни могут быть такими внимательными. А какие комплименты говорит, разве от ее сверстников такого дождешься? От выпитого вина и комплиментов она была просто на седьмом небе. Как же ей повезло, что за столом он оказался рядом. Это же просто счастье, иметь такого парня. Народ правда о нем отзывался не лучшим образом, но ведь она своими глазами видит, какой он замечательный парень.

Когда Миша ненадолго отлучился, подружки чуть было не испортили Нине все праздничное настроение. Начали рассказывать ей про Мишу всякие гадости, предупреждали, чтобы с ним не связывалась, так как уже не одна девка из-за него горькие слезы проливала.

– Завидуют, – подумала Нина, – а еще подруги. Еще бы не завидовать, ведь она самого красивого парня отхватила, причем без всяких усилий с ее стороны.

А Мишуша похоже в нее влюбился, ни на шаг не отходит

и все в глаза заглядывает, старается угадать каждое ее желание. И опять веселье и танцы до упаду. Миша все время с ней рядом. Как же это приятно, когда за тобой так ухаживают.

Гости начали расходиться поздно, когда уже луна на небе взошла. Миша, конечно же, пошел провожать ее домой, хотя до ее дома было всего триста метров. На перекрестке он предложил Нине погулять еще, ведь стоят последние теплые деньки, да и ночь сегодня такая лунная и чудесная, а выспаться они еще успеют, когда стариками будут. Думать о старости Нине еще не хотелось, она была рада побыть с Мишей подольше.

– А давай на ставок сходим, – предложил Миша, – там сейчас так красиво. Ты, когда ни будь, была ночью на ставке?

Ну конечно же она ночью на ставок никогда не ходила. Что ей там ночью делать?

– Лунную дорожку посмотришь, это такая красота, – расхваливал ночные красоты Миша.

Уходить так далеко от домов Нине конечно же страшно-вато было, мало ли что у него в голове. Но она ведь не дура, неужели она вовремя не заметит, если ситуация начнет выходить из-под контроля. Если что заметит, то убежит, да и постоять за себя она сумеет. Да нет, пустое все это. Не способен он на подлость, вон какой добрый и ласковый, как говорят в народе: «хоть к ране прикладывай». И Нина согласилась на ночную прогулку, они свернули направо и пошли к ставку на Рокиту.

Утром следующего дня гости опять собрались, чтобы уже окончательно проводить Володю в армию. Пришли правда не все, набралось только на один ряд столов. Нина сидела напротив меня. Слезы ручьем текли по ее щекам, и она никак не могла их остановить. Она бросала жалостливые взгляды в сторону Мишуну, сидящего на другом конце столов и делающего вид, что Нину он вообще не знает. Да, не зря подружки её предупреждали, и зря она им не поверила. Каким же козлом оказался этот Миша! А таким добреньким прикидывался.

Я догадывался о том, что случилось, да и не только я, это понимали все сидящие за столом. Нина была моей соседкой, с которой мы были знакомы с детства, и мне было ее очень жалко. У людей очень злые языки, и через пару дней об этом будет знать половина села. После этого, выйти в селе замуж за нормального парня, ей будет невозможно. А как к этому отнесутся ее родители?

Ее родители построили дом на нашей улице сравнительно недавно, лет восемь назад. Место выбрали не самое удачное, не доходя десятка метров до знаменитой рудки возле Коли Грека. Раньше на этом месте были только огороды, так как еще осенью, в период дождей, низ этих огородов всегда затапливался. Зимой эта вода замерзала, и детишки с удовольствием катались на этом безопасном катке, так как глубина там была не более сорока сантиметров. Родители Нины были не очень общительны. Мать была домохозяйкой, а где рабо-

тал ее отец, я даже не знаю. В отличие от родителей, Нина была очень общительной. Она дружила с моими соседками Олей и Ниной, и со мной, и с моей сестрой Аллой. В детские игры мы всегда играли вместе, но играли или в нашем дворе, или во дворе Оли и Нины. Я об этом тогда не задумывался, но во дворе у Нины К. мы никогда не играли. Заходили иногда к ним во двор, чтобы позвать Нину играть, но дальше калитки не проходили. А у них в доме никто из нас вообще никогда не был. Я не знаю точно, но наверно ей запрещали приводить в дом своих друзей.

О происшедшем родителям Нина конечно же ничего не сказала, и от соседей они об этом ничего не узнали, так как соседи к ним в дом не ходили. Тяжелого объяснения с родителями ей удалось избежать, и все было бы хорошо, если бы не начал расти живот.

Когда начал расти живот, Нина сходила к Мишуне поговорить, но он ничего и слушать не хотел.

– Да таких как ты у меня десятков наберется. Не могу же я на всех жениться, я ведь не мусульманин какой-то, – философствовал он.

– Так ведь ребеночек будет, – пыталась разжалобить его Нина.

– Это твои проблемы, ну аборт, что ли сделай. Ну куда я тебя приведу, сама подумай, в эту развалюху? – говорил он, показывая на свою хатку. – Чтобы и тебя и мать придавило, когда она завалится? Мне сначала нужно новую хату постро-

ить, а потом уже жениться.

Нина ушла ни с чем. Придется все рассказать родителям. Но как это стыдно будет сделать, особенно перед отцом. Разговор с родителями она все откладывала, протянула еще две недели, а потом рассказала все матери. Та была в шоке. От своей умной и рассудительной дочери такого она никак не ожидала. Узнавший эту новость отец кричал на Нину весь вечер: «Ты что, дура? Как ты могла с ним связаться? Про его происхождения ведь все село знает. Ты что, ни разу об этом не слышала?» Ну конечно же она об этом слышала, но не поверила. Встал вопрос, что делать дальше? Им такой зять, а Нине муж и даром не нужен, поэтому о свадьбе и речи быть не может. Оставалось сделать аборт, чтобы дочь нормально школу закончила, и забыть все, как страшный сон. Нина в душе еще лелеяла надежду, что Мишуня на ней все-таки женится, но родители об этом и слышать не хотели. А дальше в ход этой истории вмешалась сама судьба. Зимой Мишуня кого-то машиной сбил насмерть и сел на семь лет. Его мать умерла, когда он сидел в тюрьме, и оставшаяся без присмотра хатка действительно завалилась. Больше о Мишуне Нина ничего не слышала, но злость и на него, и на всех таких как он мужиков в ее душе осталась.

После окончания школы Нина связалась с каким-то женатым мужиком, который поселился с ней в доме ее родителей. Соседи не понимали, почему на это равнодушно смотрят ее родители? Частенько к их дому приходила жена этого

мужика, привозя маленького ребеночка на санках, и просила Нину не разрушать их семью, но Нина была безжалостна. Слезы этой женщины ее абсолютно не трогали. Заставив мужика развестись с женой, она его выгнала, и привела домой другого. И опять к дому Нины приходила женщина, везя в коляске девочку.

– Опять эта женщина пришла, – говорила соседка.

– Это не та, это другая, – говорила другая соседка. – У той был мальчик.

Соседи удивлялись, ну как из такой хорошей и миленькой девушки такая стерва выросла? Но Нина себя стервой не считала. Она мстила этим похотливым козлам и за себя, и за других поруганных ими девушек, которым они сломали жизнь. Нина развела и эту семью, и опять выгнала разведенного мужика. Ей уже нечего было терять, и она продолжала им мстить. Сколько так продолжалось, я не знаю. Я уехал из села и очень долго мы с Ниной не виделись.

Через сорок лет после выпуска со школы, я впервые попал на встречу выпускников нашего класса. Мы собрались в помещении нашего класса, в котором учились два года. Здесь я увидел и Нину К. Она просто сидела за одним из столов и слушала наши рассказы о своей жизни за прошедшие сорок лет. Она сильно постарела, и сидела очень грустная. Что она здесь делала было не совсем понятно, ведь она была на два года младше нас, и к нашему классу никакого отношения не имела. Я подсел к ней и спросил о ее жизни за это время.

Увидев меня она обрадовалась, но рассказывать о своей жизни Нине явно не хотелось, узнал только, что она была замужем, но детей не было, теперь опять одна.

Через пять лет, на следующей встрече выпускников, я узнал, что Нина умерла.

Мария

Мария проснулась от холода. Провела рукой по постели. Михаила рядом не было. Проспала, что ли? В хате еще темно, и за окнами ненамного светлее. Сколько же сейчас времени? Будильник стоит на столе, и чтобы посмотреть время, нужно еще дойти до стола, а вылезать из-под одеяла в такой холод совсем не хочется. Вчера вечером муж предлагал протопить на ночь печку, чтобы ночью теплее было, но она сказала, что не нужно, мороз не очень сильный. Зря она не согласилась. В ногах, свернувшись калачиком, лежит рыжий кот Васька. Ему наверно тоже холодно. Сделав над собой усилие, Мария встает и подходит к столу. Будильник показывает без пяти минут шесть. Ничего она не проспала. Муж то чего вскочил в такую рань? Ему чего не спиться? Или никак не может привыкнуть к тому, что он уже на пенсии и на работу идти не нужно? Если бы он не ушел, то она, может быть, и не замерзла бы. Мария берет с вешалки тулуп мужа, опять залазит под одеяло и сверху накрывается тулупом. Попробует немного согреться, а потом уже и вставать будет. Торопиться ей некуда, в хозяйстве у них только поросенок и куры, покормить их она еще успеет, а на работу в колхоз она уже давно не ходит. Теперь им уже дети помогают. Они живут в Киеве, у них свои семьи, а дома они с мужем остались вдвоем.

Детей у нее двое, близняшки – Сережа и Нина. Сережа считается старшеньким, тогда, в сорок первом, он родился первым. Почему-то вспомнилась страшная зима сорок третьего года, наверно это от холода, из-за того, что она замерзла. Тогда тоже было очень холодно.

Мужа забрали на фронт в первые дни войны, и она осталась одна с двумя младенцами на руках, а через три месяца в село пришли немцы. Первую зиму они пережили нормально, хватило и продуктов, и заготовленных мужем дров, а вот на вторую зиму пришлось очень туго. Весной сорок второго, она часть огорода лопатой вскопала и немного картошки посадила, а вот дров на зиму, ей заготовить не удалось. Вторую зиму жили впроголодь. Своей картошки хватило только до Нового года, потом пыталась заниматься у соседей. Сначала давали, жалко им было деток маленьких, но потом перестали, самим стало есть нечего. Удалось правда договориться, что будут ей отдавать картофельные очистки. И на том им спасибо. На этих очистках и продержалась она с детишками до начала марта. А в марте уже и очистки редко кто отдавал. А с дровами тогда совсем беда была. За зиму она сожгла весь свой плетень, и ворота, и калитку. Вокруг дома больше никакой изгороди не было и сжигать больше было нечего. Те, у кого остались мужчины, в смысле деда и подростки, разбирали заброшенный колхозный коровник, и бревна таскали домой, но куда ей одной бревно притащить. Оставалось только ходить в лес за хворостом. До ближнего, бывше-

го колхозного леса, всего километр, но там нет хвороста, это сосновый лес, а те немногие палки и сучья, которые упали с деревьев, уже давно подобрали. Ближайший лиственный лес, тоже бывший колхозный, – это ольховник, но до него от дома больше трех километров. Одно хорошо, ветки там растут низко, и ольха легко ломается, не нужно с собой топор брать, и без него тяжело вязанку дров нести. Да и много ли на себе принесешь, максимум на три раза кое как протопить печь хватает. В ту зиму только три раза в лес и сходила, уж больно тяжело туда по глубокому снегу ходить, последний раз думала, что домой вообще не дойдет.

А весной стало еще хуже. Детки по нескольку дней оставались голодными, просили кушать. А что она могла им дать? Иногда что-то удавалось выпросить у соседей, но они теперь делились едой редко, сами голодали. А детки жаловались: «Мама, животик болит. Дай покушать». Скоро они умрут на ее глазах, и она не сможет спасти их от голодной смерти. Тогда то она и решила отвести их в лес.

– Ну, что? Проснулась? – возвращает ее в действительность голос мужа, принесшего в хату охапку дров. – Замерзла небось? Иди, печку растапливай. А я ведь предлагал с вечера ее протопить.

Мария встает и одевается. Чтобы не замерзнуть, пока хата нагреется, надевает еще и жилетку. Странное дело, но жилетка не хочет застегиваться. Растолстела она, что ли? Всю жизнь, сколько себя помнит, была худющей-худющей, а тут

живот начал выпирать. Это наверно от климакса. Ей уже сорок пять лет, и у нее, как она понимает, начинается климакс, месячных уже три месяца нет. Нужно бы конечно сходить в больницу и провериться, мало ли, что. Сейчас столько людей от рака помирает. Не дай бог, и у нее там какая ни будь опухоль. Ничего правда не болит, но лучше провериться.

Через неделю она, все-таки, выбралась в поликлинику. Здесь все как всегда – прежде чем направить к нужному врачу, всем измеряют температуру, и для женщин обязательный осмотр у гинеколога, иначе их туда не загонишь. Молоденькая врачиха осмотрела и Марию.

– Женщина, да Вы беременны, – ошарашивает она Марию.

Хорошо, что в это время Мария еще лежала на кресле, иначе она бы упала. Ну как она может быть беременной? Мужу уже шестьдесят один год. В постели они иногда еще встречаются, но уже давно не предохраняются, и ничего такого не могло случиться. Стыд то какой! Что соседи скажут? Бабка забеременела? Грустная пошла домой. А перед детьми как неудобно будет. Сказать то они ничего не скажут, они у нее оба глухонемые. А глухонемыми они стали по ее вине. Тяжкий грех на ней лежит. Вот как раз проходит она мимо церкви, зайти бы помолиться, но церковь теперь не действующая, там теперь продовольственный склад, и крест с колокольни сняли.

И снова мысли уносят ее в март далекого сорок третьего

года. Детишки, плакали, жаловались на боль в животиках и просили кушать, но кушать было нечего. Она оббегала всех соседей, прося дать ей хоть корочку хлеба, хотя бы одну картошинку, но никто ей ничего не дал. В хате было холодно, и топить ее было нечем. И рассудок у нее как будто помутился. Она потеплее одела своих двухлетних детишек и повела в лес. В поле снег уже почти растаял, и идти им было легко. Она обещала показать им в лесу птичек, и дети притихли, перестали плакать, и на боль в животиках не жаловались. Зашли в колхозный сосновый лес. Здесь еще лежали остатки снега, но птички уже пели. Чирикали воробьи, и прыгали с ветки на ветку синички. Скоро весна, и тогда будет легче, но она точно знала, что дети до этого не доживут. Их ждет страшная голодная смерть. Нет, только не это. От такой участи она их спасет. Она слышала, что когда человек замерзает, то боли не чувствует, он просто засыпает, и все. Вот так же и ее детишки, уснут, и не проснутся. И никакой боли больше не будут чувствовать. По ночам еще до десяти градусов мороза держится, для ее детишек как раз хорошо будет, сильного холода они не почувствуют.

Прошли маленький колхозный лесок, перешли через дорогу, которая ведет на Хомино, и зашли в большой бор. Этот лес тянется аж до Чернигова. Час они шли в глубь леса, пока не вышли на лесную дорогу.

– Детки, возьмитесь за ручки, и идите по этой дороге, а я вас скоро догоню. И ничего не бойтесь, – сказала она детям.

Когда дети отошли, она услышала, как гудит бор. Поднялся сильный ветер и верхушки сосен сильно раскачивало из стороны в сторону. Оттуда этот гул и доносился. Ей самой стало страшно от этого гула. А как же дети? Они ведь тоже испугаются и будут плакать. Она догнала детей, разорвала подкладку своей фуфайки и вытащила из-под нее немного ваты. Запихнула ее детям в ушки. Все, теперь они не будут бояться. Отправила детей дальше идти по лесной дороге, а сама убежала домой. Сердце ее разрывалось от горя, но больше ничего для них она не могла сделать.

Дома она не находила себе места. Наступила ночь, но уснуть она не могла. Где-то залаяла собака.

– Волки! Там ведь могут быть волки! Как же она об этом не подумала? – пронзила ее внезапно страшная мысль. – Нужно срочно спасать деток.

Она набросила фуфайку и побежала в лес.

Детей она нашла только утром, когда уже совсем отчаялась их найти. Хорошо еще, что на дороге их оставила, если бы они среди леса остались, то она бы их никогда не нашла. Они, держась за ручки, сидели под сосной и тихонько плакали. Мария кинулась их обнимать и целовать в холодные щечки, стараясь согреть. Как хорошо, что мороза не было, и они не замерзли насмерть.

– Вам холодно? Вы сильно замерзли? – спрашивала она детей, но дети смотрели на нее и молчали.

Они ведь ее не слышат, сообразила она. Вынула вату из

ушей детей и повторила вопрос, но дети по-прежнему молчали.

Что это с ними? Почему они ей не отвечают? Может обиделись на нее? Так еще ведь слишком маленькие, чтобы что-то понимать. Повела детей домой. Впереди на снег упало что-то черное. Когда подошли ближе, Мария увидела, что это окровавленная ворона. Видимо коршун или ястребок сбил ее на лету, но не успел подхватить, и уронил. Это было их спасение. Теперь она сможет накормить детей бульоном.

В селе скрыть что-то от людей просто невозможно. Через пару дней уже вся улица знала, что ее дети, наверно, провели ночь в лесу, так как вечером она шла с детьми в лес, а утром шла с ними обратно. Некоторые, не особенно деликатные, прямо спрашивали ее об этом, но Мария все отрицала, вот только никак не могла людям объяснить, почему ее дети вдруг перестали разговаривать. Было это загадкой и для самой Марии. Скорее всего в лесу они чего-то очень сильно испугались. Они не только не разговаривали, как выяснила Мария, они еще ничего и не слышали. Они глухонемые. Но сколько бы она не отрицала, что не хотела избавиться от детей, люди остались при своем мнении. Это и помогло детям выжить. Теперь люди давали ей для детей что ни будь из еды. Муж об этом ничего не знает, она не стала ему об этом рассказывать, когда он вернулся домой. Соседи ему конечно рассказали о своих догадках, но он им не поверил, не такая у него жена, чтобы навредить собственным детям. А она жила

с этим тяжким грехом всю жизнь.

Теперь эта слишком поздняя беременность. Как к этому Михаил отнесется?

Но муж к этой неожиданной новости отнесся нормально. Нельзя сказать, что это его сильно обрадовало, но он и не расстроился, все принял как должное. Ведь не одна же жена в этом виновата, он ведь тоже поучаствовал.

Через полгода Мария родила здорового мальчика, которого назвали Колей. Мария была просто счастлива, у Коли не было никаких проблем ни с речью, ни со слухом. И она благодарила Бога за это счастье. Не зря она часами стояла на коленях перед иконами и молилась, просила Бога простить ей ее тяжкий грех, а еще просила, чтобы ребеночек родился здоровым, чтобы Бог не наказывал его за ее грехи. Наверно ее молитвы дошли до Бога. У нее растет еще один здоровый сын, и ей хотелось верить, что Бог простил ей ее тяжкий грех.

Юра

Мы с женой ехали к первому месту моей службы, в поселок Бершеть Пермского края. Ехали налегке, с собой только два небольших чемодана с самыми необходимыми вещами, все остальное поместилось в трех тонный контейнер. А из всего остального у нас только диван-кровать, стол-книжка, два стула и кухонный стол-тумбочка. Вот и все богатство. В Москве сделали пересадку на Пермский поезд. В купе уже сидела симпатичная, невысокого роста женщина.

– Эльвира Петровна, – представилась женщина. – Вы до Перми?

– Да, до Перми, – сказал я, и мы тоже представились.

– Это хорошо, я тоже до Перми. Не люблю, когда попутчики часто меняются, лучше с одними до конца ехать. Хорошо, если и четвертый пассажир будет до конца ехать, – высказала свои предпочтения Эльвира Петровна.

Соседка оказалась словоохотливой. Через пару часов мы уже знали, что она едет к сыну Юре, чтобы помочь ему устроиться на новом месте. Юра закончил военное училище и получил назначение в Пермь. К месту службы поедет пока один, а когда получит квартиру и обустроится, тогда и жену заберет. Сам он вряд ли сумеет быстро получить квартиру, поэтому она и едет. Она сама ходит на прием к командиру дивизии и попробует пробить для сына квартиру. Они с му-

жем не хотели, чтобы сын стал военным. Муж у нее уважаемый в Харькове человек, и хотел, чтобы Юра пошел по его стопам, чтобы была своя династия, но сын их не послушался. Теперь же деваться некуда, нужно помочь ему устроиться на новом месте.

Узнали также, что недавно ее муж пытался завести себе любовницу. Подозрение по этому поводу у нее появилось, когда она случайно обнаружила в кармане у мужа трамвайный билет. Куда он мог ездить на трамвае? У него ведь своя «Волга» с личным водителем. Значит не хотел, чтобы даже водитель знал об этой поездке. Эльвира Петровна съездила в трамвайный парк и выяснила, на какой маршрут выдавались билеты с такими номерами. На этом маршруте ее мужу совсем нечего было делать. Значит точно любовница. Эльвира Петровна строго поговорила с мужем, пообещав кое-что ему отрезать, если он и дальше будет туда ездить, и теперь была абсолютно уверена, что любовницы у мужа больше нет.

В Перми мы не сразу нашли наш автобус на Бершеть, а когда купили билеты и сели в него, то опять увидели нашу знакомую Эльвиру Петровну.

– И Вы здесь? – удивился я. Вы же говорили, что Юра будет в Перми служить.

– Ну это я примерно место назвала.

– А какая у Юры фамилия? – поинтересовался я.

– Гармашов.

– Так я знаю Вашего сына, мы с ним вместе учились.

Юра был высокий, широкоплечий и сильный парень, весом под сто двадцать килограмм, к тому же еще и красивый. Я почему-то подумал, что, при поддержке таких родителей, ему прямая дорога в генералы. Не знаю, кто у него отец, но видать шишка не маленькая, раз у него личная «Волга» с водителем.

Помощь матери в выбивании квартиры, Юре, скорее всего, не понадобилась. Мне, да и многим другим моим знакомым, ключи от квартир выдали на следующий день после приезда, сразу после представления командиру дивизии. Разве что эта пробивная женщина успела сходить на прием к командиру дивизии прямо в день приезда.

Юра был назначен в первый полк, третьим номером боевого расчета. Через месяц подготовки спокойно сдал зачеты на допуск к боевому дежурству, и стал дежурить. Ему все нравилось. На боевом дежурстве ему практически ничего не нужно было делать. Он отвечал за средства связи полка, которые отказывали очень редко. При заступлении на дежурство, нужно было проверить их исходное состояние, а потом, только пару раз в сутки, нужно сменить рабочие частоты на радиоприемниках. Все остальное время сиди себе и балдей. Даже к периодически проводимым тренировкам его привлекали крайне редко, если только нужно было установить радиорелейную связь с дивизией. В общем, не жизнь, а малина. Подчиненных у него нет, отвечает только за себя. И дома все нормально. Жена Нина у него красавица, с личиком

как у куклы, все мужики засматриваются. Вот только пойти в городке некуда, только в кино, в дом офицеров, или на танцы. Сходил пару раз в местный ресторан, расположенный на первом этаже гостиницы, но на входе в этот ресторан постоянно стоит патруль, и кажется, что они смотрят тебе в рот, и записывают, сколько рюмок водки ты выпил. Очень неприятное ощущение. Поэтому Юра туда больше не ходил. Лучше иногда, в выходной, съездить в Пермь, и там спокойно посидеть в ресторане.

Полгода прошли нормально, а потом начались летние отпуска. Расчеты по очереди уходили в отпуск, и за них нужно было дежурить, причем не только на боевом дежурстве, а и дежурным по полку. Если зимой дежурным по полку он ходил один раз в месяц, то теперь приходилось ходить три раза. И промежутки между заступлениями на боевое дежурство значительно сократились. В общем, времени на личную жизнь совсем не осталось, и в ресторан в Пермь он больше не ездил. И то безделье на боевом дежурстве, которое ему раньше так нравилось, теперь перестало нравиться. Тоска смертная в эти три или четыре дня дежурства, хоть волком вой. Ничего на дежурстве не делаешь, а после смены с дежурства чувствуешь себя таким разбитым, как будто каждый день ямы копал. А на следующий день после смены, совсем не отдохнув, нужно заступать дежурным по полку. И вырваться из этого круговорота невозможно будет. Ну станет он со временем вторым номером, потом первым, но ведь от

этого ничего не изменится. Дальше будет такая же карусель: боевое дежурство, дежурство по полку, подготовка к дежурству, и опять боевое дежурство. Никакой личной жизни. И все это будет продолжаться аж до ухода на пенсию. Ну зачем ему такая жизнь? Разве такой он представлял себе жизнь офицера? Где рестораны? Где красивые женщины? Да на все это просто времени нет. Зря он в свое время отца не послушался, ведь тот предупреждал, что в армии далеко не мед. Но Юра даже представить себе не мог, что все окажется так плохо. Нужно как-то из этого выбираться. Юра потихоньку начал интересоваться, как можно уволиться из армии. Все оказалось очень плохо, было только два пути к увольнению: по здоровью, и по дискредитации офицерского звания. Уволиться по здоровью Юра не мог, с его здоровьем в космос можно было лететь. Оставалось увольнение по дискредитации. И Юра начал работать в этом направлении.

Как-то вечером, Юра пошел в местный ресторан без жены. Там он изрядно выпил, а когда дело дошло до расчета, обвинил официантку в неправильном расчете, перевернул стол и побил посуду, после чего, дежуривший у входа патруль, отвел его на гауптвахту. Но утром его отпустили. Командир полка объявил ему выговор, но увольнять его никто не собирался. Видать нужно было что ни будь покруче устроить. Через неделю Юра не пришел заступать на боевое дежурство. Жена сказала, что вечером от уехал в Пермь, и обратно еще не приехал. Для командира полка это был кош-

мар, такого еще никогда не было. Нужно было срочно искать кем заменить отсутствующего, и переделывать приказ о заступлении на боевое дежурство. Юра вернулся только через день, с сильным запахом спиртного, и предложил командиру полка уволить его из армии. На этот раз командир полка объявил ему строгий выговор. Расстроенный Юра ушел домой, отоспался, а вечером пошел в ресторан. Там он опять напился и увязался за какими-то женщинами, проживавшими в гостинице, однако в гостиницу его не пустили, так как уже было поздно. Пьяный Юра решил прорваться силой, но три женщины, дежурные по гостинице, перегородили ему дорогу и наверх не пускали. И тут Юра увидел коробку с куриными яйцами, стоявшую на стойке администратора. Он взял яйцо, прицелился, и запустил в одну из женщин. Промахнулся, яйцо пролетело мимо и разбилось на лестнице. Юра взял второе яйцо, прицелился и метнул его в другую женщину. На этот раз удачно, яйцо попало женщине в голову, правда не той, в которую он целился. Но все равно хорошо, Юра аж запрыгал от радости. Теперь он брал яйца из коробки и бросал их в женщин практически не целясь. Когда в гостиницу прибыл патруль, три десятка яиц были полностью израсходованы. Юру опять отвели на гауптвахту, на этот раз он отсидел там пять суток.

Нине поступок Юры не понравился. Не понравилось не то, что он в гостинице яйцами бросался, это не страшно, а то, что он туда к каким-то бабам в гостиницу поперся. По-

сле этого в окне Юриной квартиры начала периодически появляться голая кукла. Не подумайте, чего ни будь плохого, просто детская игрушка, но раздетая. Злые языки утверждали, что игрушка появляется именно в те дни, когда Юра находится на боевом дежурстве.

А Юра продолжил борьбу за свое освобождение от армии. Он начал пить больше обычного и приходил на работу с запахом спиртного. Но и это не помогало, командиры упорно не хотели увольнять его из армии. И Юра пошел на крайнюю меру, он развелся с женой, и она уехала в Харьков. По этому поводу были разные мнения. Одни говорили, что это чисто фиктивный развод, и они снова поженятся, как только Юра уволится из армии. Другие утверждали, что Нину окончательно достали его постоянные пьянки и гулянки с другими женщинами. Она просто не выдержала такой жизни, бросила мужа и уехала, чтобы не видеть всего этого, ведь, по сути, вот уже два года Юра издевался не только над командирами, но и над ней. Как бы там ни было, он развелся, но командование на это вообще никак не отреагировало. На эту тему с ним даже замполит не поговорил. Ну где это видано, чтобы командиры так относились к разрушенной ячейке общества. А ведь должны были вызвать его на собрание офицеров и там проработывать. Ну хотя бы на комсомольском собрании рассмотрели его поведение. Юра был возмущен до глубины души. Он сам подошел к замполиту и попытался поговорить с ним на эту тему, но тот только отмахнулся, посоветовав

самому решать свои проблемы. Он Юру явно не так понял, видно решил, что Юра хочет от него какой-то помощи. И тут не прокатило.

Нужно было придумать что-то новое, и Юра придумал. Он улетел в Харьков, и вернулся в часть только на десятый день. Здесь был очень тонкий расчет, нужно было не превысить десять дней, в противном случае, уже наступает уголовная ответственность. А так Юру всего лишь посадили на гауптвахту на пять суток. Это даже полезно, нужно было отоспаться после бурно проведенных в Харькове дней. И опять пошли будни. Ни со стороны командира полка, ни со стороны замполита никаких попыток его перевоспитывать. Даже служебное несоответствие не объявили. Юра был глубоко разочарован в своих командирах. Через пару месяцев Юра опять предпринял попытку своей дискредитации. Он опять улетел в Харьков и отрывался там по полной девять дней, а на десятый прилетел в Пермь. На этот раз он отправил командиру полка телеграмму: «Прилетаю рейсом №, дата и время прилета. Встречайте машиной аэропорту денег на автобус нет Гармашов». Эту телеграмму командир полка воспринял конечно же как издевательство, но машину с одним из своих заместителей, в аэропорт послал. Из аэропорта Юру привезли сразу на гауптвахту, где он опять отсидел пять суток, а после гауптвахты ему наконец-то сообщили радостную новость. Это было долгожданное предупреждение о неполном служебном соответствии. Наконец-то он их до-

стал! Может уже недолго мучиться осталось. Но, несмотря на то, что Юра продолжал пьянствовать и дебоширить, никаких мер воспитательного воздействия к нему не применяли. Похоже, что они готовы были терпеть его таким еще много лет. Ну что делать? Кажется, он уже все испробовал. Как заставить их его уволить? Нужно придумать что-то новое. И он придумал.

Юра бросил пить и дебоширить. За месяц он не получил ни одного замечания. Командиры нарадоваться не могли, наблюдая, как он исправляется. Как-то вечером, он пришел к замполиту полка с бутылкой коньяка и попросил его выслушать. Замполит к его визиту отнесся весьма настороженно, подозревая какую ни будь провокацию, но Юра растопил его настороженность, сказав, что пришел к нему как к отцу, больше ему не с кем поговорить. Пить с Юрой замполит не стал, но поговорили они очень душевно. Юра очень искренне сожалел о своем прошлом поведении и обещал исправиться. Убедил замполита, что вся эта дурь из него перла от скуки, но теперь, потеряв жену, он повзрослел, и больше никаких глупостей делать не будет. Сделает все от него зависящее, чтобы никаких претензий к нему не было. Замполит был потрясен таким раскаянием. Прошло еще два месяца, а к Юре вообще никаких претензий нет, ни дать, ни взять – передовой офицер, на которого остальным нужно равняться. А Юра пошел еще дальше, он решил стать кандидатом в члены КПСС. И замполит, и даже командир полка с удо-

вольствием дали ему рекомендации. Провели партсобрание и единогласно приняли его кандидатом в члены КПСС. Все были просто счастливы, ведь как, буквально за три месяца, изменился человек. Юра вообще светился от радости, таким счастливым его еще никогда не видели.

А на следующий день счастливый Юра опять улетел в Харьков. Обрато он, как обычно, вернулся на десятый день, и опять прислал телеграмму командиру полка, но на этот раз в аэропорту его никто не встретил. За время его отсутствия он был уволен из рядов Вооруженных Сил СССР, за дискретизацию звания офицера. Наконец-то он добился своего.

Юра уехал в Харьков и больше мы с ним не встречались. О том, как дальше сложилась его судьба, я тоже ничего не слышал. Лет через пятнадцать после этого, когда я уже был преподавателем Серпуховского училища, наш одноклассник Игорь Николаев собрал нас в Москве на поминки нашего начальника курса Гетманенко Александра Васильевича. В кафе, на отдельном столике, стояла большая фотография Александра Васильевича, а рядом с ней небольшие фотографии наших, умерших к этому времени, товарищей. Среди них я увидел и фотографию Юры Гармашова. У меня был шок. Как же так? Что случилось? Ведь здоровье у него было, как у космонавта. Спросил про Юру у ребят. Оказывается, после увольнения из армии Юра, как и его отец, работал рубщиком мяса на одном из рынков Харькова. И тоже был уважаемым человеком. Однако, пристрастие к выпивке в тот

период, когда он хотел уволиться из армии, не прошло бесследно. В новой жизни он уже не смог остановиться, водка его и сгубила. Но тут винить некого, свою судьбу он выбрал сам, и упорно за это боролся. А стоило ли?

Роберт

Наконец-то этот день закончился. С выезда успели вернуться до ужина. Сегодня мои солдаты опять остались без обеда, так пусть хоть поужинают нормально. Уже полгода, как моих солдат в полках не кормят. Ссылаются на кокой-то новый приказ Министра Обороны, запрещающий кормить не стоящих не довольствии солдат. Раньше, когда мы приезжали в полк для устранения неисправности, кормили не только солдат, но и меня, а теперь даже солдат не кормят. А поскольку на устранение неисправностей мы выезжаем почти каждый день, то в обед они, почти всегда, остаются голодными. Сегодня весь день работали в двенадцатом полку, монтировали двухканальную аппаратуру уплотнения, чтобы обеспечить этому старому полку обходные резервные каналы связи. Работа вроде бы и не сложная, но целый день провозились. И ребята устали, и я устал как черт. У нас такой восьмичасовой рабочий день получается: с восьми часов утра, и до восьми часов вечера. Сейчас приду домой, поужинаю, немного посмотрю телевизор и спать. Завтра опять к восьми часам утра нужно быть в подразделении.

Дома, уже с порога, жена сообщает новость: «А тебе звонили».

– Кто звонил? – не понимаю я. – Я только-что в подразделении был.

– Дежурный по связи звонил, просил перезвонить ему, как придешь.

Странно, с чего бы это дежурному по связи напрямую звонить мне, они обычно всю информацию передают через нашего дежурного по ОЭРГ. Может мы с ребятами что-то в двенадцатом полку нахимичили, пока там аппаратуру устанавливали? Звоню дежурному по связи.

– Привет! Что, проблемы в двенадцатом? – спрашиваю его.

– Да нет. Проблемы в пятом. Нет связи ни с одним караулом, ни телефонной, ни громкоговорящей. На «Радиусе» все кнопки загораются нормально, а связи никакой нет. И твоего Транина нигде найти не можем.

Почему собственно «моего» Транина? Он мой командир, а не подчиненный. Это я «его» подчиненный. Значит неисправность аппаратуры «Радиус-С». Аппаратура очень ненадежная, и с ней всегда очень много проблем. На ней обычно отказывают отдельные кнопки. В каждой кнопке стоит пять микропереключателей, которые все время и выходят со строя. При выходе со строя любого из пяти микропереключателей приходится менять всю кнопку. А это не так просто, для этого нужно перепаять пятнадцать проводов. Главное при запайке новой кнопки, провода не перепутать. Но здесь что-то другое. Такого еще никогда не было, чтобы все связи пропали одновременно. А отсутствие связи с десятью караулами, которые охраняют пусковые установки, это не шутка.

Придется ехать в полк ночью. Вот и отдохнул, и телевизор посмотрел. А ехать ой как не хочется. Туда только добираться будешь три часа. Да еще пока выезд машины из автопарка оформишь. С ума сойдешь, пока этот ночной выезд согласишься. Как же не хочется ехать.

– А Роберт там случайно не дежурит? – спрашиваю я дежурного по связи.

Роберт – это, на мой взгляд, лучший третий номер боевого расчета в дивизии, Роберт Скляр, который как раз и служит в пятом полку. Он радиолобитель, и поэтому мог бы мне помочь разобраться с этой неисправностью.

– Как раз он сейчас и дежурит, – ответил дежурный.

Прекрасно, по крайней мере, на командном пункте полка дежурит человек, которому можно задавать конкретные вопросы, надеясь получить на них такие же конкретные ответы. Звоню в полк. В трубке слышится грустный голос командира дежурных сил.

– Это Шлома, – представляюсь я.

В трубке слышен вздох облегчения.

– Как хорошо, что тебя нашли. Приезжай скорей, тут полный завал, ни с одним караулом связи нет. На тебя вся надежда.

– А Роберт далеко? – спрашиваю я.

– Рядом стоит.

– Тогда дайте ему трубку.

– Роберт, привет! У тебя ключи от каптерки ЗНШ по свя-

зи есть?

– Есть.

– А тестер у тебя тоже есть?

– Есть.

– Пошли кого ни будь в каптерку, пусть принесут тебе ЗИП от «Радиуса».

– А ты приедешь?

– Да вот хочу сначала тобой по телефону поруководить, но если не получится, то придется ехать.

– А как же ты будешь руководить без схемы?

– Да я ее уже почти всю наизусть помню.

Через некоторое время Роберт мне перезвонил и сообщил, что ЗИП ему принесли.

– Тогда выключай аппаратуру, доставай из ЗИПа ремонтный шланг и подключи третью плату через шланг.

– Подключил.

– Включи аппаратуру и замерь напряжение на плате в контрольных точках КТ1, КТ2 и КТ3.

– В КТ1 – 27 вольт, В КТ2 12 вольт, а в КТ3 ничего нет.

– Понятно, пять вольт пропали. От них питается микрофонный усилитель и предварительные усилители телефонных каналов. Поэтому ни с кем связи и нет. Давай будем искать. Посмотри, там слева в углу должен быть преобразователь на пять вольт. Замерь напряжение на его выходе.

– Пять вольт есть.

А дальше пошел поиск неисправности по цепи этих пя-

ти вольт. Результат поиска был для меня абсолютно неожиданным, напряжение пять вольт пропадало после дросселя. Дроссель, что ли, сгорел? Но такого быть не может.

– Роберт, отключи аппаратуру и прозвони дроссель.

– Дроссель не звонится.

Значит все-таки дроссель виноват. Что же могло с ним случиться? Там ведь, кроме намотанного на сердечник провода, ничего нет. Сам провод сгорел, что ли? Но это практически невозможно. И тут я вспоминаю, что видел в ЗИП «Радиуса» этот дроссель. Я тогда еще удивился, зачем его заложили в ЗИП, ведь вероятность выхода его со строя практически равна нулю. И надо же такому случиться, что у нас произошло практически невероятное событие. Хотя это еще не факт. Окончательно это станет понятным только тогда, когда заменим дроссель.

– Роберт, а у тебя паяльник есть? – со страхом спрашиваю я, ведь если паяльника нет, то мне придется к ним ехать.

– Есть, – слышу в трубке, и чувствую, как радость заполняет буквально все мое тело.

– У тебя в ЗИПе есть этот дроссель, перепаяй его.

– Перепаял, все заработало.

– Спасибо, Роберт. Ты даже не представляешь, как мне не хотелось к вам ехать, и как ты меня выручил.

Я посмотрел на часы. Неисправность мы устранили за два часа. Если бы я собрался к ним ехать, то еще и с автопарка не выехал бы. Как же мне повезло, что Роберт на дежурстве

оказался. Ни с кем другим такой фокус не прошел бы.

После этого была проверка дивизии Главкомом РВСН. На учениях Главком присутствовал именно в пятом полку, и был просто восхищен четкой и безупречной работой старшего лейтенанта Склярова, но не мог понять, почему офицер с такой подготовкой, в свои сорок лет до сих пор находится на должности старшего лейтенанта. Он порекомендовал командиру полка перевести Склярова на должность второго номера, и через год присвоить ему звание капитана. Роберт поблагодарил Главкома, но от столь заманчивого предложения отказался, сказал, что через год у него исполняется двадцать лет службы, и он хочет увольняться из армии. Через год он действительно уволился из армии в звании старшего лейтенанта.

Вера Николаевна

Сегодня у Веры Николаевны Юбилей, восемьдесят лет исполнилось. Нелегкую жизнь она прожила, рано осталась без мужа, и с сыном Славкой проблемы были, но теперь уже все хорошо. Славку удалось закодировать, и теперь он больше не пьет, и вроде как бы женился. Привел в дом очередную жену. Не такую конечно, как бы ей хотелось, ну да ладно, ему с ней жить. Пока, вроде бы, между собой ладят. Это у Славки то ли пятая, то ли шестая жена, она в них уже запуталась. Первые две были законными, а остальные – просто сожительницы. От первой жены есть дочь Света, которой уже тринадцать лет. Интересно, придет она сегодня поздравить бабушку с юбилеем, или нет? Скорее всего не придет. Несколько раз она к ней приходила, но приходила всегда тогда, когда была уверена, что Славки нет дома, с отцом она встречаться не хочет. Наверно это мать ее против отца настраивает. Это она Славку первый раз в тюрьму посадила. Славка правда считает, что в тюрьму его мать посадила, а не жена, и до сих пор не может простить это матери.

Тогда у Славки с женой какая то ссора случилась, просто повздорили по-семейному, но жена начала огрызаться, в итоге ссора переросла в драку. Славка схватился за нож, но убивать жену он конечно же не хотел, просто хотел напугать, а жена не поняла, ударила Славку сковородкой и с

криками: «Спасите, убивают!» выскочила на улицу. Славка с ножом в руке выскочил за ней. Соседи его жену спрятали, и вызвали милицию. Славку забрали. На суде соседи показали, что Славка гонялся за женой с ножом. Славка все отрицал, утверждал, что было уже темно, и нож, в принципе, нельзя было увидеть. А когда опрашивали, как свидетельницу, Веру Николаевну, которая не слышала, какие показания давались перед ней, то она сказала, что никакого ножа у Славки не было, она это хорошо видела. Ее конечно же спросили, как она могла видеть в темноте, на что она ответила, что темноты еще не было, было светло как днем. В итоге показания соседей засчитали, и Славку посадили на три года. С тех пор он и считает, что это именно мать его посадила.

Потом Славка женился второй раз, и опять какая-то семейная ссора. Поскольку Славка тогда жил у жены, то подробностей этой ссоры Вера Николаевна не знает. Закончилось это тем, что Славка получил еще один срок, на этот раз уже четыре года. После второй отсидки Славка появлялся у матери редко, в основном тогда, когда нужно было денег занять, и она ему никогда не отказывала. Жил он у каких-то женщин, часто у жен сидевших зеков. Там конечно же каждый день пьянки, и Славка чуть не стал алкоголиком. Ей с трудом удалось уговорить его закодироваться, но этого хватило ненадолго, через полгода Славка раскодировался. Потом нашел себе очередную «жену», опять жену сидевшего зека. В принципе она была неплохой женщиной, и вполне по-

нимала Веру Николаевну. Вдвоем им удалось уговорить Славика закодироваться еще раз. Славка перестал пить и устроился работать водителем. Вместе со своей гражданской женой он иногда приходил к матери в гости, и Вера Николаевна была просто счастлива, наконец-то у ее сына жизнь начала налаживаться. А что еще нужно матери? Но и это счастье продлилось недолго. Как-то, среди ночи, Славка пришел к ней домой весь избитый. Оказалось, что муж его сожительницы, освободившись досрочно, вернулся домой, и застав там Славку, предложил ему освободить его законное место. После этого Славка уже постоянно жил в доме у матери. Домом правда это сложно было назвать. Вере Николаевне принадлежала только третья часть дома: две небольшие комнатки, одна порядка десяти квадратных метров, и вторая совсем крохотная – четыре квадратных метра, и между ними небольшой узкий коридорчик, три метра в длину. Вот в этой маленькой комнатушке Славка и стал жить. А теперь еще и очередную «жену» сюда привел. У этой его Людмилы есть своя двухкомнатная квартира, но там живут ее мать и ее дочь Катя. Славка там не прижился, и они переехали к Вере Николаевне. Здесь им конечно тесновато, и Людмила уже намекала, что было бы неплохо им поменяться комнатами, а то как-то несправедливо получается, что они вдвоем со Славкой теснятся в крохотной комнатушке, а она одна в большой барствует. Но Нина Николаевна ей ответила, что здесь она еще хозяйка, и переходить в маленькую комнату

она не собирается.

С Верой Николаевной я познакомился семь лет назад, когда Славка еще досиживал свой второй срок. Я тогда снимал квартиру в соседнем с ней доме, где мы жили с женой и дочерью, и мы целый год были соседями. Жилье у нас тогда было, а вот прописки не было, и жена не могла из-за этого устроиться на работу. Вера Николаевна оказалась очень доброй женщиной, она и предложила нам прописаться у нее в доме. И мы за это были ей очень благодарны. Я помогал ей весной вскапывать ее маленький огородик возле дома, а когда вернулся Славик и завел огромного пса, которого нужно было чем-то кормить, привозил им со своего огорода по два или три мешка мелкой картошки. Славик меня тогда очень удивил тем, что не может поднять мешок картошки. Он на голову выше меня, и казался мне сильнее меня, но я этот мешок легко поднимал, а он вообще не смог его вытащить из коляски моего мотоцикла. Вера Николаевна тогда сказала, что он свое здоровье в тюрьме оставил.

Праздничный стол Вера Николаевна накрыла в своей комнате. Гостей она не звала, поэтому, кто вспомнит и придет поздравить, тому она и рада будет. Кроме нас с женой были только Славка с Людмилой, да ее дочь Катя. Людмила оказалась довольно симпатичной молодой женщиной среднего роста, но немного резковатой. Катя вообще была красавицей, молоденькая девушка лет пятнадцати. Поскольку Славке пить нельзя, то Юбилей праздновали без выпивки. Мне

почему-то показалось, что Людмиле не очень нравится наше с женой присутствие на этом празднике. А может мне это только показалось, ведь мы с Людмилой до этого не были знакомы, и, возможно, она чувствовала себя не совсем уютно в нашем присутствии. Жена спрашивала у Веры Николаевны какие таблетки она сейчас принимает, и не нужно ли ей чего ни будь привезти. Не успела Вера Николаевна ответить, как Людмила резко ответила, что у них все есть, и в помощи они не нуждаются. Потом Катя села к Славке на колени и стала обнимать его за шею, изображая маленькую девочку и называя его отцом. Вере Николаевне это не понравилось, и когда Славка с Людмилой вышли во двор покурить, она высказала Кате свое недовольство.

– Ты зачем к нему на колени садишься? – спросила она Катю.

– А что, я не могу к отцу на колени сесть?

– К отцу можешь, но Славка тебе не отец, он для тебя посторонний мужчина. Ты ведешь себя как опытная проститутка. Если он тебя как ни будь изнасилует, то в этом будешь виновата только ты, но в тюрьму после этого сядет он.

Вера Николаевна конечно же хотела ее предупредить, а заодно и сына уберечь от тюрьмы, и сделала это из лучших побуждений, но Катя на нее обиделась. Она что-то сказала матери и уехала домой. Праздник явно был испорчен, поэтому, не дожидаясь чая с тортом, уехали домой и мы.

Примерно через месяц мне домой позвонила какая-то

женщина и спросила знаю ли я Веру Николаевну.

– Конечно же знаю, – ответил я.

– Это ее подруга звонит. Вера Николаевна просила, чтобы Вы к ней приехали, только не домой, а ко мне. Она сейчас у меня живет.

– Хорошо, приедем. Диктуйте адрес.

На следующий день мы с женой на мотоцикле поехали по указанному адресу. Это оказался старый двухэтажный дом, которые раньше строили для работников завода «Химволокно». На втором этаже этого дома и находилась однокомнатная квартира, в которой жила подруга Веры Николаевны. Она нам об этой подруге рассказывала, но мы с ней никогда раньше не встречались. В квартире теперь жили трое: Вера Николаевна, ее подруга и большой черный кот. Увидев нас, Вера Николаевна расплакалась, и поведала жуткую историю продолжения ее Юбилея.

Когда гости разошлись, она убрала со стола, помыла посуду, и решила пораньше лечь спать, так как от праздничных хлопот сильно устала и не было сил даже телевизор смотреть. Закрыла дверь в комнату, переделась в ночнушку, и легла в постель. Не успела уснуть, как в комнату кто-то вошел.

– Что, уже дрыхнешь, старая? – услышала она голос Людмилы.

Открыла глаза и увидела, что это Славка с Людмилой. Что им здесь понадобилось?

– Еще не подохла? – опять спросила Людмила. – Ты сколь-

ко будешь небо коптить и мешать нам жить? Давно пора в могиле лежать, а она все жизни радуется и праздники устраивает. Ты долго еще будешь нас мучить?

Она схватила Веру Николаевну за волосы и стащила с кровати на пол. Славка сел на стул и молча наблюдал за происходящим.

– Ты зачем мою дочь проституткой обозвала? Зачем над ребенком издеваешься?

– Да я ее не обзывала, – пыталась оправдаться Вера Николаевна, – я ее просто предупредить хотела.

– Предупредила? А теперь у ребенка истерика. Слезами заливается. Ты мне за это ответишь.

Людмила опять схватила Веру Николаевну за волосы и стала бить ее головой об пол.

– Славка, что же ты смотришь? Защити мать! – обратилась мать к сыну, но тот смотрел на происходящее и улыбался.

Вера Николаевна заплакала, не столько от боли, сколько от обиды на сына. Сколько раз она его спасала? Если бы она его не закодировала, он бы уже давно сам в могиле лежал. А он позволяет сожительнице вот так издеваться над матерью. А Людмила, распалая сама себя, вошла в раж, била ее кулаками по лицу, душила, и опять била головой об пол. Вера Николаевна больше ни о чем не просила. Она видела только смеющиеся глаза сына и понимала, что ему нравится, как издеваются над матерью.

Когда она очнулась, то не сразу поняла, что лежит не в постели, а в своей комнате на полу. Сознание возвращалось постепенно, вспомнила, как ее избивала сожительница сына, и смеющиеся глаза Славки. Из-за закрытой входной двери доносились голоса Славки и Людмилы.

– А давай ее придушим, – предлагала Людмила.

– Следы останутся, – возразил многоопытный в уголовном деле Славка.

– Ну тогда подушкой, от подушки следов не останется.

– Давай сама, я не буду.

– А ведь они не шутят, – подумала Вера Николаевна, – могут и задушить. Ее любимый и единственный сынок Славка один раз уже пытался это сделать. Это случилось после его первой отсидки. Он тогда сильно напился и начал обвинять мать в том, что это она его в тюрьму посадила. Обвинения закончились тем, что он несколько раз ударил ее по лицу и начал душить. Ей тогда удалось вырваться и убежать из дома. Среди ночи прибежала она в милицию, рассказала, что сын хотел ее задушить. Обрато она приехала с нарядом милиции. Сын спокойно спал в своей комнате и никакой агрессии ни к ней, ни к милиции не проявлял.

– Ты зачем мать избил? – спросил его милиционер.

– Я? – удивился Славка. Да я ее даже не видел.

– А откуда у нее синяки на лице?

– Не знаю. Может на пороге упала. Порог у нас скользкий.

– А она утверждает, что ты ее еще и душил.

– У нее в последнее время с головой проблемы.

– Но ты же пьян?

– Ну выпил немножко после работы, и сплю.

Ни в голосе, ни в поведении никакой агрессии. И милиция почему-то поверила ее сыну, а не ей. Ее оставили дома, а сами уехали.

А на этот раз ее точно задушат. Она потихоньку попробовала встать. Получилось. Тихонько подошла к двери и закрыла ее на накидной крючок. Сын с сожительницей по-прежнему совещались, как лучше от нее избавиться. Она подошла к окну и открыла его. Высоковато конечно, до земли метра полтора, в ее возрасте можно и ноги поломать. Но зато оно выходит прямо на улицу, а не во двор. На ней только ночная рубашка и комнатные тапочки. Обувь для улицы стоит в коридоре, там же и теплая одежда висит. В шкафу, который стоит в комнате, есть ее кофты, но его сейчас нельзя открывать, дверка будет сильно скрипеть, услышат. Перекрестилась и полезла в окно. На землю спустилась почти нормально, только руки и ноги сильно разодрала.

Куда дальше? В милицию? Нет, в милицию она больше не пойдет. Нужно ехать к подруге, Славка не знает где она живет. В комнатных тапочках и в ночнушке побрела на площадь. Оттуда на такси и приехала к подруге, которой пришлось еще и за такси заплатить. Теперь вот уже почти месяц живет здесь, без денег и без документов. Если бы догадалась взять с собой сберкнижку, то пенсию могла бы снимать, но

тогда она об этом не думала. А теперь вот сидит на шее у подруги, закончила свой грустный рассказ Вера Николаевна.

Я пообещал привезти ей картошки и денег, и жена заверяла ее, что мы ее не бросим. А пока-что я отдал Вере Николаевне те немногие деньги, которые были у меня в кошельке, на первое время на продукты хватит.

– А Вы в милицию не обращались? – спросила жена.

– Нет, – ответила Вера Николаевна.

– А может вы съездите в милицию и заявите на них? – предложила Вера Николаевна нам с женой.

– От нас заявление не примут, во-первых, мы для Вас посторонние люди, а, во-вторых, сами мы ведь ничего не видели. Нас даже слушать не станут, – пояснил я. – А давайте завтра я отвезу Вас в милицию, и Вы сами напишете на них заявление.

– Нет, сама я ничего писать не буду. Это ведь мой сын все-таки.

Вот она, материнская любовь. Он ее убить собирался, а она не хочет заявлять на него в милицию. Но, в принципе, это ее право.

Мы с женой еще несколько раз навещали Веру Николаевну, привозили продукты, немного денег, картошку и яблоки, чтобы она не чувствовала, что сидит у подруги на шее. Но в последний приезд нам показалось, что отношения между подругами немного разладились, в разговорах между ними уже не чувствовалось того тепла, которое было два месяца

назад, а в их голосах был какой-то холодок. Характер у Веры Николаевны конечно не ангельский, возможно она что-то лишнее и сказала подруге. А когда мы приехали к ним в очередной раз, подруга сказала, что Вера Николаевна у нее больше не живет. Приезжал Славка и уговорил мать вернуться домой. Хотелось спросить: «А откуда он адрес узнал?», но мы не стали это спрашивать, возможно сама подруга как-то и сообщила Славке где находится его мать. Как я понимаю, отсутствие матери его вполне устраивало. Прошло уже три месяца как она сбежала, но он и не собирался ее искать. А тут вдруг приехал забирать. Что-то здесь не так. Наверно подруга, может даже из лучших побуждений, пригрозила ему, что в милицию сходит.

На следующий день жена накупила гостинцев, и мы поехали навестить Веру Николаевну дома. На порог дома вышла Людмила. При виде нас, она совсем не обрадовалась. Сказала, что Славки дома нет, а Вера Николаевна не хочет никого видеть. Но через приоткрытую дверь я увидел, что Славка был дома. В дом Людмила нас не пустила, и взять для Веры Николаевны наши гостинцы она также отказалась, сказав, что у нее все есть, и она ни в чем не нуждается. Так, ни с чем, мы и уехали. Было подозрение, что над Верой Николаевной там опять издеваются, поэтому через неделю, я заехал к ней еще раз. На звонок из дома никто не вышел. Тогда я постучал в окно, через которое убегала Вера Николаевна. Чтобы дотянуться до стекла, мне пришлось встать на цыпочки. Да, здесь

высоковато. Даже странно, что ей удалось отсюда выбраться не поломав ноги, она ведь сантиметров на десять ниже меня. На мой стук никто не отозвался. Если бы Вера Николаевна находилась в этой комнате, она наверняка подошла бы к окну. Может ее в маленькую комнату переселили? Ну конечно же переселили, они ведь давно этого хотели. Как я сразу не догадался? Но окно из маленькой комнаты выходит на противоположную сторону, в палисадник. Туда можно попасть только через соседний двор. Позвонил к соседям, которые занимали другую часть дома. Мне повезло, соседка была дома, но о Вере Николаевне она ничего не знала, так как не видела ее уже очень давно. Она даже не знала, что та три месяца не жила дома. Пройти через свой двор на участок соседки она мне разрешила. Я долго стучал в окошко маленькой комнаты, но и там никто не отзывался. По всем признакам выходило, что Вера Николаевна не встает с постели и не может подойти к окну. Это было очень странно, ведь три недели назад она чувствовала себя вполне нормально и ни на что не жаловалась. И опять я уехал домой так ничего о ней и не узнав. Попасть к ним в дом больше надежды не было.

Через некоторое время жена где-то встретила Славку, от которого и узнала, что Вера Николаевна умерла.

– А нас то почему на похороны не пригласили? – спросила она его.

– У меня нет номера вашего телефона.

– Но ты же был у нас дома и знаешь где мы живем.

В ответ молчание. Понятно, что нас никто и не собирался звать.

Вот еще одна незавидная женская судьба. Всю жизнь Вера Николаевна прожила ради своего сына, но он никогда это не ценил, ни при ее жизни, ни после смерти.

Павлик

Павлик зашел в море, чтобы искупаться. Он уже отошел от берега метров на двадцать, но воды было ему только по колена. Какое-то оно очень мелкое это море, но зато большое, противоположного берега почти не видно. Где же глубина, чтобы можно было искупаться? Прошел еще метров десять, здесь глубина уже по пояс, можно и искупаться. И тут его сзади кто-то позвал: «Павлик, выходи!». Павлик оглянулся и увидел, что на берегу моря стоит одинокий мальчик, и больше никого нет. А ведь, когда Павлик заходил в воду на берегу было полно народа. Куда же они все подевались?

– Павлик, выходи! – опять позвал мальчик.

Кто он такой и что ему нужно? – подумал Павлик.

– Сейчас, искупаюсь и выйду, – сказал ему Павлик.

– Павлик, выходи! – словно не слыша ответа, опять позвал мальчик.

Павлик открыл глаза и увидел над головой бабушкину люстру. Значит он еще не на море, а у бабушки Любы на даче под Серпуховом. Море ему только приснилось. В комнате было душно, и ему стало жалко, что во сне он не успел искупаться. Он закрыл глаза, пытаясь вернуть этот прекрасный сон. Дрема только начала к нему опять возвращаться, как опять послышался голос: «Павлик, выходи!». Теперь он узнал этот голос. С улицы его звал друг Костя, который тоже

жил у бабушки на даче неподалеку.

– Ну что ему нужно? Такой сон перебил, – огорченно подумал Павлик.

Он нехотя встал, подошел к окошку и открыл форточку. Снаружи в комнату сразу ворвалось разноголосое пение птиц и шум Симферопольской трассы, проходящей буквально в сотне метрах от бабушкиной дачи. Днем этот шум как-то не замечается, к нему уже привыкли, а ночью он настолько сильный, что спать с открытой форточкой невозможно, поэтому, даже в жару, приходится спать с закрытой форточкой. Кстати, бабушкина дача находится в деревне Костино, где живет и его друг Костя. Правда интересно получается? Костя живет в Костино.

– Чего тебе? – спросил он стоящего за оградой Костю.

– Ты чего спишь так долго? Выходи гулять, у нас ведь всего два дня осталось, – с грустью в голосе ответил друг.

Действительно, сегодня уже суббота, а в понедельник он с мамой уезжает на море, потом пойдет в первый класс, и они с Костей в этом году больше не встретятся. Костя тоже пойдет в первый класс. Они с Костей одноклассники, но Костя выглядит гораздо старше Павлика, хотя Павлик и шустрее, и сообразительнее Кости.

– Приходи через полчаса, – решает Павлик, – без завтрака бабушка меня гулять не отпустит.

Костя убежал домой, а Павлик надел майку и вышел из комнаты.

– О, Павлик проснулся! – обрадовалась бабушка. – Умывайся и садись завтракать.

На завтрак было все Павликово любимое: яичница с колбасой и помидорами, а поскольку уже начало августа, то помидоры свои, вкусные, выращенные бабушкой на грядке, и любимые блинчики со сметаной и молоком. И никаких геркулесовых каш, которыми бабушка всегда любила кормить по утрам внука. Сегодня бабушка какая-то очень добрая, отметил про себя Павлик. Он быстренько съел завтрак и сказал бабушке, что пойдет гулять к Косте.

– А дроздов кто гонять будет? – поинтересовалась бабушка.

У Павлика на даче была постоянная обязанность – прогонять птиц с грядок. У бабушки на даче жили какие-то неправильные птицы. В детском садике им рассказывали, что певчие птицы питаются вредными жучками и червячками, а эти питаются тем, что растет у бабушки на грядках и в саду на кустах. Есть конечно и хорошие птички, такие как синички, воробьи, малиновки, соловьи, трясогузки, которые чирикают или очень даже красиво поют, и ничего с бабушкиных грядок не воруют. А вот скворцы и дрозды, которые почему-то считаются певчими птицами (Павлик никогда не слышал, чтобы они пели) – это настоящие разбойники и воры. Скворцы должны жить в скворечниках парами, а здешние неизвестно где живут и летают целыми стаями. Налетает такая стая на грядку, где бабушка посадила для Павлика ку-

курузку, чтобы сварить ее ему молодой, когда та вырастет, выдергивают из земли только еще начинающие пробиваться ростки, вместе с семечком, и съедают само семечко посаженной кукурузы, в результате чего Павлик остается без вкусной молодой кукурузы. Позже они налетают стаей на кусты войлочной вишни и за пару дней уничтожают весь урожай, не давая вишне созреть. И ладно бы, если бы они их ели, а то ведь расклевывают еще зеленые ягоды и съедают только косточки, а остальное выплевывают. Красные вкусные вишни они уже не трогают, но до красноты их доживает очень мало. Чтобы улучшить им жизнь, в прошлом году Павлик с дедушкой построили им скворечник, но в него они селиться не захотели, и их домик заняли воробьи. После скворцов появились дрозды, которые также летают большими стаями. Этим понравилась спелая клубника, которая, кстати, Павлику тоже очень нравится. Они сидят на проводах линии электропередач, проходящей за оградой дачи, и внимательно наблюдают за происходящим на даче. Как только люди уходят с огорода и сада, они моментально садятся на грядку клубники и клюют спелые ягоды. Странно, а почему их не бьет током, когда они сидят на голых проводах? Бабушка рассказывала, что в детстве его отца чуть не убило током, когда тот засунул ее шпильку для заколки волос в электрическую розетку. Нужно будет у деда Юры спросить, тот все знает. Но теперь клубника уже почти отошла, и дрозды переключились на куст черного крыжовника. На этом крыжовнике шипы как

у розы, очень колючие, но они спокойно садятся на ветки крыжовника, как будто там и нет никаких шипов. Наверно у них какие-то ноги не пробиваемые, которые ни шипов, ни электрического тока не боятся. Вот и сейчас, они все так же сидят на проводах и ждут, когда все уйдут с огорода. Из-за них теперь Павлик и погулять не сможет. И тут у Павлика появляется спасительная мысль: «В огороде ведь сейчас дед работает, а при нем дрозды не будут клевать крыжовник». И он озвучивает эту мысль бабушке.

– Ладно, уж. Иди гуляй, – соглашается бабушка.

И обрадованный Павлик со всех ног бежит к Косте, который уже ждет его за оградой дачи.

– Ты помешал мне в море искупаться. Зачем ты так кричал? – напустился он на Костю.

– В каком море? – не понял Костя.

– Ну, мне снилось, что я пошел купаться в море, а ты стал кричать, и я проснулся, не успев искупаться.

– А...а? – протянул Костя, – Так ты же скоро на самом деле увидишь море и будешь в нем купаться. Я тебе даже завидую. На море я еще никогда не был.

– А мне и хочется увидеть море, а ехать туда не хочется, – признался Павлик. – Я бы лучше до конца лета здесь остался. Если бы с нами еще папа ехал, тогда другое дело, а мама едет с дядей Мишей и его дочкой Юлей.

Родители Павлика развелись два года назад, и теперь его мама встречалась с дядей Мишей, который также был разве-

ден. Его дочь, как и Павлик, тоже жила с мамой, но в отпуск на море он решил взять дочь с собой.

Внимание друзей привлек шмель, который, натужно жужжа, как тяжелый бомбардировщик, перелетал с одного цветка клевера на другой, собирая нектар. Здесь же летали и пчелы, но на цветки клевера они не садились. Павлик сорвал цветок клевера, вырвал несколько лепесточков из этого цветка и обсосал их.

– Вкусно, – сказал он, – как настоящий мед. Попробуй, – протянул он цветок Косте.

Костя попробовал. Действительно вкусно. И нектара очень много.

– А почему пчелы с них нектар не собирают? Они что, не знают, что в них так много нектара? – изумился он.

– Дедушка говорил, что у пчел хоботок короткий, и на цветах клевера он до нектара не достает, поэтому весь нектар с клевера и достается шмелям, они ведь далеко летать не могут. А пчелы могут где угодно нектар найти, – пояснил Павлик.

Шмель полетел дальше, а внимание ребят привлекла кучка муравьев, которые тащили огромную волосатую красно-рыжую гусеницу. Гусеница еще извивалась и пыталась сопротивляться, но муравьи кусали ее со всех сторон, и вскоре гусеница затихла. Но ноша оказалась этой кучке муравьев не под силу. Как они ни старались, не могли ее вытащить из густой травы. Но, через некоторое время, количество мура-

вьев значительно увеличилось, и они легко потащили гусеницу дальше.

– Наверно подмогу позвали, – предположил Костя.

– Да, дружно работают, – согласился Павлик.

– А давай пойдем нож бросать, – предложил Костя.

– А нож где возьмем? – поинтересовался Павлик.

– У твоей бабушки, – без тени сомнения ответил Костя.

– Она не даст.

– А ты тихонько возьми.

Через некоторое время друзья были уже в саду на даче и бросали нож в толстую яблоню, растущую в саду. Пока бабушка обнаружила это безобразие, они уже успели несколько раз воткнуть нож в ствол яблони. Увидев свою строгую бабушку Павлик весь сжался, предчувствуя неминуемое наказание, но бабушка удивила его опять.

– Юра! – позвала она деда, который трудился неподалеку, выравнивая площадку ниже домика, для чего срывал грунт с бугра, загружал его в тачку, и перевозил в более низкое место, – Забей кол и прибей к нему какую ни будь дощечку, пока эти разбойники ножом яблоню не испортили.

Павлик просто не узнавал свою бабушку, ни нож не забрала, ни заругала. А дед отложил свои дела и принялся мастерить им мишень для метания ножа. Чудеса, да и только. Вот только метать нож в прибитую к колу доску ребятам не понравилось, она пружинила и нож от нее отскакивал. Им так ни разу и не удалось воткнуть нож в доску, и это заня-

тие им вскоре надоело. К тому же, из Москвы приехал отец Павлика, Саша, и Костя, чувствуя, что он теперь здесь лишний, убежал домой. После обеда отец предложил Павлику сходить в лес за грибами. Эту идею поддержал и дед Юра, только бабушка отказалась идти в лес, ссылаясь на то, что ей еще посуду нужно мыть. Сегодня все удивляли Павлика. Сколько раз он просил и деда, и отца сходить в лес за грибами, но тем всегда было некогда, да и вообще за грибами они никогда не ходили. А тут сами предложили сходить за грибами. Да, чудеса!

Отец с дедом взяли ведра и ножи, а Павлику дали только нож, предупредив, чтобы не потерял его в лесу. От дачи до ближайшего леса было метров триста, и через десять минут они были уже в лесу. Приятная прохлада леса удивила всех троих. Август выдался теплым, и на даче было очень жарко, относительная прохлада наступала только тогда, когда солнце закрывала очередная тучка, но тучек на небе было очень мало. А тут такая прелесть, совсем не жарко, поют птички, стрекочут кузнечики, даже грибы иногда попадают, но дед говорит, что это поганки. Когда зашли глубже в лес, заметили и главный недостаток этого леса – комары. Их било не очень много, но они были очень назойливы. Кроме того, Павлику казалось, что они нападают в основном на него, на отца и деда они нападают как-то меньше, по крайней мере, они меньше от них отмахиваются сломанными с деревьев ветками.

Грибов в лесу очень мало, уже прошли с полкилометра и дошли до основного леса, а в ведрах до сих пор пусто. Здесь свернули направо и пошли вдоль опушки. Неожиданно набрели на могилу летчика, сбитого над этим лесом во время войны. Несмотря на то, что могила находилась в лесу, она была с оградкой, на ней стоял обелиск со звездой и табличкой, и лежало много цветов. И вот после этой могилы стали попадаться грибы. Брали только белые, подосиновики и подберезовики, так-как и дед и отец в грибах разбирались плохо, и остальные грибы брать боялись. Дед хорошо знал еще и опята, но их сейчас не было. Кроме комаров, Павлику в лесу все очень нравилось, особенно то, что он первым нашел белый гриб, а еще он нашел и самый большой белый гриб, но дед его забраковал, сказал, что он слишком червивый.

– А давайте возьмем его с собой, ну просто чтобы бабушке показать, а дома потом выбросим, – упрашивал деда внук.

– Нельзя класть его в общее ведро, из него черви по всем другим грибам расползутся, – не согласился дед.

Так бабушка и не увидела самый большой белый гриб, найденный Павликом. А из полного ведра принесенных домой грибов, уже отобранных в лесу дедом, она еще половину забраковала как слишком червивые, и выбросила их на мусорку. Оставшиеся полведра она почистила и теперь отваривала. А потом она их пожарит, и они будут их кушать с жаренной картошкой. А тем временем Павлик убежал к со-

седам, тете Гале и дяде Володе, чтобы рассказать им о своих успехах в сборе грибов. К ним бегать очень удобно, так как в ограде между дачами есть калитка, и не нужно бегать вокруг по дороге. На самом деле, их соседи такого же возраста как его дедушка и бабушка, но дедушкой и бабушкой их никто не называет, потому, что у них еще нет своих внуков.

Дядя Володя заканчивал пристраивать к своему совсем маленькому домику с одним окошком, такое же маленькое крыльцо. Теперь этот домик хоть немного становился похожим на дачу.

– Ну что, Павлик, теперь моя дача лучше, чем у твоего дедушки? – задал он свой обычный вопрос, чтобы подразнить Павлика.

Ну как можно сравнивать этот домик с дачей дедушки, не понимал Павлик. У его дедушки стоит настоящая жилая круглая бочка для нефтяников севера, со всеми удобствами, даже умывальник в ней есть, правда не работает. А у дяди Володи домик обшит плоским шифером, и вместо умывальника используется, прицепленный в углу между домиком и крыльцом, пятилитровый бочонок из-под пива, к которому он приделал поворотный кран.

– Ну...у, у Вас уже получше стало, – дипломатично отвечает Павлик, – но у дедушки все равно лучше. А я самый большой белый гриб нашел, – хвастается он.

– Позовешь, когда его кушать будете?

– Нет, его дедушка выбросил.

– Наверно он был не вкусным, – опять шутит дядя Володя.

– Дедушка его не пробовал, – вполне серьезно поясняет Павлик, – гриб был червивым. А дома бабушка еще половину грибов выбросила.

– Это нормально, – успокаивает его дядя Володя, – тетя Галя тоже не меньше половины выбрасывает, из тех, которые я приношу из лесу.

– А где тетя Галя?

– На грядках за домиком.

– Тогда я побегу, ей расскажу.

И довольный сегодняшним днем, Павлик убегает к тете Гале, чтобы и с ней поделиться своей радостью.

После ужина к дяде Володе подошел и дед Юра.

– Володя, у тебя здесь есть удочки?

– А зачем тебе? Ты же никогда не ходил на рыбалку.

– Да хотим завтра Павлика на рыбалку сводить.

– Для Павлика как раз есть легкая трехметровая двух коленка. Ему в самый раз будет. А для вас могу предложить только удочки без удилищ, но с поплавками и крючками. Удилища где ни будь на берегу вырежете.

Дед Юра с удочками ушел домой, еще червей нужно копать для завтрашней рыбалки, а дяде Володе неожиданно в голову пришла мысль, что как-то необычно много внимания они уделяют внуку, такого раньше никогда не было. С чего бы это?

На рыбалку собирались сходить на утренней зорьке, но

Павлик так сладко спал, что решили его рано не будить, а пойти попозже, когда он сам проснется. Утомленный вчерашним походом в лес, Павлик проснулся только к девяти часам.

– Ну что, идем? – сразу же спросил он, как только открыл глаза.

– Идем, идем. Только сначала умойся и позавтракай, – ответил дед.

Через полчаса Павлик уже был готов и стоял на крыльце с удочкой в руках.

– Ну чего вы возитесь? – подгонял он отца и деда. – Рыба нас уже заждалась.

Втроем вышли с дачи, прошли пятьдесят метров по направлению к трассе, а потом свернули направо, вдоль трассы к речке. Прошли еще двести метров, и вышли на берег небольшой речушки, под названием «Речма». В том месте, где они к ней вышли, ее ширина всего четыре или пять метров. Немного левее, под автомобильным мостом, она более широкая, пожалуй, больше десяти метров, но там она и более мелкая. На берегу стоят две, оставленные кем-то, деревянные рогатки для удочек. Возле них Павлик и решил рыбачить, а отец с дедом пошли в ближайший кустарник вырезать себе удилица. Речушка показалась Павлику совсем мелкой, наверно не больше, чем по колено будет. Каждый камешек на дне видно. А вон и стайка небольших рыбок стоит. Стоят, никуда не плывут, и только слегка шевелят плавниками.

– Папа, я рыбу нашел! – закричал Павлик.

– Ну и чего ты кричишь? – ты же ее распугаешь, – оставил его дед.

Отец настроил Павлику удочку на нужную глубину, которая оказалась не такой уж и маленькой, полтора метра, просто вода очень прозрачная, и дно кажется ближе. Показал, как надевать червя на крючок, и Павлик стал рыбачить. Забросил удочку с червем недалеко от стайки и стал ждать. Но рыбки его червя игнорировали полностью, даже головы в его сторону не поворачивали.

– Нужно забросить так, чтобы они червя видели, – подумал юный рыбак.

Он перезабросил удочку, так, чтобы червяк оказался перед рыбками, но не рассчитал, и груз упал в середину стайки, распугав рыбок. Павлика это огорчило, но рыбки вскоре опять собрались на прежнем месте. Получилось даже здорово, червяк теперь находился между рыбками, им оставалось только клевать. Вот одна подплыла к червяку, понюхала его, но есть не стала, и больше они его червяком не интересовались. Павлик просидел так минут десять, но клевать они не хотели. Ему это надоело, и он решил перезабросить удочку еще раз. На этот раз груз упал далеко от стайки, и Павлик решил подвести его поближе. Когда он проводил червя мимо стайки, стараясь завести его в такое место, чтобы рыбки его видели, одна рыбка бросилась на червя и съела его, поплавок ушел под воду. Вот она, первая поклевка. От радости Павли-

ку хотелось закричать отцу и деду, чтобы они знали, что он поймал рыбку, но он вовремя вспомнил предупреждение деда, что так он распугает рыбу, и готовый было уже вырваться крик радости застрял в горле. Павлик рванул удочку на себя, и рыбка пулей вылетела из воды, перелетела через его голову и упала там в траву. Юный рыбак еле ее нашел, и побежал к отцу, который рыбачил под мостом, показывать свой улов.

– Папа, я поймал! Она как клюнет, как вылетит, я ее еле нашел в траве, – тараторил он, стараясь высказать все свои эмоции сразу.

– Плотвичка. Понятно, сильно дернул. Постарайся не дергать, а тихонько вытаскивать, если еще клюнет, – посоветовал отец.

Следующей поклевки пришлось ждать долго. Павлик несколько раз забрасывал удочку и проводил червя мимо стайки, но рыбки не клевали. Он уже этого червя и через стайку проводил, никакой реакции. Но, при очередной проводке, одна рыбка наконец-то клюнула. Вытащил он ее более аккуратно, чем первую, и рыбка осталась на крючке. Это снова была плотвичка, большая, как две Павликовых ладони. Он снял ее с крючка и аккуратно опустил в ведро с водой, в котором уже плавала первая плотвичка, теперь ей не будет скучно. До обеда Павлику удалось поймать еще пять рыбок. У него был самый большой улов. Отец с дедом поймали всего по две рыбки. Павлик был бесконечно счастлив, он первый раз пошел на рыбалку, и обловил всех: и отца, и деда.

Пока бабушка чистила и жарила пойманных рыбок, Павлик сбегал к Косте, и в красках ему рассказал, как он ходил на рыбалку, как у него клевала рыба, и как он ее вытаскивал. Не забыл сообщить и о том, что отец с дедом почти ничего не поймали, почти всю рыбу поймал он. Костя ему явно завидовал, ведь его на рыбалку никогда не водили.

Вечером стали собираться ехать в Москву. Отцу в понедельник нужно на работу, а Павлику нужно ехать с мамой на море. Ему очень хотелось увидеть море, но уезжать от бабушки почему-то совсем не хотелось.

– Бабушка, а можно я не поеду на море? Так не хочется ехать. Лучше я здесь останусь.

– Нельзя, Павлик. Мама обидится. Подумает, что это мы тебя не отпустили, и больше не будет тебя к нам отпускать. Давай не будем обижать мамку.

Павлик вздохнул, и покорно сел к отцу в машину, мамку ему тоже обижать не хотелось.

В понедельник утром они вчетвером выехали на море. Дядя Миша за рулем своего старенького «Москвича», рядом с ним мама Оля, а они с Юлей расположились на заднем сидении. Сначала они с Юлей сторонились друг друга и сидели, прожавшись каждый к своей дверке, но потом расслабились и потихоньку начали разговаривать. Павлик рассказывал Юле как он ходил за грибами и на рыбалку, а Юля показывала, какое красивое платье ей вчера для моря мама купила. В обед остановились возле какого-то кафе, где пообедали

и скушали по мороженому. И снова в путь. Под вечер дядя Миша сказал, что пора бы с ночлегом определяться, он уже сильно устал. Переночевали в каком-то мотеле, а утром поехали дальше. В обед дети попросили кушать, но дядя Миша сказал, чтобы пожевали пока печенье с газировкой, останав- ливаться пока не будут, до моря осталась пара часов езды, там и пообедают.

Проехали длинный спуск, дальше начинался крутой подъ- ем, и дядя Миша нажал на газ, чтобы с разгона на него вы- скочить. Машин почти нет, только с горки навстречу спуска- ется автобус. Когда до автобуса оставалось метров тридцать, из-за него вдруг выскочила, несущаяся на огромной скоро- сти по их полосе, иномарка, которая тормозить явно не со- биралась.

–Затормозить? – подумал дядя Миша. – Нет, это не спа- сет, она все равно в них врежется. Вправо уйти нельзя, там отбойник, остается уходить только влево, под автобус, у него скорость небольшая, может его водитель и успеет затормо- зить.

И дядя Мише вывернул руль влево. Но водитель автобу- са на такой неожиданный маневр не рассчитывал, и затормо- зить не успел. «Москвич» влетел под автобус. Последнее, что видел Павлик, были быстро приближающиеся включен- ные фары автобуса. До моря он не доехал, и море так и не увидел.

Все ехавшие в «Москвиче» погибли мгновенно. Первый

суд вину за ДТП повесил на погибшего водителя «Москвича», и только благодаря настойчивости отца Павлика, Саши, нашли спровоцировавшую это ДТП иномарку, и второй суд признал виновным в ДТП находившегося за ее рулем армянина, который этим судом и был осужден. Справедливость как бы восторжествовала, но сына Саше это уже вернуть не могло. Косте, другу Павлика, о его смерти так и не рассказали, сказали, что они с мамкой переехали жить в другое место, поэтому к бабушке Павлик больше приезжать не будет.

Это опять она – судьба. С ней все более-менее понятно, от нее не отвертишься, и ее не изменишь. Здесь странно другое, поведение участников этих событий в последние два дня. Они как будто, что-то предчувствовали, явно не осознавая этого, они как будто навсегда провожали Павлика, стараясь, чтобы эти дни ему максимально запомнились. А как Павлику не хотелось ехать на море, которое он никогда не видел? Тоже неосознанное предчувствие чего-то плохого? Одни загадки. Мистика какая-то.

Дядя Ваня

Он лежал на диване и смотрел в потолок. Старался ни о чем не думать, но грустные мысли сами лезли в голову. Многие ему завидуют, считают, что у него жизнь сложилась прекрасно. Ему уже исполнился девяносто один год, а он при ясной памяти и на своих ногах до сих пор ходит. Вырастил сына Николая и дочь Нину, есть внуки и правнуки. Чего еще желать в его возрасте? А ему очень тяжело и грустно. Кажется, еще совсем недавно он был незаменимым в селе человеком, как-никак единственный на три села ветеринарный врач. А теперь он никому не нужен. Тяжело это осознавать. Бывало, вызывали его к заболевшей скотине в любое время суток, и он ехал на вызов, и в дождь, и в пургу. Иногда такой режим работы выводил его из себя, и он ругался и матерился, но никому не отказывал, ехал в любое место и в любую погоду. Сколько животных он спас за свою жизнь? Не сосчитать. И люди были ему за это благодарны, и уважали. Обращались всегда не иначе как Иван Павлович, те, кто по моложе, звали дядей Ваней. С каким удовольствием он вернулся бы сейчас в это свое прошлое, и ездил бы в дождь и в пургу, в любое время суток на вызовы. Он бы даже не матерился на такую работу. Лежать целыми днями дома на диване и ничего не делать – это оказалось гораздо тяжелее.

А когда-то он был молодым, и проходил пешком до два-

дцати километров в день. Ничего, выдерживал. Только бывало придет из Гинеевки на обед, как уже просят прийти в Скрыпай, там корова на ноги не встает, и, наскоро перекусив, Иван идет пешком в Скрыпай. Тогда же он и со своей будущей женой Анютой познакомился. Вроде бы очень хорошая была девушка. Или он что-то очень важное тогда в ней не рассмотрел? Но со временем, Анюта превратилась в очень злую и вредную бабу Нюсю. Ох и намаялся же он с ней за свою жизнь, царство ей небесное. Его мать, добрейшую бабушку Харитину, Нюся почему-то люто ненавидела, и поедом его ела, если узнавала, что по дороге с работы он заходил к своей матери, которая жила на краю села, рядом с колхозной фермой, все в той же хатке, в которую ее переселили после раскулачивания. Иногда ему убить жену хотелось, так она его доводила. Но теперь, и это уже кажется мелким и незначительным.

Вспомнил, как потом он купил себе велосипед. Так уже можно было жить, это не то, что пешком по трем селам мотаться. Теперь, после обеда, он даже немного отдохнуть успевал. Сын подрос, и тоже на ветеринара выучился. Теперь их было уже двое, уже и выходные дни удавалось выкраивать. Но про сына Ивану вспоминать не хотелось. В отличие от отца, который никогда не пил на работе, да и в нерабочее время выпивал крайне редко, (а было ли у него это нерабочее время, когда могли вызвать в любой момент), сын не мог отказать от рюмки водки, которую ему предлагали почти на

каждом вызове. В результате, Николай спился, и Иван опять остался единственным ветеринаром на три села. А годы брали свое, уже и крутить педали велосипеда стало ему тяжело. Тогда колхоз выделил ему лошадку, которая находилась у него дома. Иногда он ездил на ней верхом, но чаще на телеге. С работой справлялся, казалось бы никуда не спешил, а везде успевал. По-прежнему поднимал скотину на ноги, промывал и запускал работать остановившиеся желудки. Почти до восьмидесяти лет работал. А когда и перестал работать, то тоже не сидел сложа руки и не лежал дома на диване, как сейчас, а помогал дочери и зятю по хозяйству, да что там помогал, все домашнее хозяйство было на нем. Вот только за последний год он сильно ослабел. Уже не может ни воды из колодца вытащить, ни скотину покормить, ни навоз убрать. Сам с трудом до туалета доходит. Странные люди, ну чему тут можно завидовать? И его мысли уносятся в прошлое. Вот говорят, что он прожил хорошую жизнь. А что там было хорошего? Что они знают про его жизнь?

Почему-то вспомнилось раскулачивание. Раскулачивать пришли, когда отца почему-то не было дома. Разрешили надеть на себя свою одежду и по маленькому узелку взять в руки, больше ничего брать не разрешалось. Мать одела одиннадцать своих детишек, в маленькие узелки положила немного хлеба и детское бельишко, себе же даже узелок не связала, так как руки у нее были заняты, на руках у нее была самая маленькая Паша, полгодика всего. Закутала Пашу в надетый

на себя тулуп и все вышли на улицу, где их уже ждала телега. И тут, при свете морозного дня, старший разглядел, что на Харитине одет новый тулуп.

– Ну ка снимай тулуп, сучка кулацкая! – закричал он на мать.

Та стояла, явно не понимая, что от нее хотят. Не собираются же они раздевать ее на таком морозе? Но именно это они и хотели, уж больно добротным был новый тулуп. Один из активистов подскочил к растерянной матери и стал стаскивать с нее тулуп. Маленькая Паша выпала из рук матери в снег, и громко заплакала. Ваня подбежал и поднял сестричку на руки, вытирая снег с ее маленького личика, и успокаивая. А мать осталась на морозе в одной старенькой кофточке. Их всех погрузили на телегу и повезли на самый край села, где стояла маленькая, на данный момент ничейная хатка, возле которой их и выгрузили. Хорошо еще, что в своем селе оставили, а не вывезли на Урал, как других раскулаченных. А какие они кулаки? В хозяйстве была одна коровка и две лошадки. На то, что на эту одну коровку у них одиннадцать детей, никто даже не посмотрел. После раскулачивания некоторые дети умерли, другие погибли во время войны, в том числе на войне погиб и их отец. В итоге, после войны в живых их осталось пятеро: Николай, Федор, он Иван, Дуся и младшая Паша. Сейчас в живых осталось только двое: он и Паша, тоже уже вся больная.

И опять мысли уносят его в прошлое. Вспомнилось нача-

ло войны. Немцы пришли в село как-то совсем неожиданно. Только накануне вечером мобилизованных на фронт молодых ребят, в том числе и двух его старших братьев Петра и Михаила, построили в колонну и пешком отправили на Змиев, а уже на следующий день утром, в село пришли немцы. В тот же день и узнали, что отправленную колонну перехватили немцы и всех расстреляли. Ему тогда еще и четырнадцати не было, но его, вместе с другой молодежью, немцы отправили на работы в Германию. Там он четыре года работал у какого-то бюргера на ферме, ухаживал за коровами и поросятами, вместе с ними в подсобке и спал. Ему тогда повезло, голодным он никогда не был, всегда можно было съесть пару картошин из того корма, которым он кормил свиней. И немец был не очень злой, бил редко.

Все он выдержал, все пережил, но так плохо как сейчас, ему еще никогда не было. Он чувствовал свою ненужность, и это его сильно угнетало. Вместо помощника, каким он был в последнее время, он становится обузой для дочери и зятя. А ведь раньше на нем все держалось, и он даже думал, что без него они не справятся, и все развалится. Оказывается, он переоценивал свое значение, ничего не развалилось, справляются и без него, он им теперь только мешает. Зять делает вид, что все нормально, а дочь начинает на него покрикивать, то не там встал, то не там сел, везде он ей мешает, наверно у покойной матери научилось. Та, в последние годы своей жизни, постоянно на него кричала, он ей тоже везде

мешал. Но тогда он еще мог куда-то уйти, чтобы не слышать всего этого крика и визга, а теперь уже никуда не уйдешь, ноги не носят, приходится все выслушивать и терпеть. О...ох, как это унижительно. А что будет дальше? Что будет, когда он не сможет и до туалета дойти? Нет, этого нельзя допустить, пока он еще кое как может ходить и распоряжается своим телом, нужно что-то решать. Он уже достаточно пожил, то, что будет дальше, это уже будет не жизнь, это будут сплошные мучения, как физические, так и моральные. К физическим болям за последний год он уже привык, постоянно болит все тело, он даже затрудняется назвать ту часть тела, которая у него не болит. А по ночам ноги так выкручивает, что уснуть невозможно, и он всю ночь ворочается, мешая спать дочери и зятю. Иногда слышит в свой адрес: «За день выспался, теперь ему не спится, и нам мешает». Им даже невдомек, что не спит он от боли. Но физических страданий он не боялся, а вот моральные страдания его пугали.

Он опять вспомнил сына Николая. Тогда, когда Николай повесился, он его осуждал, ведь это большой грех, наложить на себя руки. А теперь он его понимал. Николай уже не мог избавиться от пьянства и прекрасно это понимал, не хотел становиться ни для кого обузой, поэтому и решил вовремя уйти из жизни. Пора и ему принимать какое-то решение, пока еще он может что-то решать, потом будет поздно. Иван обул валенки, и, с трудом передвигая ноги, пошел в сарай. Ноги скользили по снегу, и он пару раз чуть не упал, а падать

ему никак нельзя, самостоятельно он может и не подняться. С трудом добрался до сарая и сел отдохнуть на перевернутый ящик. Зачем сюда пришел, он еще точно не знал, так оглядеться, и посмотреть кое-что. На гвозде должны были висеть возжи, но их почему-то на месте не было. Вместо них на гвозде висел только налыгач, кусок веревки, длиной порядка двух метров, которым за рога привязывали корову.

– Маловато будет, – подумал Иван. – А может и хватит? Нужно примерить.

Он медленно встал, так же медленно подошел к гвоздю и снял веревку. Как он и ожидал, небольшая петля, которую надевали на рог коровы, уже была завязана. Он вернулся к ящику на котором сидел, встал на него, и перебросил веревку через балку, находящуюся над этим ящиком. Как можно выше завязал петлю на свободном конце веревки, продел в нее конец веревки с маленькой петлей и потянул веревку на себя. Петля подтянулась к самой балке и там остановилась, прочно затянувшись. Получилось вполне надежно, и веревки будет достаточно. Уставший Иван слез с ящика и опять сел на него передохнуть. Примерка закончена, теперь он отдохнет, снимет веревку, а потом воспользуется ею, когда придет время. Отдохнув, он опять полез на ящик снимать веревку, но не тут то было. Как же он ее снимет, если лестницы в сарае нет, а до затянутого возле балки узла он не дотягивается? И оставлять так веревку нельзя, дочь с зятем сразу обо всем догадаются.

– Что же делать? – задумался Иван, слезая с ящика. – А в чем собственно говоря проблема? Какая разница, сегодня, или через пару недель? Сегодня, пожалуй, даже лучше, никого дома нет, а позже, или помешают, или, не дай бог, до сарая дойти не сможет.

Иван опять залез на ящик, протянул веревку в маленькую петлю и набросил уже большую петлю себе на шею. Веревка получилась даже длиннее чем нужно, зря он боялся, что она будет короткой, придется ноги подгибать, иначе петля не затянется.

Иван перекрестился, мысленно попросил у Бога и людей прощения за свой грех, спрыгнул с ящика и подогнул ноги. Теперь дядя Ваня больше никому мешать не будет. Точку в своей судьбе он поставил сам.